

ББК 76
А 38

**Факультет
журналистики ВГУ
Академия наук
региональной печати**



АЛЬМАНАХ

Выпуск 7-8 (150-151)
2017

Редакционная коллегия:

**В.В. Тулупов —
главный редактор**
А.М. Шишлянникова
Л.Е. Кройчик
(Воронеж)
С.Г. Корконосенко
(Санкт-Петербург)
А.И. Акопов
А.И. Станько
(Ростов-на-Дону)
Ю.Н. Мясников
(Томск)
В.Ф. Олешко
(Екатеринбург)
А.Л. Факторович
(Краснодар)

ISBN 5-900955-02-8

Корректоры – Т. Коновалова,
А. Князева

© Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета.

Подписано в печать
23.11.2017. Тираж 150 экз.

Содержание

СЛОВО РЕДАКТОРА

Владимир Тулупов

Медиаобразование на постсоветском пространстве:
опыт, проблемы и перспективы 2

НАУЧНАЯ ШКОЛА: БФУ

Михаил Берендеев

Молодёжь и политика в цифровую эпоху социальных
медиа: on-line vs. off-line 4

Мальвина Друкер

Актуальные проблемы современной российской
социальной видеорекламы 8

Наталья Суворова

Роль современных СМИ в освещении террористических
актов 11

Галина Яновская

Внедрение вирусных идей под предлогом реформ
системы образования 14

Галина Яновская, Ольга Кочеткова, Анжелика Остапенко

Молодёжные блогеры как проводники идей
и смыслов в подростковой среде 17

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЖУРНАЛИСТИКИ

Иван Астафуров

Трансформация коммуникационных процессов
и региональная информационная политика 32

Сергей Страшнов

Гипербола в современной журналистике 35

СООБЩЕНИЯ 38

ЛИТЕРАТУРА

Лев Кройчик

Литература и театр: повторение пройденного? 39

ДАЙДЖЕСТ 42

ТВОРЧЕСТВО НАШИХ КОЛЛЕГ

Анатолий Ломов

Под сенью вчерашнего дня.
Из записок старого профессора 44

SUMMARY OF THE ISSUE 79



Владимир Тулунов

Медиаобразование на постсоветском пространстве: опыт, проблемы и перспективы

Выступление на Международной научно-практической конференции «Будущее Евразии: интеграционные и дезинтеграционные процессы, выбор стратегий развития (политико-медийный дискурс)».

Анализ состояния медиаобразования на постсоветском пространстве показал, что данное педагогическое направление развивается, хотя и не такими быстрыми темпами, как этого хотелось бы и как этого требует сложившаяся ситуация в нашу информационную эпоху.

Не следует думать, что медиаобразование — детище нового тысячелетия, оно стало активно развиваться уже в первой половине прошлого века как кинообразование, в том числе и в России. Одним из пионеров отечественного медиаобразования был воронежский ученый и практик Сталь Никанорович Пензин, памяти которого мы посвятили работу специальной секции 25-й Всероссийской научной конференции «Проблемы массовой коммуникации», прошедшей в Воронеже в мае 2016 г., и выпустили межвузовский сборник с участием коллег из Казахстана и Украины.

Сегодня медиаобразование является частью общего образования школьников, оно реализуется как дополнительное образование в различных досуговых центрах, как дистанционное образование населения и, наконец, как самостоятельное / непрерывное медиаобразование каждого человека в течение всей жизни. Но неверно под медиаобразованием понимать профессиональное образование журналистов, что является довольно распространенной ошибкой.

Далее представим обзор состояния медиаобразования в некоторых странах нашего ближнего зарубежья.

Армения. Медиапедагоги этой страны опираются на наследие профессора Д. Н. Абрамяна, учитывая при этом мировые тенденции медиапедагогики. Так, медиаобразовательное поле Армении представлено рядом интернет-сайтов (www.dpir.mskh.am, www.mediaeducation.am и др.),

на которых активно и оперативно публикуется информация, связанная с деятельностью различных медиаобразовательных центров. Действует медийная библиотека им. Тиграна Айрапетяна (www.gradaran.mskh.am), интересен опыт школьного интернет-сайта общеобразовательной школы www.mskh.am.

Белоруссия. Белорусские медиапедагоги и исследователи медиа развивают теорию развития критического мышления, а также культурологическую, эстетическую, практическую и социокультурную теории медиаобразования. Среди электронных ресурсов, позволяющих расширять коммуникационное поле, выделим два: «Солнечный свет надежды» (<http://sunlight.iatp.by>) и «Белорусскую женскую сеть» (<http://belwomnet.iatp.by>).

Грузия. За последнюю четверть века развитие медиаобразования в Грузии было отмечено несколькими знаменательными событиями: это открытие в 1992 г. Медиаобразовательного центра Министерства образования и науки; запуск телевизионного канала «ЛТД», занимающегося производством образовательных фильмов для школьников и молодежи; старт в 2003 г. проекта «За развитие общего информационного пространства в Закавказье»; проведение в Тбилиси ежегодной международной выставки ElcomCaucasus, где были представлены современные разработки в области информационных технологий и телекоммуникаций; создание Компьютерного общества.

Казахстан. По мнению профессора Казахского национального университета им. аль-Фараби Лайлы Ахметовой, в Казахстане на медиаобразование обратили серьезное внимание не так давно: в 2011 г. вопросы медиаобразования нашли отражение в документах, определяющих государственную информационную политику и деятельность гражданского сектора. Между тем конкретно-социологические исследования в Казахстане показали, что, городские дети уже с 12 лет имеют сотовые телефоны, владеют интернет-технологиями, часами находятся в социальных сетях. При этом Интернет для тинейджерской и молодежной среды остается лишь способом развлечения, средой для знакомств и т. п. Эксперты считают, что «Медиаобразование» должно стать таким же общим предметом в средней школе, как и «Информатика», введенная в Казахстане на рубеже веков. Для этого необходимо

Об авторе: Тулунов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского госуниверситета.

политическое решение. Тем более Казахстан переходит на 12-летнее образование, а значит, будут вводиться новые курсы и предметы.

Молдова. Переход к информационному обществу в Молдове — это постепенный и сложный процесс, важной и актуальной проблемой которого выступает включение информационных ресурсов в систему образования подрастающего поколения, обеспечения свободного доступа к информации. В 2001 г. в стране провели Национальную конференцию «Образование для всех», в числе задач которой были проблемы построения в Молдове единого информационного пространства, организация национальной программы «Образование для всех». Своевременными оказались молдавские проекты, связанные с интернет-обучением населения.

Украина. Развитие украинского медиаобразования связано с именами Г. Г. Почепцова, Г. В. Онкович, В. Ф. Иванова, Л. А. Найдёновой и Б. В. Потятиника. Последний в 1999 г. создал во Львовском национальном университете Институт экологии массовой информации, и уже из названия понятно, что главной задачей ставилась защита от негативного влияния медиа.

В заключение обозначим общие подходы и проблемы, характерные для медиаобразования на постсоветском пространстве.

— Укрепляется понимание, что медиаобразование — это вопрос национальной безопасности страны.

— Существует острая необходимость в подготовке квалифицированных медиапедагогов.

— Выявилось нежелание многих руководителей вузов, средних профессиональных учебных заведений, школ, иных учебных учреждений включать интегрированные или специализированные медиаобразовательные курсы в качестве хотя бы факультативных в свои учебные планы.

— Настало время готовить учебную литературу по медиаобразованию для разных категорий слушателей.

2. Воронеж

Литература

1. Медиаобразование: опыт и перспективы. Сборник материалов секции «Медиаобразование» XXV Всероссийской научно-практической конференции исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью «Проблемы массовой коммуникации». Вып. 1 / Под ред. В. В. Тулупова. — Воронеж, 2016.

2. Федоров А. В. Медиаобразование в странах Восточной Европы / А. В. Федоров, А. А. Левицкая, И. В. Чельшева и др. — Москва, 2014.



Михаил Берендеев **Молодёжь и политика в цифровую эпоху социальных медиа: on-line vs. off-line**

Аннотация: В публикации рассматриваются новые формы социальной активности в социальных сетях. Актуализируется большое значение новых инструментов сетевого общения для полноценного участия в социальной и политической жизни. Использование социальных сетей молодыми людьми представлено как новая форма социализации. Делается акцент, что освоение медиaprостранства в части сегмента социальных сетей формирует новое поле и сами форматы публичной политики. Рассматривается проблема разрыва между поколениями, живущими в форматах онлайн и офлайн.

Ключевые слова: социальные медиа, социальные средства коммуникации, интернет 2.0, генерирующий контент-пользователь, политическое лидерство, политическое участие.

Социальные медиа, популярность которых в мире продолжает набирать обороты, давно стал неотъемлемой частью социальной жизни и политики в частности. Сегодня можно сделать предположение, что публичное поле политики все более вытесняется из мира реального в мир виртуальный, который представляет отнюдь не просто виртуальную копию реальности, а особую социальную галактику, со своим контентом, кодами коммуникации, языком, аудиторией, правилами игры и лидерами.

Создание Интернета в 1989 году ознаменовало начало новой эры из-за его тотального влияния на все социальные, экономические и даже политические структуры благодаря его чрезвычайному вкладу в плане массовой коммуникации. Расширение этого явления стало еще более значительным в новом тысячелетии, когда были разработаны новые инструменты, которые способствовали экспоненциальной связи между аудиториями, выходя за пределы классических парадигм массовой коммуникации. Это стало возможным благодаря появлению и развитию так называемых социальных сетей. Пользователи больше не играют роль только получателей (роль, которую они едва ли оставили в традиционном процессе коммуникации в средствах массовой информации), вместо этого они в качестве альтернативы принимают на себя роль получателей и отправителей.

Об авторе: Берендеев Михаил Владимирович, к.соц.н., доцент Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, Институт гуманитарных наук.

Цифровые технологии позволили пользователям во всем мире взаимодействовать друг с другом и делиться мнениями и опытом. Пользователи Интернета имеют свою собственную виртуальную идентичность, которая разрабатывается с помощью множества платформ, которые включают социальные сети. Эти новые каналы изменили параметры коммуникации между отдельными людьми и группами, что позволило диалогу демократизироваться и умножаться экспоненциально.

Одним из главных социальных акторов сегодня является тот, кто генерирует контент в social networking services (SNS) — социальных средствах коммуникации (социальных сетях), поскольку именно последние позволяют участникам коммуникации создавать содержание в процессе обмена им. В коммуникативном процессе с развитием Web 2.0 произошло не просто изменение, а настоявшая коммуникативная революция, когда мы перешли от пассивных приемников информации к генераторам контента, который мы генерируем в сетях. Несмотря на то, что к сегодняшнему моменту большинство людей используют SNS как пространство досуга или развлечений, нельзя игнорировать большое значение новых инструментов сетевого общения для полноценного участия в социальной и политической жизни.

Даже сама социальная активность сегодня является успешной, когда она является киберактивностью, поскольку само киберпространство способствует активизму, поскольку уже и сегодня социальные и политические изменения, которые были инициированы через социальные сети, становятся предикторами того, что в ближайшем будущем все сферы общественной жизни будут подвержены стремительным изменениям из киберпространства, в котором активных участников окажется больше, чем в реальности.

Любой, кто интересуется современным измерением политики в SNS, должен обратить внимание на это важное измерение политики для молодежи, поскольку политика, основанная на участии, способствует распространению информации, мобилизует людей на действия и дает много способов для молодежи озвучить свои перспективы, а возможность политического выражения в социальных сетях является сильным мотиватором online-участия в политической жизни.

Использование социальных сетей молодыми людьми — это не просто форма времяпрепровождения, в виде бегства из реальности в более комфортные условия, с точки зрения среды и пространства для самовыражения без ограничений, а скорее новая форма социализации, в том числе и политической, когда онлайн-социальный капитал и его быстрое накопление переходит в качественные формы гражданского и политического участия уже за рамками сети.

Сегодня пользователи Интернета, разделяющие определённые политические взгляды или даже сами преследующие вполне конкретные политические интересы, могут свободно в режиме online делиться своими политическими взглядами в SNS с друзьями или подписчиками, участвовать в корпоративных группах интересов в SNS, делать репосты политических видео или рекламных роликов, следить за деятельностью политических персонажей в Twitter или Facebook, комментировать или создавать целые ветки или сессии комментариев, при этом приписывая к своим или чужим постам свои любимые политические образы и стереотипы, касающиеся восприятия того или иного события или картины мира в целом. Это лишь пассивная часть поколения пользователей, которая продолжает воспринимать социальные медиа в большей мере как сетевые средства общения, позволяющих участникам коммуникации в социальных сетях создавать содержание в процессе обмена. Их можно назвать пользователями, генерирующими контент, при этом последний зачастую представляет собой «мусор», который продолжает тоннами годами храниться на серверах, и возвращение к нему, к стадии его переработки, происходит крайне редко.

Интерес сегодня представляет другое поколение пользователей, для которых социальные медиа и их площадки являются не просто генераторами «целлофанового» контента (по аналогии с целлофановой обёрткой, которую используют один раз, но период ее разложения как мусора превышает 100 лет), а конструируются как эффективные online-инкубаторы определённого рода идей, социальных движений и конкретных личностей, которые сами становятся контентом социальных сетей, иначе говоря, их продуктом.

Не сам контент, а новые online-лидеры общественного мнения, для таких же online-пользователей, с исследовательской точки зрения фактически новый феномен, поскольку именно они в статусе «новых апостолов» фактически делают бесполезными всех offline-проповедников, которые вместе со своими политическими идеями, какими бы привлекательными или даже справедливыми они ни казались, для пользователей сетей попросту не существуют. Некоторые западные авторы полагают, что возможен вариант, когда «поколение всего контента» будет принадлежать так называемым «суперпользователям», что может привести к созданию новой политической «сетевой» элиты вместо равного представительства [1], если мы говорим о демократиях.

Цифровая революция с развитием SNS фактически провела окончательную демаркацию границ между двумя мирами. Сегодня продолжает существовать мир-offline, в котором инерционно продолжают существовать прежние «правила игры», с пересохраниением (как в компьютерной игре) привычных форм политического участия, «охоты» за электоратом, избирательного процесса или политической гонки. Но мир-online, который репродуцирует качественно иную аудиторию, долгое время считавшуюся бесполезной для таргетирования и пассивной в политическом участии, и которую составляют преимущественно активные пользователи SNS от 14 до 35 лет, предлагает совершенно иные правила, когда все, порождённое в SNS, может перекидываться в offline — меняя его, торпедируя или даже разрушая, поскольку в нём не существует ничего, что было бы близко пользователям или группам, живущим в SNS, от идеологии до лидеров. И если в начале 2000-х теоретики предсказывали спор между реальностью и виртуальностью, то сегодня можно выдвинуть предположение, что с развитием Digital, и сама Digital Revolution с появлением Web 2.0, создала новые социальные условия, в которых существуют две реальности, причём цифровая реальность будет осуществлять компрессию нецифровой жизни, замещая её элементами теми, которые были выращены в инкубаторах цифрового социума, коими являются SNS.

Во многом этот процесс имеет и более глубокие корни в разделении трёх поколений — X, Y и Z. Если для поколения X (чья активная социализация пришлась на начало 1960-х – 1980-х), все же до сих пор естественной средой является среда offline, а все другое лишь приложением к ней, то для двух других поколений, Y и Z, начатая поколением X «революция сознания» протекает уже в среде online, и этот последний мир будет противостоять и отторгать социум, создаваемый поколением X, вместе со всем рынком, политическими режимами и социальной активностью, как недостоверный, устаревший и игнорирующий их ценности и потребности. Поведение «игреков» в SNS стало системным предметом исследования в социальных науках на Западе, поскольку именно «игреки» используют социальные медиа, потому что это влияет на поведение людей во многих областях» [2].

Уже сегодня просматривается тенденция, что большинство политиков из поколения X, но которые, в ближайшее 5-6 лет фактически монополизировали сферу политики и мировые рынки, прибегают к SNS как инструменту цифрового маркетинга. Но они не воспринимают эту среду как нечто особенное, фактически продолжая жить в парадигме постмодерна, в которую Интернет и киберпространство вписываются как симуляция реальности или ускользание из неё. Для них реально всё то, что может жить offline, всё остальное в иной социальной коммуникации может быть опасным и даже разрушительным. Эта актуальная тема находит свое подтверждение в концепции межпоколенного

цифрового разрыва, в центре которой лежит тезис о том, что «политическое участие в социальных сетях не представлено в равной степени» [3]. Некоторые люди более заинтересованы, и чем они моложе, тем больше публикуются в сетях. «Молодые пользователи чаще публикуют свои мысли о проблемах, размещают ссылки на политические материалы, поощряют других к политическим действиям, принадлежат к политическим группам на профайлах в социальной сети и выступают промодерами политических материалов» [4]. Кроме традиционного понятия технологического цифрового разрыва значительное число молодых людей заражается «политикой участия» — такими действиями, как создание политических групп в Интернете, блогов о политических проблемах или репостингом видео с политическим контентом. Подобно традиционным политическим актам, эти акты затрагивают вопросы, представляющие общественный интерес, но разница заключается в том, что акты, основанные на участии, являются интерактивными, основанными на коммуникации со сверстниками и не относятся к элитам или официальным учреждениям, скорее они даже исключают присутствие элит. Подобные акты также привязаны к новым медиаплатформам, которые облегчают и усиливают действия пользователей.

Можно предположить, что социальные медиа могут играть компенсационную роль для молодых граждан. «Хорошо известно, что в подростковом возрасте и в возрасте 20 лет молодые люди с меньшей вероятностью будут заниматься институциональной политической деятельностью (например, голосованием или присоединением к политическим партиям), поскольку они озабочены завершением своего образования, наймом работы и переходом к взрослой жизни». В частности, на этом жизненном этапе у молодых граждан меньше ресурсов (времени, денег или умственной энергии), которые считаются предпосылками для политического участия» [5].

Однако, поскольку online-участие требует меньше ресурсов (финансовых или иных), можно сказать, что эти online-инструменты могут помочь компенсировать ресурсы. И, таким образом, online-среда в её внеинституциональной и формализованной повестке навсегда останется более комфортной площадкой для выражения своих интересов и поддержки других.

Социальные медиа позволяют молодым людям обсуждать именно те вопросы, которые интересны им, независимо от информационной повестки традиционных СМИ. Потому что они генерируют свои новости в Интернете, создают контент и создают информационные поводы, они самостоятельно выбирают то, что сами потребляют. Социальные медиа и цифровые инструменты, которые получили активное развитие, позволяют молодым людям разрабатывать альтернативные и более прямые способы политического участия, и любая политическая кампания сегодня уже немыслима без того, что информационно-пропагандистские группы все чаще

обращаются к социальным медиа, чтобы помочь повысить информированность и участие молодежи в политической жизни.

Однако до сих пор существующие модели объединяют и измеряют внесетевое и сетевое политическое участие как единую конструкцию, поэтому многие политики, идущие в социальные сети за молодым электоратом, не добиваются нужного эффекта, поскольку политические мобилизационные эффекты социальных сетей порождаются контентом самих сетей и их пользователей, к тому же молодёжь закладывает совершенно иные контексты в понимание политики, демократии, свободы, личности и др. Поэтому концепт политического участия в условиях реального стыкового контакта «face to face» или посредством традиционных СМИ не всегда работает в условиях SNS, где есть свое представление о политических культурах, участиях, коммуникациях.

Многие западные исследователи в сфере политических коммуникаций сегодня приветствуют огромный, так называемый «демократический потенциал социальных сетей» [6] для онлайн-участия в социальной и политической жизни. Первый тезис во многих подобных исследованиях гласит, что традиционные средства массовой информации не формируют у молодого поколения интереса и участия в политике и, таким образом, работают, чтобы препятствовать развитию активистских политических ориентаций. С развитием новых типов динамических и популистских медиаформатов, таких как блоги и социальные сети, у молодых людей есть больше возможностей на политическом рынке на их собственных условиях. Это свидетельствует о том, что сети могут помочь как индивидам, так и группам более широко распространять свои предложения, поскольку они могут полагаться на тысячи и сотни тысяч последователей, которые действуют как агенты, порождая мультипликативный эффект, который показывает, что любые самые малые инвестиции в любой проект в социальных сетях, при определённых условиях, приумножают аудиторию, репутацию и финансы.

Однако вряд ли создание в SNS таких площадок, которые устанавливают коммуникационные ветви между десятками тысяч аккаунтов пользователей, завораживая их идеями несанкционированных акций протеста, призывая к экстремистским действиям под видом обычного массового выхода на улицу против стандартных «коррупции» или «глобализма», или служащие инструментами вербовки пользователей в террористические организации, можно назвать усилением демократического потенциала.

Любая политическая беседа или даже ретвитинг от «френда к френду» играет важную роль в формировании молодыми людьми своей политической идентичности. Благодаря SNS молодые люди сегодня имеют доступ к широкому кругу политических разговоров, далеко за пределами влияния их родителей, учителей и геолокационно близких сверстников. Поэтому их сетевая, и для них реальная социальная и политическая иден-

тичность может проистекать из очень далёких для них геолокаций. «Эта особенность социальных сетей заключается в том, что они повышают способность социальных движений для организации на транснациональном уровне, для связи с другими организациями, строящими глобальные сети... а сами социальные медиа позволяют активистам и протестным движениям реализовываться в больших объёмах». В Латинской Америке, где тема социальных сетей сегодня получила активное развитие [7], исследователи в рамках нескольких социологических исследований обнаружили, что молодые люди, использующие Facebook, с большей вероятностью будут участвовать в протестах по сравнению с теми, кто его не использует. Исследование также показало, что если молодые люди используют Facebook для чтения новостей и для своей социальной жизни, они с большей вероятностью будут участвовать в протестах по сравнению с теми, которые используют Facebook как форму самовыражения (те, кто с меньшей вероятностью будут участвовать в акциях протеста).

Новые формы сетевой коммуникации рожают и новую сетевую психологию, и эта пока малоизученная или практически неизученная область знаний сегодня становится мощным инструментом воздействия на поколение Y и Z (самую активную часть общества, представленную в SNS в любой части света, это касается не только западного мира. Многие исследователи считают, что деструктивные события, произошедшие на Ближнем Востоке и в Северной Африке, приведшие сегодня к множеству катастрофических последствий, связаны с ростом использования социальных сетей и мобилизации в них. «Рост использования социальных сетей в арабском мире сопровождался ростом общего проникновения Интернета и смартфонов в регионе... Ряд исследований показывает, что за последние 10 лет число использования мобильных телефонов и Интернета резко возросло, причем темпы внедрения технологий в странах арабского мира очень высоки. В отличие от тунисской революции, которая была вызвана стихийно и привела к массовой волне национального протеста без какого-либо предварительного планирования, египетская революция планировалась давным-давно. Социальной сетью, наиболее подходящей для задачи организации протестующих, был Facebook, где информация могла быть распространена среди тысяч людей в одно мгновение, а затем они делились ею с друзьями, и это распространение было намного быстрее, чем листовки, с дополнительным преимуществом, что те, кто получает сообщения, уже интересовались источником и доверяли ему» [8].

С другой стороны, активное освоение медиaprостранства в части сегмента SNS формирует новое поле и сами форматы публичной политики, но сама online-политическая активность может привести к формированию нового рода политиков, учитывая, что в мире поп-культуры социальные интернет-сервисы способствовали уже не одному

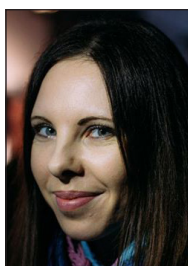
открытию. Современная политика во многом является частью поп-культуры, которая существует на медиарынке вместе с инвесторами и инвестициями, готовыми поддерживать возникновение новых политических и социальных идей, к тому же с развитием рынка криптовалют, а также ферм для майнинга криптовалют, фактически появляется и альтернативный рынок финансирования политической активности и новых политиков.

Интенсивное развитие Facebook, Twitter, Instagram и других сервисов делает социальное и политическое участие более простым, чем когда-либо. Для современного поколения пользователей сама социальная связь в SNS обусловлена симпатиями, акционизмом и Интернет-ретвитами с сайтов. Политическое участие в режиме online может приобретать и вирусные формы, когда многие явления становятся заразными благодаря их таргетированной популярности или контркультурным и деструктивным настроениям определённых социальных групп или организаций в сетях.

г. Калининград

Литература

1. Effing R., van Hillegersberg J., Huibers T. (2011) Social Media and Political Participation: Are Facebook, Twitter and YouTube Democratizing Our Political Systems?. In: Tambouris E., Macintosh A., de Bruijn H. (eds) Electronic Participation. ePart 2011. Lecture Notes in Computer Science, vol 6847. Springer, Berlin, Heidelberg // https://link.springer.com/content/pdf/10.1007%2F978-3-642-23333-3_3.pdf
2. Bolton, Ruth N., A. Parasuraman, Ankie Hoefnagels, Nanne Migchels, Sertan Kabadayi, Thorsten Gruber, Yuliya Komarova Loureiro, David Solnet (2013), "Understanding Gen Y and Their Use of Social Media: A Review and Research Agenda," Journal of Service Management, 24 (3), 245 — 267. <http://www.ruthnbolton.com/Publications/GenYJOSM.pdf>
3. Wei, L., Yan, Y.: Knowledge Production and Political Participation: Reconsidering the Knowledge Gap Theory in the Web 2.0 Environment. In: ICIME 2010 (2010),
4. Social Media and Political Engagement <http://www.pewinternet.org/2012/10/19/social-media-and-political-engagement/>
5. Keating A., Melis G. Social media and youth political engagement: Preaching to the converted or providing a new voice for youth? The British Journal of Politics and International Relations p 1–07/ 07.2017 <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1369148117718461>
6. Billings, Jenna, "An Agent of Democracy: Evaluating the Role of Social Media in Modern Presidential Elections" (2017). Academic Festival. 17. <http://digitalcommons.sacredheart.edu/acadfest/2017/all/17>.
7. Valenzuela, S.; Arriagada, A. Scherman, A. (2012) The social media basis of youth protest behavior: the case of Chile. Journal of Communication 62(2): 299–314. <https://www.deepdyve.com/lp/wiley/the-social-media-basis-of-youth-protest-behavior-the-case-of-chile-ov5MfootvR>
8. Sahar Khamis and Katherine Vaughn Cyberactivism in the Egyptian Revolution: How Civic Engagement and Citizen Journalism Tilted the Balance, Issue 14, Summer 2011, <http://www.arabmediasociety.com/?article=769>



Мальвина Друкер Актуальные проблемы современной российской социальной видеорекламы

Аннотация: статья посвящена проблемам развития современной социальной видеорекламы в России. Расширение тематического спектра, создание качественного контента, использование эффективных приемов, а также предоставление различных информационных площадок являются одними из актуальных проблем современной социальной видеорекламы.

Ключевые слова: социальная реклама, медиaprостранство, эффективность рекламы, каналы коммуникации.

Социальная видеореклама широко представлена в современном информационном пространстве. Акцентируя внимание на значимых проблемах общества, видеореклама позволяет не только обозначить необходимые ценности, ориентиры, но и пытается скорректировать модели поведения.

Известно, что под социальной рекламой понимают рекламу, направленную на изменение моделей социального поведения и привлечение внимания к общественно значимым явлениям и проблемам. Социальная реклама представляет собой особую форму неличного представления и продвижения социальных идей, поведения и практик, способствующих как гуманизации общества в целом, так и достижению отдельных целей, полезных с точки зрения общественного блага [1].

Правовое определение термина «Социальная реклама» содержит статья 3 Федерального закона Российской Федерации «О рекламе» от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ: «Социальная реклама — информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства» [2]. Однако стоит отметить тот факт, что точного определения понятия «социальная видеореклама» до сих пор нет, но именно такая форма рекламы является одной из распространенных в современном медиaprостранстве.

Первой социальной видеорекламой в современной России стал проект Игоря Буренкова «Позвоните родителям!», созданный в 90-х годах прошлого века. И. Буренков стал не только инициатором проекта, но и официально ввел понятие

«социальной рекламы», стал автором одноименной статьи федерального закона о рекламе. Спустя двадцать лет интерес к проекту «Позвоните родителям!» остается актуальным. На его основе были созданы десятки одноименных аналогов [3].

Однако несмотря на достаточно большое количество социальных проблем, о которых могла бы говорить современная социальная видеореклама, ее тематический спектр недостаточно широк. Так, по данным Комитета по печати и взаимодействию со СМИ, приоритетными темами социальной рекламы являются борьба с коррупцией, безопасность дорожного движения, антипропаганда алкоголя, курения и наркотиков, профилактика насилия в отношении детей, толерантность, антитерроризм и пропаганда здорового образа жизни [3].

Это можно объяснить тем, что основным заказчиком такой рекламы в первую очередь является государство. Подобные рекламные кампании проводят МЧС, ГИБДД, налоговые службы, администрации городов и регионов и другие ведомства.

Заказчиками социальной рекламы в России являются также некоммерческие и общественные организации. Целью подобной рекламы является улучшение имиджа и продвижение своих услуг. Однако у большинства подобных организаций бюджет очень ограничен, и часто такие организации, особенно региональные, сами являются и производителями рекламы. Как результат — не самое лучшее качество исполнения социальной видеорекламы как на уровне идеи, так и на уровне технического исполнения. Однако установление контакта с университетами, которые готовят специалистов в сфере рекламы и связей с общественностью, может быть одним из выходов из ситуации. Так, в течение нескольких лет Балтийский федеральный университет им. И. Канта (г. Калининград) сотрудничает с региональными благотворительными организациями «Верю в чудо», «Берег надежды». В результате такого сотрудничества появилась не только социальная реклама о помощи тяжелобольным детям, но и реализован проект «Я буду жить», представляющий серию историй о детях, которым помогли жители региона, собрав необходимые средства на лечение.

Сегодня основными площадками для трансляции социальной видеорекламы являются преимущественно региональные телевизионные каналы, интернет-площадки, в частности видеохостинги и различные группы в социальных сетях. И если в эфире телевизионных каналов представлен не-

Об авторе: Друкер Мальвина Михайловна, старший преподаватель Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

достаточно широкий спектр тем, что обусловлено как ограничением эфирного времени, так и количеством заказчиков, то социальные сети предоставляют возможности для размещения социальной видеорекламы разного характера, различного качественного уровня, хронометража, техники исполнения.

Темы социальной видеорекламы, представленной в сети Интернет, несколько отличаются от рекламы, размещенной на телевидении. Так, за последние три года на видеохостинге Youtube больше миллиона просмотров набрали ролики, призывающие к уважительному отношению к матери, необходимости ценить своих близких. Кроме этого, актуальными на видеохостинге стали тема самореализации и детской жестокости.

Размещение видеорекламы в социальных сетях позволяет увеличить охват целевой аудитории за счет доступности самого канала, возможности отслеживания реакции в виде отметок «мне нравится» и дальнейшей корректировки стратегии распространения рекламного продукта, репостов на другие страницы, группы и так далее.

Учитывая резкое увеличение количества пользователей сети Интернет за последнее время, создатели социальной видеорекламы имеют возможности довести созданный рекламный продукт до своей целевой аудитории, которая постоянно растет.

По данным установочного исследования TNS, из 123 млн. жителей России в возрасте от 12 лет и старше 67 % (или 83 млн человек) пользовались сетью Интернет хотя бы один раз за последний месяц.

Структура пользователей Интернета по частоте практически не меняется в последние два года: доля тех, кто пользуется Интернетом каждый или почти каждый день, равняется 82 % от месячной аудитории, а доля недельной аудитории — 95 %.

Несмотря на замедление темпов, абсолютные показатели роста аудитории в последние несколько лет достаточно стабильны: аудитория прирастает на 5-6 млн человек в год (проникновение увеличивается на 5-6 п. п. в год). Наибольший рост наблюдается в селах (+11 %) и в городах с населением менее 100 тыс. жителей (+11 %). В Москве рост аудитории практически остановился (менее 1 %). В Санкт-Петербурге и городах-миллионниках аудитория увеличилась на 2 %. В остальных городах (от 100 тыс. до 1 млн жителей) рост был на уровне 7-9 %. Таким образом, в настоящее время Рунет прирастает за счет сельского населения и жителей малых городов [4].

Отдельную категорию представляют видеоролики, созданные в рамках конкурсов социальной рекламы. Сегодня в России масштабными конкурсами социальной рекламы являются следующие: «Новый взгляд» — крупнейший молодежный проект в области социальной рекламы, организованный Межрегиональным общественным фондом «Мир молодежи» при поддержке Правительства РФ. Конкурс предоставляет возможность молодым людям в возрасте от 14 до 30 лет выразить свое от-

ношение к наиболее значимым социальным проблемам современного общества, показать способы и пути их решения; «Импульс» — конкурс социальной рекламы среди органов государственной власти; Центр социальных проектов «МИР» — автономная некоммерческая организация, объединяющая на добровольных началах молодежь для создания социальной рекламы, социальных проектов и других мероприятий, способствующих борьбе с общественными пороками и социальными проблемами, а также выработке социально-экономических ориентиров и общественных норм; Международный московский конкурс-фестиваль социальной рекламы «Лайм» для школьников и студентов; «Взгляд молодых» — всероссийских конкурс социальной рекламы, организованный ОУ «Южно-Уральский институт управления и экономики» при поддержке Министерства образования и науки Челябинской области и ряда творческих организаций и объединений; «ART.START» —

международный молодежный фестиваль социальной рекламы, организованный Московским финансовым-юридическим университетом при поддержке Департамента культуры г. Москвы и

Департамента СМИ и рекламы г. Москвы.

Существуют и другие российские конкурсы рекламы, в рамках которых также представлена социальная видеореклама: FROG, «Крекер», MEDIAKIT, PUZZLE и ряд других. Все работы, представленные на конкурс, размещены в сети Интернет, однако дальнейшее их продвижение в сети не ведется. Именно организация продвижения достойных работ также является одной из проблем современной социальной видеорекламы. Можно предположить, что основная аудитория созданной в рамках конкурсов видеорекламы, — это сами создатели и их конкуренты, однако аудитория, на которую направлены подобные работы, намного шире.

Кроме этого, конкурсы, посвященные социальной видеорекламе, но не сумевшие заявить о себе, обречены на провал. С такой проблемой столкнулись в этом году организаторы Всероссийского конкурса социальной рекламы «Мир нашему дому» — Санкт-Петербургская и Тихвинская епархии Русской православной церкви, ИА «Русская народная линия», общественная организация «Центр социальной инициативы». Они были вынуждены остановить сбор работ в связи с низкой активностью потенциальных участников. Отдельно стоит отметить номинации, предложенные организаторами: «Мир в душе», «Мир в семье», «Мир в стране», «Здоровье нации». А ведь такие номинации ориентированы не только на актуализацию проблем, но и на демонстрацию ценностей. Как верно отмечает в своем интервью И. Буренков, автор первой в современной России социальной видеорекламы: «Главное — чтобы социальная реклама рассказывала о причинах, а не констатировала следствия, и помогала людям отличать одно от другого. Главное — по-прежнему заставить людей думать, или хотя бы начать думать» [5]. Этот призыв как

раз подчеркивает необходимость расставлять верные акценты в социальной рекламе, а номинации, предложенные организаторами конкурса, как раз подсказывают направления, в которых стоит двигаться авторам конкурсных работ.

Сегодня исследователи выделяют два уровня социальной рекламы: реклама, призванная внедрять или закреплять конкретные правила и нормы, а также рисующая «образ мира», призванная легитимизировать уже существующие или же только предлагающиеся моральные и поведенческие нормы. Реклама второго уровня дает идеальную картинку «стратегического» отношения к жизни, в которую предполагаемые правильные действия «встраиваются» в качестве логичного элемента. Такая реклама эффективнее и интереснее, однако в России ее почти нет. Отечественная социальная реклама пока более «инструментальна»: она описывает действие, которое необходимо совершить [6].

Кроме того, что исследователи отмечают «инструментальный» характер рекламы, вопросы возникают и относительно ее эффективности. Разработка критериев, позволяющих оценить результат созданной социальной видеорекламы, сможет повлиять и на повышение качественного уровня работ. Если раньше видеореклама, размещенная на телевидении, действительно вызывала определенные сложности с ее оценкой, то Интернет-пространство позволяет разработать критерии, по которым можно отследить реакцию аудитории.

Таким образом, можно обозначить основные проблемы современной социальной видеорекламы в России: недостаточно широкий тематический спектр рекламы, транслируемой телевизионными каналами; отсутствие финансирования для создания качественной и действенной социальной видеорекламы, недостаточно широкая аудитория

рекламы, созданной в рамках конкурсов рекламы, отсутствие разработанной стратегии продвижения социальной рекламы в интернет-пространстве, ориентация на специфику канала, отсутствие критериев оценки работ.

Безусловно, ряд проблем, связанных с современной социальной видеорекламой, намного шире, и работа, направленная на повышение ее качественного уровня, должна вестись постоянно. Ведь от того, насколько точно авторы смогут донести до нужной аудитории идею, зависит и дальнейшая реакция — игнорирование или принятие и осмысление социальной проблемы.

г. Калининград

Литература

1. Агеев А. В. Социальная реклама. Теория и практика рекламной деятельности / А. В. Агеев, А. Н. Мудров, В. С. Мейер и др. — URL: <http://adindustry.ru/doc/1132> (дата обращения: 17.10.2017).
2. Федеральный закон Российской Федерации «О рекламе» от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/ (дата обращения: 17.10.2017).
3. Социальная реклама в борьбе за позитив. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2762248> (дата обращения: 07.11.2017).
4. Радкевич А. Интернет-реклама в России: больше видео и mobile / А. Радкевич. — URL: <http://www.sostav.ru/publication/internet-reklama-2015-bolshe-video-i-mobile-21712.html> (дата обращения: 07.11.2017).
5. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама — это составляющая гражданского общества / Г. Г. Николайшвили, Е. Курочкина. — URL: http://www.socreklama.ru/analytics/list.php?ELEMENT_ID=399&SECTION_ID=108 (дата обращения: 10.11.2017).
6. Николайшвили Г. Г. Социальная реклама: некоторые вопросы теории и практики / Г. Г. Николайшвили. — URL: <http://regionsar.ru/node/94> (дата обращения: 10.10.2017).



Наталья Суворова

Роль современных СМИ в освещении террористических актов

Аннотация: статья посвящена проблемам воздействия СМИ в сообщениях о террористических актах, разносубъектным отношениям в коммуникации о терактах, проблеме регулирования журналистской деятельности в освещении терроризма.

Ключевые слова: СМИ, террористический акт, освещение терроризма, воздействие на общество и террористов, коммуникация.

Одной из актуальнейшей проблем в деятельности современных средств массовой информации остается информирование населения о чрезвычайных происшествиях, среди которых террористический акт занимает особое место. Явление теракта в российской действительности не ново. Страницы истории хранят факты о террористической деятельности против монархического строя в царской России. Октябрьский переворот 1917 года идеологически «выдавил» терроризм из действительности Страны советов на долгие десятилетия. Возврат лексики, а вместе с ней и самого явления в гражданское общество России произошел совсем недавно в демократический период перемен. Особое беспокойство в последнее время вызывает исламистский терроризм, распространившийся как наиболее частотная форма насилия над обществом и государством, но все же к террору как к методу устрашения прибегают радикально настроенные люди по всему миру. СМИ стали субъектом массовой коммуникации, которому все чаще приписывают роль коммуникатора-посредника между террористами и гражданским обществом. Каковы отношения между терроризмом, СМИ и обществом?

Современный терроризм не мог бы существовать без освещения актов насилия средствами массовой информации, поскольку ожидаемый эффект — запугать, посеять панику и неуверенность в обществе — не был бы достигнут, а смысл актов террористической деятельности, заключающийся в насильственном запугивании противника, был бы потерян. Согласно статье 2 Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г., «Террористический акт — это совершение взрыва, поджога или иных действий,

устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же случаях» [1].

Как считает А. Г. Дугин, «теракты будут совершаться до тех пор, пока их освещают основные СМИ. Последние, в свою очередь, будут продолжать показывать и рассказывать о терактах, пока они остаются в фокусе внимания информационного общества» [2, с. 84]. Поэтому, в определенном смысле, средства массовой информации — информационная площадка для противостоящих политических сил, которые создают атмосферу политической конфликтности и напряженности в обществе.

С другой стороны, средства массовой информации не могут молчать о взрывах в метро и других местах скопления людей: их задача — сообщить гражданам информационного общества о происходящем. И, может быть, следует обратить внимание на влияние решения властей страны запретить СМИ публиковать информацию о терактах? Какова связь такого молчания с чередой последующих терактов в государстве? После двух взрывов в Анкаре 10 октября 2015 г. и запрете властей писать о двойном теракте столицу Турции трижды трясло в первой половине 2016 г.: виной тому теракты разных политических группировок. Какими должны быть меры террористической безопасности государства и, как следствие, всего мира? И какое к ним отношение имеет деятельность СМИ по освещению терактов?

Существенная роль СМИ в коммуникативном взаимодействии альтернативных политических сил, незаконных политических формирований и общества, властей привела к необходимости решать проблемы освещения терактов на страницах СМИ. Работники средств массовой информации должны осознавать свою роль в освещении подобных операций и помнить, что они несут социальную ответственность. Их основной задачей является не переступить грань между сообщением, комментированием произошедших событий и пропагандой террористических идей. СМИ не должны уподобляться террористам и предоставлять им информационное поле для распространения преступных идей исламского государства и др.

Об авторе: Суворова Наталья Алексеевна, к.ф.н., доцент Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, Институт гуманитарных наук.

Выполняя работу по освещению террористических актов, журналист должен помнить о ряде опасностей, которые его подстерегают.

Стремление журналиста подготовить наиболее яркий и рейтинговый материал с вызывающими подробностями может вылиться в смакование жутких деталей и в появление на экране или в прессе изображений окровавленных жертв. В связи с этим важнейшей становится оценка подачи информации с точки зрения ее воздействия на аудиторию — СМИ не должны сгущать краски, чересчур запугивая и сея панику. Также журналисты должны не забывать об этическом аспекте и излишне не травмировать жертв терактов и их родственников. Сенсационная манера подачи произошедшего средствами массовой информации, заинтересованными в высоких рейтингах, играет «на руку» террористам, жаждущим внимания к своим операциям. Весьма показательно в этом плане общественное обсуждение освещения теракта в Беслане в 2004 г. Длительность (в течение 3 дней), массовость (1128 заложников) [3], особая жестокость террористов обусловили прецедент активного обращения СМИ к событию в подробностях происходящего, когда за судьбой захваченных в плен и спасателей следил практически весь мир.

По мнению эксперта Фонда национальной и международной безопасности О. М. Хлобутова, «наибольшую опасность для общества представляет подталкивание (вольное или невольное) СМИ неуравновешенных людей к подражанию действиям террористов путем широкого и неадекватного освещения имеющих место инцидентов» [4, с. 34]. Во избежание такого воздействия на граждан в редакциях медиа должны контролировать подаваемую в общество информацию и делать ее оценку с точки зрения возможного подражания. Тем не менее после теракта Андерса Беринга Брейвика в норвежском Осло и на острове Утёйа 22 июля 2011 г. польская полиция арестовала семнадцатилетнего подростка за угрозы повторить теракт одиночки и устроить взрыв в Варшаве [5].

1. Кроме того, повышенное внимание к личностям участников террористических действий заставляет общество задуматься о мотивах их деятельности, в том числе и о возможной их справедливости. Согласно мнению психолога С. Н. Ениколопова, «после любого теракта даже люди, которые раньше не задумывались о терроризме, обращаются к этой теме, и у них начинает формироваться свое собственное отношение к террору, и оно отнюдь не всегда и не у всех негативное. Есть люди, которые пытаются найти оправдание террористам, увидеть героизм в их поведении, даже симпатизируют им» [6]. Стоит отметить, что после двойного теракта в Норвегии 2011 г. интернет-читатели «Российской газеты», «Известий», «Новой газеты», «Аргументов и фактов», «Комсомольской правды» и «Московского комсомольца» в своих комментариях к журналистским публикациям оставляли отзывы весьма неоднозначные. Почти в четверти комментариев

прослеживается явная поддержка действий Андерса Брейвика: в комментариях выражается симпатия к самому террористу, его идеям, его внешности. А в отдельных виртуальных высказываниях пользователи благодарят Андерса Брейвика за мужественный поступок и высказывают сожаление о том, что в России нет таких «героев». При этом установлено, что названные СМИ соблюдали этические нормы в освещении норвежских терактов, и с точки зрения употребления терминов в описании теракта, в материалах рассматриваемых российских газет героизация преступника не происходила [7, с. 47–48].

Более того, неадекватные действия журналистов могут привести к риску для жизни и заложников, и самих журналистов. Поспешные действия СМИ могут мешать работе спецслужб и полиции, занимающихся разрешением конфликта: в погоне за сенсацией журналисты рассекречивают важную информацию. «Корректное взаимодействие с пресс-службами антитеррористических государственных органов является важным признаком профессионально-этической культуры журналиста при освещении актов терроризма» [8, с. 91]. Оно заключается в предоставлении полезной информации, которую могли получить СМИ, правоохранительным органам, а также в поддержке контртеррористических действий силовых структур. Основной целью выступлений должна быть моральная поддержка общества, его объединение и консолидация.

Какая подача информации о теракте допустима в подобных журналистских материалах? Как не допустить террористическую агрессию с новой силой и сформировать единое общественное мнение против насилия и уничтожения? Важно отметить, что СМИ не должны забывать о своей просветительской функции — «в современном мире международные процессы подчас настолько запутаны, что читатель с трудом способен связать концы с концами. Обилие информации порождает интеллектуальный хаос, который весьма способствует распространению идей и течений, способных стать основой террористической практики» [2, с. 302]. От СМИ требуется планомерная деятельность по разъяснению явления терроризма. Аналитические материалы должны помочь обществу воспринять опасность и антигуманность терроризма любой идеологической направленности.

До сих пор сложно говорить об антитеррористической деятельности СМИ. Откровенное создание негативного образа террористов и ярая критика применения насильственных мер может вызвать озлобление противоборствующих политических сил, спровоцировать гнев и новые акты насилия и уничтожения гражданского общества. Показательна в связи с этим работа английских медиа по освещению терактов в Лондоне 2005 г. [9]. Британская телерадиокорпорация «Би-Би-Си» проводила политику неприменения слова «террорист» и его замены нейтральными наименованиями, со-

блюдая редакционную политику, согласно которой из информационных материалов по возможности должны изгоняться любые оценочные слова, считая, что слово «террорист» может стать скорее барьером для понимания произошедшего, и поэтому его следует избегать.

Насколько адекватен такой подход к освещению таких событий, происходящих во всем мире? Современные медиа по-прежнему ищут ответ на вопрос, как совместить в своей работе борьбу с терроризмом и сохранение современной цивилизации.

г. Калининград

Литература

1. Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. URL www.google.ru/search?newwindow=1&safe=active&q (дата обращения: 29.09.2017).
2. Дугин А. Г. Геополитика постмодерна / А. Г. Дугин. — Санкт-Петербург, 2007.
3. См. 59-е заседание Верховного суда Северной Осетии по делу Кулаева 9 февраля 2006 г. URL <http://pravdabeslana.ru/59-090206.htm> (дата обращения: 30.09.2017).
4. Хлобустов О. М. Проблемы информационно-пропагандистского противодействия терроризму: о роли СМИ / О. М. Хлобустов // Власть. — 2006. — № 1.
5. В Польше задержали малолетнего последователя Брейвика. — URL m.lenta.ru/news/2011/08/19/poland/ (дата обращения: 3.10.2017).
6. См. интервью о последствиях терактов с психологом С. Н. Ениколоповым «Теракты ведут к оправданию насилия в обществе». — URL www.gazeta.ru/comments/2011/02/01_x_3511342.shtml (дата обращения: 30.09.2017).
7. Кайсина Ю. В. Освещение двойного теракта в Норвегии российскими печатными средствами массовой информации: дипломная работа / Ю. В. Кайсина. — Калининград, 2012.
8. Короченский А. П. Этическое регулирование журналистской деятельности / А. П. Короченский. — Ростов-на-Дону, 1999.
9. См. программу А. Шароградского на Радио Свобода от 12 июля 2005 г. «Освещение терактов в средствах массовой информации». — URL www.svoboda.org/a/109791.html (дата обращения: 03.10.2017).



Галина Яновская

Внедрение вирусных идей под предлогом реформ системы образования

Аннотация: в статье рассматриваются признаки вирусных идей, этапы и последствия их внедрения на уровнях содержательного ядра, системы управления, принципов организации учебного процесса, научной деятельности и финансирования образовательных учреждений. Реконструируются цели псевдореформ и меры предотвращения реализации деградационного сценария будущего России.

Ключевые слова: содержательное ядро, оперативное администрирование, финансово-административное давление, технократический вирус, кастовизация.

Для любого государства качественная система образования является фундаментом его безопасности. Очевидно, что в условиях многовекторной гибридной войны, в том числе информационной и психоисторической [1], развязанной мондиалистами против нашей страны, образование становится одной из основных мишеней, подвергающихся атакам со стороны противников целостности и государственного суверенитета России. Наивно полагать, что древняя китайская мудрость «Хочешь победить врага — воспитай его детей» с развитием телекоммуникационных технологий утратила свою актуальность.

Периодически в профессиональную образовательную среду под предлогом реформ (инноваций) вбрасываются вирусные идеи, призванные якобы «улучшить» систему образования, но в действительности направленные на разрушение её фундаментальных оснований: содержательного ядра, системы управления, принципов организации учебного процесса и научной деятельности. Внедрение вирусных идей проходит в несколько этапов: заражение управленцев высшего звена, затем через них — управленцев среднего звена и в итоге — скоординированная вирусная атака на учителей и профессорско-преподавательский состав. Характерным признаком вирусной атаки является её насильственный характер, основанный на подмене понятий и выраженный в бесцельности, необоснованности, тотальности, срочности, безальтернативности и бескомпромиссности внедряемых решений. Внешней оболочкой вирусных идей, защищающих их от конструктивной крити-

ки, выступают слова-симулякры: реформа, модернизация, инновация, эффективность, оптимизация, конкурентоспособность и др.

Под их прикрытием в многосерийных ФГОС ВО произведена подмена содержания гуттаперчевыми, ежегодно изменяемыми компетенциями. Под предлогом «практико-ориентированности» из учебных планов вытеснены или минимизированы фундаментальные теоретические дисциплины. Незаметно для многих участников образовательного процесса произведена подмена дедуктивного метода обучения, традиционного для России, индуктивным, органичным для образовательных систем западных стран и США. Как следствие — аналогичная подмена произошла и на уровне мышления подавляющего большинства учащихся (выпускников средних школ последних лет и нынешних студентов), неспособных, по наблюдениям преподавателей, к самостоятельному построению развёрнутого понятийно-логического рассуждения и генерированию новых идей [2].

Синхронно с устранением содержания из образовательных стандартов педагогическая наука практически перестала разрабатывать методики, направленные на прочное и всестороннее освоение учащимися учебного материала и развитие у школьников и студентов навыков аналитического мышления. При отсутствии одобренного государством содержания образования каждое учебное заведение упражняется не в разработке и совершенствовании смыслового фундамента, содержательного каркаса и методики преподавания конкретных дисциплин, а в оформлении процедур и инструментов управления учебным процессом: в использовании технических средств, перформативности организационных механизмов и системы оценивания знаний, умений и навыков учащихся. В оболочке «эффективности» и «оптимизации» многими вузами подхвачены вирусы модульной организации учебного процесса, онлайнизации, тестовой и балльно-рейтинговой системы оценивания учебных достижений студентов. Созидательная энергия педагогических коллективов переориентирована с работы над содержанием дисциплин в сторону декорирования формы. Результат известен — катастрофическое повсеместное снижение уровня образования подрастающего поколения. Если именно эта цель преследовалась «вирусными реформаторами», то она достигнута.

Об авторе: Яновская Галина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Кроме устранения содержания, а вместе с ним и знаниевой компоненты, в систему образования внедрены производственные подходы, школам и вузам фактически навязана модель функционирования бизнес-структур, основанная на безусловном приоритете финансово-экономических показателей. Как одно из препятствий на пути распространения вирусных идей, из системы управления образовательным учреждением изгнаны научные методы качественного эксперимента и наблюдения, необходимые для апробации и обоснования предлагаемых нововведений до их полномасштабного внедрения, осуществлена их подмена формальными статистическими и финансово-экономическими параметрами.

Коллегиальный принцип принятия решений в вузах фактически замещён оперативным администрированием. Достаточно взглянуть на состав учёных советов федеральных университетов, в которых удельный вес рядовых преподавателей (с учёными степенями и званиями, но без административных должностей разных уровней) исчисляется 6–30 %, чтобы убедиться в том, что под псевдонимом «учёного совета» функционирует обычный административный орган (на 70–94 % состоящий из администраторов разных уровней). При такой диспропорции принятие нужных административных решений, в том числе и имплементация вирусных идей, обеспечено по умолчанию. При этом наличие у администраторов учёных степеней и званий не должно вводить в заблуждение, поскольку присутствие в управленческом аппарате того или иного лица обусловлено не его персональной «учённостью», а соответствующей административной должностью.

Наряду с усилением административного давления и ограничением академической свободы внедрён механизм финансового давления на преподавателей с помощью квазистимулирующих выплат. Вирусно-спекулятивный характер «стимулирующей» системы очевиден: при известной величине фонда оплаты труда, зависящей от количества обучающихся, чем качественнее и результативнее работают все сотрудники, тем меньший размер стимулирующих выплат получает каждый из них. Снижение мотивации сотрудников компенсируется административным давлением. Для преподавателей вводятся жёсткие аттестационные параметры, одним из которых является индекс цитируемости не столько в отечественных, сколько в зарубежных изданиях (что само по себе дискриминирует отечественную науку и принуждает наших учёных работать на развитие научной отрасли зарубежных стран). Очевидно, что данный параметр не может выступать в качестве показателя научной ценности, так как не способен измерять качество и уровень публикаций и научную состоятельность авторов. Широко цитироваться могут в том числе ложные, ошибочные, антинаучные работы, следовательно, индекс цитирования может быть высоким, а научная достоверность изысканий — отри-

цательной, но точно так же справедливо и обратное утверждение. Сам по себе параметр цитируемости нечувствителен к качеству публикаций, а следовательно, не может быть использован для оценки труда преподавателей, но идеально приспособлен для оказания давления на них.

В целом в сфере образования возобладала псевдонаучная технократическая тенденция оценивания какого-либо качественного свойства объекта по косвенным количественным параметрам, напрямую не зависящим от самого объекта. Так, один из критериев деятельности вуза — уровень подготовленности абитуриентов, зачисленных на 1 курс, — оценивается по количеству баллов ЕГЭ, выставленных не вузом и отражающих качество работы школы, а не вуза. К тому же 100-балльная шкала позволяет скрыть факт падения уровня образованности школьников. Научная состоятельность преподавателя «калькулируется» по закономерному или случайному количеству «репостов» его мыслей, часто зависящему от сопутствующих факторов: научного веса издания или соавторов, времени публикации, попадания / непадения в тренд, доступности издания широкому кругу специалистов, а не от ценности суждения конкретного автора, процитированного в положительном или отрицательном контексте. Качество менеджмента оценивается по показателям деятельности подчинённых, а не по адекватности внедрённых управленческих методик или условий, созданных для успешной работы преподавателей. Фактически один объект оценивается по показателям, созданным другим объектом или группой объектов.

Предполагаемая цель внедрения технократического вируса наряду с квазистимулирующей системой оплаты труда — усиление чувства незащищённости, снижение самооценки и сопротивляемости деструктивным воздействиям, обеспечение уникальности индивидуального опыта преподавателя как главного субъекта образовательного процесса для повышения его внушаемости и управляемости, а в перспективе — ликвидация высокопрофессионального образовательного сообщества в целом. В последние годы усилилась поляризация разных страт внутри образовательных организаций: избранных «великих аутсорсеров» и «чернорабочих» преподавателей, господ — управленцев и рабов — преподавателей. Раскол проходит по линиям целей и средств их достижения, в том числе и по линии распределения финансов.

Следствием кастовизации самопровозглашённых «избранных» и уменьшения доли разнообразия в любой сложной социальной системе является сначала её фашизация, а затем энтропия. Обезличенный, безвольный и послушный преподаватель, превращённый в объект манипуляции, никогда не сможет сделать научное открытие, потому что для этого нужны не только знания и самостоятельность мышления, но и смелость; никогда не сможет вырастить из студента профессионала, потому что для этого нужно самому быть свободной, полноцен-

ной, самодостаточной личностью. А это значит, что с уничтожением субъектности преподавателя рухнет вся система образования, а вслед за ней и социальная структура, и государство. Тогда в контексте обострившейся мировой борьбы за будущее станет реальностью самый тупиковый сценарий общественного устройства нашей страны.

Будущее создаётся и «выигрывается» учителями и преподавателями, а не компьютерными технологиями и модераторами. Это хорошо понимают сторонники деградационного сценария будущего России. Не случайно в последние годы активизировалась многоканальная кампания по дискредитации традиционного системного образования с целью его замены дистанционным псевдообразованием. Сверхцели регрессоров понятны: построение сословного общества, массовая инфантилизация психики, выращивание тотально контролируемого дебильного населения — подвидом хомо сапиенс — служебного человека [3]. Над продвижением трансгумагистических идей трудятся многие институты [4].

Для предотвращения реализации деградационного сценария будущего необходимо на государственном уровне принять стратегически важные решения:

- восстановить единое образовательное пространство;
- реанимировать прогрессивный опыт советской системы образования, основанной на дисциплинарном, наукоцентричном подходе;
- наполнить содержанием образовательные стандарты;
- обязать УМО разработать программы и учебно-методическое сопровождение дисциплин, внесённых в стандарты;

- отрегулировать систему оплаты труда преподавателей в сторону урезания полномочий руководства образовательных учреждений по распределению средств фонда оплаты труда;
- обязать руководство образовательных учреждений обеспечить широкое присутствие преподавателей (а не администраторов) в составе учёных советов;
- отказаться от грантовой формы финансирования научных исследований;
- пересмотреть критерии оценивания труда преподавателей в пользу качественных показателей;
- закрепить принцип академической свободы преподавателей.

2. Калининград

Сноски и список литературы

1. Фурсов А. Как мы проиграли Холодную войну / А. Фурсов. — URL: http://andreyfursov.ru/news/kak_my_proigrali_kholodnuju_vojnu/ (дата обращения: 19.09.2017).
2. Ясюкова Л. А. Умные больше не нужны. К чему ведёт реформа школьного образования / Л. А. Ясюкова. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YSXgpMVRgYo> (дата обращения: 10.09.2017).
3. См. стенограмму выступления директора Курчатовского института М. Ковальчука в Совете Федерации. URL: <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf/> (дата обращения: 06.08.2017).
4. См., например, тезисы лекции Г. Грефа: Герман Греф в БФУ им. И. Канта: «Вы не сможете делать бизнес, не обладая цифровой платформой». URL: <https://www.kantiana.ru/news/142/211897/> (дата обращения: 06.08.2017); а также видеозаписи выступлений на разных площадках. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6oc42YSnNdl> (дата обращения: 06.08.2017); URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KKBaey79LYQ> (дата обращения: 06.08.2017).



Галина Яновская, Ольга Кочеткова,
Анжелика Остапенко

Молодёжные блогеры как проводники идей и смыслов в подростковой среде



Аннотация: В статье рассматриваются идеи и смыслы, внедряемые популярными молодёжными блогерами в подростковую среду: мода на оппозиционность, необразованность и дегенеративность. Раскрывается технология медиаотношений типичного «оппозиционного» блогера и его аудитории, основанная на взаимном обмане, имеющем субъектное, техническое и финансовое измерение. Реконструируются разрушительные идеи и смыслы, формирующие у подростков ущербные представления о стране, её культуре, институте семьи, собственном будущем. Рассматриваются дефективные модели бытового и речевого поведения и межличностных отношений.



Ключевые слова: оппозиционность, субъектный, технический, финансовый уровни медиакоммуникации, образование, концептуальный и бытовой уровни смыслов, сфера отдыха и развлечений, межличностные отношения, речевое поведение.

Смолоду прорешка, под старость дыра.
Русская пословица

Хочешь победить врага — воспитай его детей.
Древнекитайская мудрость

Мода на оппозиционность

На волне весенне-летнего обострения протестной активности, основной массой которой впервые стали подростки, власть предприняла ряд попыток установить непосредственный контакт с лидерами мнений в молодёжной блогосфере. В конце мая 2017 г. популярная среди подростков видеоблогер Саша Спилберг выступила на парламентских слушаниях, посвящённых молодёжной политике. Она поведала государственным мужам о работе видеоблогеров, правильном общении с аудиторией, своём отношении к митингам и суду над Соколовским, а также обратилась к депутатам с призывом «стать прозрачнее».

Об авторах: Яновская Галина Владимировна, Кочеткова Ольга Леонидовна, Остапенко Анжелика Анатольевна, кандидаты филологических наук, доценты Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

В июне 2017 г. состоялось первое заседание Совета блогеров при Государственной Думе, инициированное молодым депутатом от ЛДПР В. Власовым, на которое из 25 приглашённых лидеров мнений пришла только треть, причём Саша Спилберг, сторонница «прозрачности» депутатов, на заседание не явилась. Следующий шаг, который намерена сделать власть, — пригласить блогеров в состав экспертного совета по законодательству в сфере информационных технологий при думском комитете по информационной политике [1].

Стремление депутатов наладить конструктивный диалог с популярными в молодёжной среде блогерами вполне понятно: большую часть информации молодёжь получает именно от них. У подавляющего большинства подростков в значительной степени именно они формируют нормы, ценности, идеи, смыслы, вкусы, модели поведения, отношение к тем или иным событиям и личностям — в целом представление о жизни. Кто-то из блогеров, например Н. Соболев, собирающий аудиторию от 3 до 9 млн подростков, это осознаёт: «Нас слушают внимательнее, чем родителей, внимательнее, чем учителей... Подписчики берут с нас пример» [2]. Кто-то, напротив, демонстрирует полную безответственность в отношении нескольких миллионов своих подписчиков: «Меня зовут Паша Бумчик, я не пример для других, я просто снимаю на камеру свою жизнь. Подпишись на мой канал, чтобы поднимать себе настроение!» [3].

Реакция молодёжных блогеров на призывы к сотрудничеству с властью оказалась вполне предсказуемой. Как уже отмечалось со ссылкой на РБК, большинство встречу с депутатами проигнорировало. Трое воспользовались площадкой Совета блогеров в своих целях — для решения проблемы покупки подержанного автомобиля (Е. Ковальчук, видеоблогер канала «Лиса рулит») или увеличения числа подписчиков своих каналов за счёт «стёба» над известными личностями. Например, «...пригласить на интервью депутатов, чтобы они тоже могли посмеяться над собой» (А. Курильчик, представитель юмористического видеоблога Big Russian Boss); «...хотел бы пригласить на интервью Жириновского и дочь пресс-секретаря президента Д. Пескова Елизавету» (Д. Фимин, шеф-редактор «Лентача»).

Е. Яковлев, автор серьёзных книг по истории, присутствовавший на Совете, объяснил неавку многих блогеров так: «...(они) считают, что депутаты хотят ими воспользоваться для политической агитации». И это в какой-то степени справедливо,

но только для определённой части «возрастных» блогеров, охватывающих небольшие сегменты аудитории от 30 до 45 лет в зависимости от тематической специализации (И. Варламов, Д. Пучков (Гоблин), С. Стиллавин (С. Михайлов), В. Петухов). По понятным причинам они нами рассматриваться не будут.

У подростков и молодёжи лидеры мнений совсем иные. Их позицию объяснил К. Ткаченко, ведущий аккаунт «Kremlin Russian» в Инстаграме: «Я хочу объяснить, почему сюда никто из реальных популярных видеоблогеров не пришёл. Самая большая проблема в том, что если эти видеоблогеры сюда придут, то их аудитория не поймёт. Например, на Ютубе большая часть аудитории оппозиционна. Если они сюда придут, то всё будет завалено комментариями, что вы продались, на сторону государства перешли... У меня есть товарищ. У него 10 млн подписчиков на Ютубе. Когда у него спрашивают в интервью, за кого он, он говорит: «Я за Навального». Когда я у него спрашиваю, а почему ты за Навального, он говорит: «Да не, я не за Навального. Я вообще за Путина. Просто моей аудитории это нравится» [4].

Фактически это значит, что медиаотношения типичного «оппозиционного» блогера и его совокупной аудитории основаны на взаимном двухуровневом обмане. Первый уровень связан с субъектным характером процесса коммуникации. Блогеры-миллионники полагают, что своим контентом удовлетворяют запрос молодёжной аудитории на оппозиционность (понимая её как некую априорную мировоззренческую константу), а не на их собственную политическую позицию. В то же время аудитория, вовсе не обязательно имеющая потребность в оппозиционном политическом контенте, получив его от своего кумира, по закону подражания усваивает концептуальные смысловые единицы, в особенности мемы, и начинает транслировать их как свои собственные.

В результате подобной аберрации у субъектов коммуникации — блогеров и массовой аудитории — складывается ложный стереотип относительно друг друга. Молодёжь убеждена, что быть оппозиционером (то есть в принципе «быть против» — неважно чего) модно, круто, престижно. Косвенно подобный стереотип десятки лет формируется мировой киноиндустрией, излюбленным типажом которой является заведомо «положительный» герой-одиночка, борющийся против какой-либо заведомо отрицательной системы. В свою очередь блогеры уверены, что завоевать симпатии «априори оппозиционной» аудитории можно только с помощью имиджа «оппозиционера». Как следствие — созданный имидж, отделяясь от своего носителя, в сетевом пространстве начинает жить собственной жизнью, вынуждая своего «хозяина» продуцировать диктуемые имиджем смыслы. Блогер фактически становится заложником «оппозиционного» имиджа и «подсаженной» на него аудитории.

Какие же идеи транслируют «оппозиционные» блогеры? Независимо от темы (инфоповодом служит сообщение из ленты новостей) всё обсуждение сводится к одной примитивной мысли: в России всё неправильно и плохо, а за её пределами всё правильно и хорошо. Чтобы понять смысл и качество «оппозиционной» риторики, достаточно прочесть заголовок видеоролика Д. Иванова (Камикадзе) «Совет блогеров в госдуме — х***я» [5]. Примерно в таком ракурсе оценивается всё, что происходит в нашей стране, если это хоть каким-то образом связано с деятельностью органов государственной власти. На концептуальном уровне внушается идея презумпции виновности власти и противоположная ей идея презумпции невиновности всех остальных участников социально-экономического и общественно-политического процесса, непричастных к власти (бизнеса, внесистемных оппозиционеров, НКО и др.).

Однородный предвзято-оценочный контент (обычно агрессивно-глумливый) в совокупности выполняет важную психологическую функцию: создаёт негативный эмоциональный фон с акцентом на ущербность своей родины, формирует образ абстрактного зла в лице государства, снижает уровень критического осмысления информации, сужает горизонт мысли, блокирует логические механизмы мышления и готовит почву для принятия любых радикальных действий. Достаточно вспомнить подростковые группы смерти или криминальное движение АУЕ [6].

Ввиду отсутствия каких бы то ни было попыток аналитического осмысления того или иного события, послужившего поводом для конкретного высказывания, 8-12-минутные видеологи типичного «оппозиционного» блогера напоминают «двухминутки ненависти» из романа-антиутопии Дж. Оруэлла «1984». Возможно, именно в этом заключается основная задача подобных медиавыступлений — в фиксации эмоции ненависти на абстрактном зле в лице власти, которое в любой подходящий момент может быть персонифицировано под любым политическим брендом, будь то абстрактная борьба с коррупцией или не менее абстрактная борьба за свободу чего / кого угодно. Вспомним хотя бы нашумевший фильм А. Навального «Он вам не Димон», набравший на Ютубе за 4 месяца 24 млн просмотров, и серию безыдейных протестных «гуляний» с участием молодёжи и подростков под брендом борьбы с абстрактной коррупцией.

Второй уровень взаимного обмана блогеров и аудитории связан с сугубо техническим характером коммуникации и кроется в самом месте их встречи — видеохостинге Ютуб, принадлежащем американской компании Гугл, официально сотрудничающей со спецслужбами США. Очевидно, что площадка, купленная за 1,65 млрд \$ [7], явно не может предназначаться только для развлечения нескольких миллиардов жителей планеты из бескорыстной любви к человечеству. И тем более наивно полагать, что в условиях психоинформаци-

онной (психоисторической. — *термин А. Фурсова* [8]) войны такой ресурс не заинтересован в продвижении идей и смыслов, подрывающих основы нашего государства.

Сверхзадача видеохостинга — управление общественным мнением, мировоззрением, вкусами, настроениями, предпочтениями, привычками, поведением и образом жизни в целом. Для выполнения этой сверхзадачи сайт имеет опции ранжирования видеопроодукции по количеству просмотров [9] или лайков [10], разделы «В тренде» и «Рекомендованные». Также очевидно, что возможности администрирования видеохостинга предусматривают подкрутку любых медиаметрических показателей в сторону уменьшения или увеличения, что оказывает существенное влияние на выбор среднестатистическим зрителем того или иного видеоконтента. Кроме того, используя статистику поисковых запросов каждого пользователя системы Гугл, программа дочернего видеохостинга Ютуб по ассоциативному принципу может формировать персональную подборку видеоконтента, ранжированную по тем же разделам «В тренде» и «Рекомендованные». Таким образом, с помощью программных инструментов у пользователя создаётся иллюзия массового интереса к тем или иным видеопродуктам.

А далее срабатывает феномен консервации: «Человек, волею судеб и постоянным сёрфингом настроивший новостную ленту под свои интересы и свою жизненную позицию, скоро укрепляется в этой своей позиции, как рука в гипсе. Его установки становятся единственно верными, потому что «все кругом думают точно так же». Постоянный приток только «годных» новостей и комментариев и старательная фильтрация «негодных» приводят к тому, что у человека складывается впечатление, что других и не бывает или они статистически незначительны. И когда вдруг в эту белоснежную гипсовую идиллию прорывается нечто чужое, наверняка немытое и грубое, человек в ужасе закрывает глаза: ну надо же, в наше время — и такая дикость! Ну, там разговор короткий, как правило — лепится ярлык, без которого ни один гипс не обходится («Да вы просто Америку не любите», «либераст», «сепар», «змагар» и далее до дурной бесконечности), и быстренько в бан» [11]. Об этом же говорят сами блогеры: «Я всё чаще замечаю, что, если в комментариях кто-то качает за Навального, все говорят: «Красава, чувак». Но если кто-то пишет что-то хорошее про власть — «вали нахрен из комментов, сраный кремлебот!» [12].

Молодёжные видеоблогеры финансово заинтересованы в увеличении своей аудитории, исчисляемой количеством подписчиков и просмотров видеологов, так как после определённого статистического порога они могут получать доход от своей продукции, в том числе и от размещения в ней рекламы [13]. Для них это бизнес, а «оппозиционность» — один из способов заработка на численности аудитории. По сути, таким образом непроиз-

вольно внушаются две циничные мысли. Первая: всё, что приносит доход, — признак успешности, а успешному человеку стыдиться нечего — ни низкого уровня производимого контента, ни лживости собственной позиции, ни хамски-потребительского и безответственного отношения к своей аудитории. И вторая мысль: «оппозиционность» хорошо оплачивается, а за патриотизм никто не платит, следовательно, выгоднее иметь имидж «оппозиционера», чем быть патриотом.

Вместе с тем мода на «оппозиционность» может пройти. Об этом свидетельствует статистика просмотров соответствующего контента (как правило, в диапазоне до 1 млн, за исключением раскрученного фильма А. Навального, набравшего 24 млн просмотров). Но модели поведения, нормы и ценности, вкусы и привычки, идеи и смыслы, на подсознательном уровне впитанные массовой подростковой аудиторией с контентом своих кумиров, вероятнее всего, закрепятся на всю оставшуюся жизнь. Как гласит народная мудрость, смолodu прорешка, под старость дыра. Ниже будут рассмотрены самые токсичные чёрные дыры подростковой блогосферы.

Мода на необразованность

Несколько предварительных замечаний о методике исследования.

1. Авторы статьи, понимая, что статистический аудиторный показатель может подвергаться искусственным накруткам со стороны заинтересованных лиц, тем не менее, для построения выборки видеоконтента исходили именно из него, в исследовательских целях приняв позицию подростков, как правило, не догадывающихся о возможных манипуляциях с показателями и выбирающих самый смотрибельный ролик по закону больших чисел. «Если в вашей ленте два, а лучше три разных человека упомянут одно и то же название, то вы уже со спокойной совестью можете утверждать, что «все говорят». У названия уже появляется маленькая меточка, на которую вы будете реагировать, как на нечто актуальное, важное, даже необходимое» [14].

2. Таким образом, для проведения исследования были отобраны самые популярные на Ютубе молодёжные видеоблогеры, имеющие от 5 до 12 млн подписчиков на момент написания статьи и собирающие более 3 млн просмотров 1 ролика: Саша Спилберг, 20 лет (5,1 млн = 23%), Марьяна Ро, 17 лет (5,3 млн = 24%), Катя Клэп, 24 года (5,7 млн = 25%), Ивангай, 21 год (12 млн = 53%). В скобках указано количество подписчиков и процент от общего числа населения России в возрасте 10-24 лет (22 млн 430 тыс. чел. по данным Федеральной службы государственной статистики за 2016 г. [15]). По разным данным, самую многочисленную группу потребителей подобного контента составляют подростки в возрасте 11-15 лет.

3. Из рассмотрения был исключён АдамТомас-Моран (М. Голополов), 27 лет (8,1 млн), так как плотность обценной лексики в 1 ролике составляет

в среднем на 3 минуты речекряка (по Дж. Оруэллу) более 30 единиц, что делает бессмысленным извлечение каких бы то ни было смыслов ввиду их неразличимости. К сведению, он в числе прочих тоже был приглашён на Совет блогеров.

4. Для анализа продвигаемых смыслов у каждого блогера были выбраны видеоролики разных жанров (влоги — видеомонологи, туры, в том числе по квартире, челленджи — вызовы на слабо, розыгрыши) с наибольшим количеством просмотров и музыкальные клипы. После просмотра выборки была применена методика отложенного мысленного эксперимента: через 3 недели, не прибегая к повторному просмотру, авторы статьи восстановили наиболее запомнившиеся смыслы. Именно содержащие их ролики затем подверглись повторному просмотру и детальному анализу.

5. Для сравнения были выбраны блогеры с меньшим количеством подписчиков, но популярные в студенческой среде, публикующие видеоролики с претензией на интеллектуальность и собирающие более 5 млн просмотров 1 ролика: Н. Соболев, 24 года (3,2 млн = 14%) и Р. Усачёв, 28 лет (1,4 млн = 6%).

Как гласит древнекитайская мудрость, если хочешь победить врага — воспитай его детей. В блогосфере важнейшую функцию неформального (бесструктурного) воспитания подростков и молодёжи выполняют лидеры мнений. Производимый ими контент напрямую зависит от уровня их образованности и социальной ответственности. Показательно, что ни один из выбранных нами блогеров не имеет высшего образования и даже не стремится получить его в будущем. Согласно биографическим данным, взятым из разных источников (Википедия, Викиреальность, Узнай всё, 24СМИ, Uchastniki.com), только двое из «великолепной четвёрки» предприняли безуспешные попытки получить высшее образование — Ивангай и Катя Клэп. Так, Ивангай (И. Рудской) был отчислен со 2 курса Днепропетровского национального университета (факультет прикладной математики), а Катя Клэп (Е. Трофимова), поступив на режиссёрский факультет Института современного искусства, забрала документы с 1 курса, мотивировав тем, что персональный опыт даёт ей намного больше знаний и умений, чем академическое образование.

Об образовании Марьяны Ро (М. Рожкова) в открытых источниках сведений нет, но по косвенным данным (ей 17 лет, училась в средней школе в Японии, в 15 лет сбежала в Москву к Ивангаю, родители-бизнесмены остались в Японии) можно предположить, что среднюю школу она не закончила или закончила с большим трудом.

Саша Спилберг (А. Балковская), поучавшая депутатов, как надо себя вести с молодёжью, очень гордится своим средним европейским образованием, благодаря которому у неё «абсолютно европейский менталитет и столько креатива»: «В обычной школе я никогда не училась. С первого класса — только в международных: в Москве, в Италии,

в Швейцарии, на Кипре. Благодаря этому у меня абсолютно европейский менталитет и столько креатива. С другой стороны, я многого не узнала о русской культуре: например, мне почти не преподавали классическую литературу. Планирую в ближайшее время наверстать: недавно вот прочла «Евгения Онегина». Из западных писателей люблю Джорджа Оруэлла и Оскара Уайльда» [16].

В отличие от других молодёжных блогеров Саша Спилберг понимает свою «недообразованность» и выражает желание получить высшее образование, но в свои 20 лет не имеет представления даже о его направлении: «Я обязательно буду учиться дальше — но прежде нужно понять, в какую сторону я хочу двигаться. Четкого представления о моем профессиональном будущем у меня пока нет, а просиживать штаны на лекциях исключительно ради «корочки» я не стану». Добавим, что попытку получить дополнительное образование Саша Спилберг всё-таки предприняла, но, по всей вероятности, она оказалась неудачной: «Правда, однажды — кажется, это было в 2012 году — съездила в Академию кино в Австрию. Но так ничему и не научилась: нам давали на монтаж неделю, а я делала его за четыре часа» [17]. Если учесть, что в 2012 г. А. Балковской было 15 лет, то, вероятнее всего, в Академии кино она могла посетить только кратковременные обучающие курсы для школьников.

Показательно, что М. Голополов (АдамТомас-Моран, 27 лет, 8,4 млн подписчиков), исключённый нами из детального рассмотрения, закончил кулинарное училище, учился на факультете иностранных языков МГПУ, но, как Ивангай и Катя Клэп, прервал обучение. Итак, перед нами целый ряд блогеров-миллионников, по сути, классических неудачников, недоучек, не сумевших получить высшее образование и более достойную профессию, чем штамповщик низкопробного «развлекалова». Но парадокс в том, что именно им подражают, именно с них берут пример миллионы детей и подростков, в том числе и в самоопределении, и в выборе жизненного пути, и в профориентации.

Таким образом, на подсознательном уровне миллионам неокрепших детских умов внушается, что стать успешным, знаменитым и богатым можно без профессионального образования — достаточно быть таким, каким ты являешься сейчас. Популярный молодёжный мем «Будь собой!», не престанно звучащий в медиaprостранстве, фактически означает призыв к блокировке высшей потребности человека в саморазвитии и самосовершенствовании и в итоге приводит к консервации личности на уровне примитивных навыков, достигаемых ею непроизвольно, без особых усилий и упорного систематического труда, — к общей ограниченности и ущербности.

Кроме того, формируется ложное убеждение, что быть профессионалом вообще незначит — достаточно стать знаменитым любителем. Это даже выигрышнее, потому что от профана (в отличие от профессионала) никто не требует выпуска про-

дукции высокого качества, а значит, «сойдёт и так, если моё творение лайкают миллионы». Обучаясь в вузе (например, медиадизайну, журналистике или кинорежиссуре), нужно сдавать работы, сделанные правильно и качественно, а это долго, трудоёмко и тяжело. Любителю же прощается некачественный продукт, слепленный по принципу «как получится», зато «без напряжения» — быстро, легко и весело.

На продвижение идеи необразованности направлена и многоканальная кампания по дискредитации традиционного системного образования с целью его замены дистанционным псевдообразованием для выращивания тотально контролируемого дебильного населения — подвиды хомо сапиенс — служебного человека [18]. Это и скандально известные форсайт-проекты «Детство 2030» и «Образование 2030», проводниками которых в русле идей трансгуманизма выступают передовые институты [19]. Это и кинематограф, в изобилии выпускающий дискредитирующие образование киножабы типа «Школа», «Географ глобус пропил», «Физрук». Свою лепту в дискредитацию образования, в том числе через интернет-СМИ, вносят и выпускники вузов: «Хочешь заговорить — учебник не поможет. Видеоблогер Лиза Брик о том, почему традиционное образование — полный облом» [20].

В этом же ряду находится уродливо-инфернальный образ школы из видеоклипа Кати Клэп, набравшего 5,2 млн просмотров (текст песни «Гимн Школоты» приводится в сокращении и с сохранением орфографии и пунктуации оригинала [21]):

Нас учат терпеть и любить всех вокруг
Что должен учитель быть нам, как друг
И что за друг, который взятки берет
А не угодишь — загрызет

Уроки — не важно. Мы сделаем их
Контрольную как-то сдадим на двоих
Но внимание уделите — перестаньте жрать
И может быть тогда мы начнем вас уважать
Нам форму ввели: белый верх — черный низ
А наши училки идут чуть зад прикрыв
Мы будем молчать на уроках всегда
Лишь выключаем свой телефон иногда

Русичка у нас не звонит, а звонит
Физрук не упускает момент покурить
Наша химичка мешает микстуры
А у физички мы все дураки и дуры
Директора в школе почти не бывает
В Египте опять он мумий копает
Лишь завучи в школе всем управляют
В столовой булки они пожирают

Вряд ли стоит считать случайным совпадением синхронность (2010 г.) трансляции сериала «Школа» производства кривокурой Валерии Гай Германики, получившей домашнее образование и мало знакомой со школьной системой обучения, и видеоклипа «Гимн Школоты» Кати Клэп, закончившей обычную московскую школу. В видеоряде

клипа наряду с многочисленными образами нежити (вурдалаки и зомби) и кладбищенской атрибукой (скелеты, черепа, надгробия) явно просматриваются отсылки и к «Школе».

Для сравнения приведём отзыв выпускницы 2011 г. о школе № 1122, в которой годом ранее училась Катя Клэп (приводится с сохранением орфографии и пунктуации оригинала): «Хочу оспорить негативные высказывания в адрес школы. Я сама ее закончила в 2011 году, школа замечательная, про учителей начальной школы ничего сказать не могу так как все воснавном новые педагоги. А вот про среднюю школу могу смело сказать, то что учителя просто замечательные! Галина Николаевна (русский язык и литература) Вера Анатольевна (алгебра, геометрия, завуч) Галина Валерьевна (история, обществознание) Ирина Владимировна (технология) можно долго перечислять, но это ни к чему. Педагоги замечательные» [22]. А вот отзыв мамы ученика этой же школы (2010 г.): «Я выпускница 1991 года. Мой сын учится в этой школе. Что сказать? Если вы любите своего ребенка, если вы хотите вырастить здоровую личность, доброго, умного, отзывчивого, любящего человека — вам в школу 1122» [23].

В приведённых отзывах и в помине нет ничего общего с монстроподобными образами «Гимна Школоты», но в сознании 5,2 млн школьников стойко закрепились именно они, поэтому не стоит недооценивать их разрушительной силы. С позиции отравленного подобными образами подростка, для которого знания всегда персонифицированы в первую очередь в личности учителя, зачем вообще стремиться к знаниям, если их носителями и проводниками выступают звероподобные монстры? Отрицательная оценка учителя по закону транзитивности автоматически переносится сначала на соответствующую область знаний, а затем и на образование в целом, обесценивая его сущность и блокируя потребность в познании как таковом.

И уже неважно, что личный опыт школьной жизни конкретного подростка отличается от навязанного экранного образа: давление сетевых социальных сообществ настолько мощно, что положительное отношение к школе, учителям и процессу обучения не только не приветствуется, но массово подвергается обструкции через осмеяние и нецензурную брань. Результаты многочисленных экспериментов на выявление власти конформизма в группах вполне применимы и к сетевым сообществам школьников: чтобы не быть осмеянным и оскорблённым, безопаснее отказаться от собственной точки зрения и принять позицию большинства. А она в общих чертах выглядит шизофренично: модно кичиться своей необразованностью («уроки — не важно», «ну и чё?»), но при этом по любому вопросу иметь «своё» безапелляционное мнение («I'm famous!»); модно люто ненавидеть школу и всё, что с ней связано, но при этом выколачивать высокие оценки у злобно-тупых учителей-монстров [24].

Мода на дегенеративность

В последние несколько лет в информационном пространстве периодически муссируется тема свободы слова в интернете: проводятся дискуссии, ток-шоу, протестные марши [25]. В контексте рассуждений о свободе правомерны два взаимосвязанных вопроса: «свобода от чего / кого?» и «свобода для чего / кого?». И если ответ на первый вопрос ясен (от любого контроля и ограничения, от ответственности за распространяемый контент и его воздействие на сознание и поведение тех, кого «приручили»), то ответ на второй вопрос не столь очевиден.

С позиции развитого самосознания, свобода слова должна служить на благо общества и государства, а значит, помогать нести в массы знания, высокие ценности, смыслы и идеалы, другими словами — созидать настоящего человека, духовно богатую гармоничную личность, осознающую свободу как необходимость и способную воплотить своё предназначение во благо Отечества. Для развитого самосознания свобода слова — средство для прокладывания пути к идеалу — к категориальному человеку, каким ДОЛЖЕН стремиться стать любой член общества, и наоборот, это средство обличения антиидеала — человека-животного, потакающего своим инстинктам.

Недоразвитому самосознанию свобода слова (в особенности в интернете) нужна для достижения личных утилитарных целей: самоутверждения, удовлетворения амбиций, гордыни и тщеславия, реализации возможности властвовать над умами миллионов, а также для монетизации подписчиков и любопытных «просмотрщиков». По вирусному мнению, априори закрепившемуся в медиасреде с 90-х годов XX в., легко и быстро прославиться можно только за счёт низменного контента, который тянет человека вниз, а не вверх. Этому постулату слепо следует недоразвитое самосознание. Неудивительно, что молодёжными блогерами производство деструктивного, духовно растлевающего контента поставлено на поток, а для его продвижения в массы необходим «свободный» интернет. Насколько и в чьих интересах он может быть свободным, красноречиво свидетельствует содержание статьи «Скрытая цензура от Google», размещённой на сайте «Научи хорошему» [26].

Рассмотрим основные уровни идей и смыслов, продвигаемых молодёжными блогерами.

1. На **концептуальном уровне** выделяются базовые смысловые зоны, формирующие парадигму ценностного отношения к своей стране (её истории, государственным деятелям, языку, культуре), семье (в частности, к родителям) и будущему (своему, своих детей и внуков).

1.1. Отношение к своей стране и всему, что с ней связано, продвигается в видеологах при помощи косвенной оценки, необоснованно завышающей ценность всего иностранного и, наоборот, безосновательно снижающей ценность всего русского. В частности, презрительно-насмешливое отношение к государственным деятелям России про-

шлого и настоящего формируется с помощью ряда манипулятивных приёмов: апозиопезы (фигуры умолчания), монтажа, символики костюма, притворного страха, вышучивания, значимых повторов. Приведём самые яркие и токсичные примеры.

Так, в 30-м выпуске шоу «Вопрос — ответ от Кати Клэп» под названием «Я слежу за тобой!!!!» (3,6 млн просмотров) на вопрос, почему её называли Екатериной, следует такой ответ: «Мне мама всегда говорила, что в честь Екатерины Великой. И да, это звучит пафосно. У нас с ней даже один знак зодиака — мы Тельцы. И да, я *наслышана* о её троне (*презрительное выражение лица*). Чёрт его знает (*в кадре зубастый смеющийся колобок*)» [27].

Снижающие оценочные закладки могут внедряться даже в ролики, посвящённые сугубо личной жизни. Например, в конце ролика Кати Клэп «Всё что нужно на Днюху — это жопастую шлюху!!!!» (4,2 млн просмотров) [28] в контексте монолога о неизбежности и естественности старости неожиданно появляются фотографии Путина, а неадекватная бабка (какой себя видит Катя Клэп в старости) поёт «Только Путин не стареет, на-на-на-на». В следующем кадре на чёрном фоне снизу поднимается голова загримированной Кати Клэп в серой фетровой ушанке с красной звездой в белой окантовке, около 8 сек. звучат тревожные звуки. Смена кадра — и реальная Катя Клэп продолжает: «Всё! Я сказала, когда-нибудь это всё закончится. За мной выехали. Это официал битчес (в переводе — официальные сучки / шлюхи)». Далее в середине обращения к зрителям тихо напевает: «Только Путин не стареет, на-на-на-на (*смеётся*). Всё! Стоп! (*мычит*) Выехали! А! (*кривляется, смеётся*)». Через 20 сек. после прощания со зрителями и окончания промо-части неожиданно появляется уже знакомая голова в ушанке и поёт под фонограмму припев песни PSY «Вато, вато, джентльмен». В следующем кадре неадекватная бабка орёт: «Это дерьмо!!!!».

Явное противопоставление культурных традиций (русской и японской или английской) в пользу иностранных чаще всего представлено в видеороликах Марьяны Ро. Показательны два из них — «Как подготовиться к выпускному» (3,2 млн просмотров) [29] и «Говорю с британским акцентом» (2,9 млн просмотров) [30]. В первом японская традиция представлена образцом высокой нравственности: «Действие происходит в России. Потому что с Японии — максимально, а у нас выпускные проходят не так, как в России. Мы не наряжаемся в платья, мы не устраиваем какие-то суперотвязные вечеринки. У нас всё скромно. Мы просто приходим в школу, встаём, нам вручают дипломы. Ну, а если бы я жила в России и у меня был бы такой настоящий русский выпускной, я, наверное, выбрала бы платье какое-нибудь пышное (*в правой стороне кадра фотографии 2-х платьев*). <...> Я думаю, было бы прикольно, если бы мальчики носили что-то такое прикольное на свои выпускные. Не вот такое (*в кадре костюм*), а что-то более оригинальное, яркое. А то приходят (*брезгливо гримаснича-*

ет)». Далее следует реклама серии лент для выпускников от компании «Сникерс выпускает», для чего, собственно, и снимался ролик. Надписи на лентах говорят сами за себя: Эба-эба, Иззи, Катка, Чёткий, Альфа, На лабутенах, Лакшери, Не школота, Дерзкая. И последний «совет» от Марьяны Ро: «У меня есть для вас отличный прикид на выпускной — вот (в кадре появляется мужская фигура в спортивном костюме и маске козла). Именно так вы должны выйти на свой выпускной вечер... хотя мои советы были максимально немножечко странными...».

Во втором видеоролике английский блогер и актёр Каспар Ли «учит» Марьяну Ро произносить слова с британским акцентом. За неправильное произношение, включая американский акцент, «ученица» должна запихивать шоколадное суфле «Бонжур» (названное в начале ролика «дерьмом») целиком в рот и с набитым ртом произносить очередные слова. При возникновении рвотного рефлекса «настоящая британка» встаёт из-за стола, отгрызает и выплёвывает в мусорку излишки пищи. В кадре всё однообразно, тупо, тошнотворно. На очередном круге «ученице» удаётся с набитым ртом произнести слово «renaissance» (возрождение) и получить похвалу от истинного британца! Но за этим неожиданно следует «Kremlin» (Кремль) — и Марьяна повторно имитирует рвотный рефлекс, сдавленно смеётся и встаёт из-за стола (далее вырезано, но зритель уже знает маршрут и последовательность действий). После череды бессмысленных скороговорок «ученица», нарушая законы логики, нахваливает себя: «У меня хорошо получилось, потому что я идеальная британка». В конце ролика Каспар Ли, безуспешно пытаясь научиться произношению русского слова «подпишись» (причём с брезгливым выражением лица), артикулирует по-английски фразу «Russia, I am from Russia». Но Марьяну такой вариант по непонятным причинам не устраивает, и она его поправляет, произнося почти по слогам с грубым русским акцентом: «Хэллоу, ай эм фром Раша энд лайк э дринк водка соу мач». Британец с удовольствием повторяет стереотипно-дискредитирующую фразу с русским акцентом. Далее следуют реквизиты в сопровождении ритмичной песни для закрепления стереотипа.

Модель внедрения запоминающегося смысла проста: в однообразный бессмысленно-глупый ряд (словесный, мимический и жестовый) длительностью около 2 мин. неожиданно вбрасывается лексема или фраза, резко с ним контрастирующая. Так, в видеоролике откровенно непристойного содержания «Реакция на fu*kboy musical.lys» (4,2 млн просмотров) [31], в котором дети и подростки под музыку имитируют сексуальные движения, Марьяна Ро не просто знакомит отечественную подростковую аудиторию с непристойным сайтом (при помощи мультэкрана), но своей одобрительной или порицающей реакцией на развратные действия персонажей ещё и задаёт некие «приемлемые» стандарты: «Эу... Ноу-ноу... Прикольный... О, милашка... Это явно не твоё, а так прикольный, милый». От-

рицательная реакция подкрепляется мимикой и жестами (брезгливым выражением лица, имитацией рвотного рефлекса, плевками). На исходе 2-й мин., когда сознание зрителя притупляется, неожиданно вбрасывается алогизм: «Это снимает какой-то русский чувак, так как освещения вообще нет» (в кадре освещение есть, но некачественное).

Примечательно, что до этого момента этническая принадлежность персонажей вообще не затрагивалась. Псевдологика смыслового ряда, который должен запомнить подросток, такова: отвратительно не публично демонстрируемое действие само по себе, а отсутствие надлежащего освещения, что характерно только для технически отсталых русских. Мотивация скромности / стыдливости / целомудрия (а именно эти категории должны быть применены в противовес контенту непристойного содержания) вообще не рассматривается. По сути, режиссёрами ролика преследуется триединая задача: продвинуть развращающий контент, дискредитировать русских как державообразующий этнос и родителей как социальную группу (о последней см. ниже).

В отличие от Марьяны Ро Катя Клэп более тонко продвигает американскую культуру: при помощи фигуры умолчания (например, о русских блогерах), незаметной подмены тезиса (от неназванных русских блогеров к своей уникальности, а затем к уникальности любимой американской шоу-вумен) и контекстуального противопоставления (безликих русских блогеров и уникальной американской ведущей). Так, в ранее упомянутом выпуске шоу «Вопрос — ответ от Кати Клэп» под названием «Я слежу за тобой!!!!» в ответ на вопрос, каких видеоблогеров смотрит Катя, следует ряд псевдологических переходов: «Я смотрю всех русских видеоблогеров... Но так, чтобы смотреть ютьюбера прям... В последнее время я так не делаю... Я немного дислоцируюсь в своём... варюсь в своём, это всё такое моё, уникальное. И единственная, кого я смотрю, — это Венди Уильямс (в кадре её фотография). Это шоу, которое я заливаю на Ютьюб. Это просто потрясающая женщина, обожаю. Мне нравится, когда у людей есть свой характер и своё мнение. Она его говорит достаточно чётко и интересно. И каждый раз, когда она говорит какую-то вещь про знаменитость, я делаю так: «Спар...» (перевод — стоп-кадр / моментальный снимок).

Дискредитации через противопоставление западным «образцам» подвергается и современный российский кинематограф, который по многим параметрам действительно есть в чём упрекнуть по существу, как это делают, например, авторы сайта «Научи хорошему» [32]. Но в псевдоинтеллектуальных видеорецензиях блогера Р. Усачёва (серия «Вредное кино», в среднем более 1 млн просмотров), популярных среди старшеклассников и студентов, акцентируется не столько содержательно-смысловая часть недостатков или «вреда», сколько безнадёжная отсталость, недоразвитость, вторичность, криворукость и тупость российских кинематографистов и мультипликаторов.

Характерный пример — начало видеорецензии на отечественный м/ф «Особенный»: «Почему-то среди российских кинематографистов очень распространён миф о том, что достаточно любой фильм сделать мультипликационным или трёхмерным, как он сразу станет хорошим и принесёт, ну, пару грузовиков бабла. Было бы ещё круто иметь талант, умение, не знаю... способность к прямохождению... хотя бы» [33]. Показателен и фрагмент видеорецензии на м/ф «Носферату. Ужас ночи»: «...Вообще в истории кино есть примеры, когда удачно сочетаются ужасы, мультипликация и комедия (на левой половине кадра афиша м/ф «The Nightmare before Christmas»). Ну, то есть принципиально это возможно — в странах развитого капитализма. Может, и нам стоит дать шанс отечественному мультфильму о графе Дракуле? Может, он достоин внимания? Конечно, нет. Это говно рафинированное... (В кадре женское лицо — Р. Усачёв смеётся.) Простите, я не могу на это уродство смотреть» [34].

Красноречиво расставлены акценты в пользу западного кинематографа и в видеорецензии на х/ф «Возвращение мушкетеров»: «...Есть такой мужчина Георгий Юнгвальд-Хилькевич, человек очень непростой судьбы, что в принципе понятно по его фамилии. Так вот он в своё время снял приключенческий фильм о мушкетёрах. Фильм был ы-ы-ы (брезгливая гримаса, покачивающий жест ладонью), но сделал Боярского кумиром для миллионов. Сняв пару продолжений, Георгий затих на долгое время. Но вот в сытые нулевые ему, видимо, кто-то подогнал партию чистейшего героина, и режиссёру пришла в голову очень печальная мысль. <...> Когда в СССР все тащились с мушкетёров, на Западе уже вовсю шли «Звёздные войны». Когда в России выпустили ЭТО, Голливуд показал «Тёмного рыцаря». Есть в этом какая-то глубокая ирония...» [35].

По сути, для Р. Усачёва отечественные кинокартины невысокого качества (ввиду отсутствия в его видеорецензиях глубокого всестороннего анализа) являются лишь поводом для прививания зрителю уничижительного отношения к российскому и советскому кинематографу. Примечательно, что из 43 видеофайлов серии «Вредное кино», находящихся в открытом доступе, только 1, судя по заголовку, посвящён разбору зарубежного фильма. И это, как ни странно, «Форрест Гамп» [36] — одно из лучших произведений американского кинематографа. Но в 29-секундном ролике никакого разбора нет. Это просто шутка «гения»: разве может быть что-то вредное в американском кинематографе?! Подобные манипулятивные приёмы должны стать предметом отдельного исследования — здесь же обозначены самые основные тенденции.

1.2. Особой мишенью, на которую направлено негативное отношение, является семья и образующие её субъекты — родители. В видеороликах Кати Клэп: «Пока никого нет дома... / Катсби????!!!» (3,7 млн просмотров) [37]; «Всё что нужно на Днюху — это ЖОПАСТУЮ ШЛЮХУ!!!» (4,2 млн просмотров) [38] — родители представлены карикатурными об-

разами — как нелепые, старомодные, ущербные придурки. Их отсутствие дарует вожаделенную свободу веселья и безделья, а внезапное появление, равносильное вторжению, разрушает уникальное личное пространство, приносит серость, уныние и скуку.

В первом ролике эта мысль не только вербализуется, но и подкрепляется видеорядом: «Когда приходят родители, всё мое веселье заканчивается. И вы даже знаете как (сидит на лестничной площадке на полу под входной дверью). У меня есть ощущение, что, когда кто-то в доме появляется, моё личное пространство испаряется (сидит на унитаза с открытой дверью, виновато отрывает туалетную бумагу, нелепые родители на неё осуждающе смотрят). И я сразу становлюсь своей скучной копией. Я не делаю ничего интересного и продуктивного дома. Я знаю, что многие не могут делать дома то, что им поднимает настроение. Например, элементарно громко слушать музыку». Далее следует оговорка, что «всё это осуществимо, если, конечно, не контактирует с другими людьми и не нарушает их комфорт». Но следующая мысль её опровергает: «Не стесняйтесь, не стесняйтесь раскрывать, кто вы есть. Отдыхайте дома. Это ваше место, куда нужно стремиться попасть, отдыхать, реализовываться — в общем, делать всё самое приятное для себя». В этом контексте внушаются три примитивные мысли: живи для себя, наслаждайся жизнью и собой; дом — единственное место, предназначенное для отдыха, веселья и самоудовлетворения; родители — досадная помеха, чужеродные элементы — нелепые пришельцы из прошлого века.

Собственно семейные отношения, как и сам образ семьи, представлены во втором ролике. После «песни», состоящей из одной фразы «Всё, что нужно на Днюху — это жопастую шлюху», 20-летняя Катя Клэп встречает родителей (в кадре только дико накрашенная мама), пришедших её поздравить с днём рождения, «гостеприимным» вопросом «Что вам надо?!» После неопределённого мычания неадекватной мамы (говорит с дефектом дикции, как дебилка) «новорождённая» предполагает, что мама назовёт свою дочь «шлюхой», а папа скажет, что у неё «огромная жопа». Мама изображает чувство вины, опровергает предположение и, когда дочь в свою очередь изображает раскаяние за нерадушный приём родителей, раздражается поздравлением: «...20 лет ты уже как жирная — ваще!» (в кадре благородно-интеллигентная белоснежная кошечка, прикрывая нарисованной лапкой пасть, зевает от скуки). Как видим, такие семейные отношения даже кошке представляются привычно-аномальными, причём источником аномальной дегенеративности выступают именно родители.

1.3. В самоопределении и становлении личности ключевую роль играет образ будущего. Мечты о светлом будущем направляют энергию подростка в созидательное русло, корректируют его мировоззрение и поступки в настоящем с позиции будущего. Если образ будущего отсутствует или рисуется

в виде негативных сценариев, развитие личности сначала затормаживается, затем приостанавливается. А поскольку личность не может стоять на месте — она должна либо развиваться, либо деградировать, — вероятность деградационного сценария возрастает многократно. Напротив, непрерывность прошлого и настоящего при условии их ценностной оценки и извлечения правильных уроков является необходимым залогом формирования полноценного будущего. Какие сценарии будущего рисует фантазия Кати Клэп?

По сюжету видеоролика, рассмотренного в пп. 1.1.2, 20-летняя Катя попадает в прошлое, чтобы показать самой себе, тогда ещё девочке, какой она стала. Это первая сюжетная ситуация. Катя-девочка, увидев себя в будущем, от досады прикрывает рот рукой, плачет и истерично кричит: «Это какая-то шлюха!» (за кадром слышатся звуки выстрелов). Объяснив зрителям в стендапе, что «с прошлым как-то нехорошо получилось», 20-летняя Катя отправляется в будущее на встречу со своими детьми. Это вторая сюжетная ситуация. Модель семейных взаимоотношений изображена так (*детей играет Катя*): «Дети, сегодня я вам расскажу, как я встретила вашего папу... (молчит). — Ну и как ты встретила папу? — Как-как?! Да никак! Вы же приёмные, хыхы. Вы чё думали, что у меня такие уроды родятся?! Ха-ха». Здесь источником дегенеративности выступает сама Катя в образе «мамы», то есть опять же обобщённые «родители». При этом «мама» в кадре не появляется — показаны вполне нормальные дети-подростки, но их адекватность контекстуально может быть объяснена тем, что они приёмные. Такой сценарий будущего носит явно деструктивный характер.

В рамках третьей сюжетной ситуации 20-летняя Катя перемещается в далёкое будущее и в роли неадекватной бабки (с серьгами-лезвиями в ушах) беседует со своим внуком о бывшей популярности в качестве видеоблогера. Внук скептически комментирует: «Ага, это *порновидео* с дедом». Бабка, не очень уверенно опровергнув комментарий внука, сокрушается по отсутствующему деду: «Так скучаю по нашему деду. Голубчик, ты так похож на него, особенно правой стороной (внучок поворачивает голову — правая половина головы загримирована под чернокожего)... Именно из-за деда ты слушаешь рэп... То, что слушаешь ты, — это дерьмо!» Двойная диверсия против логики (приёмные дети европеоидной расы во второй сюжетной ситуации, от одного из которых родится полукоричный ребёнок, чудесным образом «унаследовавший» гены чернокожего деда-рэпера; плюс взаимоисключающие суждения о музыкальных пристрастиях внука) призвана замаскировать аморальную систему ценностей и деструктивный сценарий будущего.

В подводящем итог стендапе Катя обращается к самой себе в будущем: «Если мой муж не будет чернокожим рэпером, я умываю руки и буду строить отношения с самой собой. Кстати, я была бы не прочь клонировать саму себя». Четвертая сюжетная

ситуация — в кадре Катя со своим «клоном»: «Знаешь, сколько всего мы сможем сделать? Давай поцелуемся». Стендап: «Вот это было бы совсем идеально в моём ближайшем будущем. Хотя, да, я боюсь, оно долгим не было бы». В кадре Катя, перемазанная кровью, с перекошенным лицом застывает молнию на брезентовом мешке, в котором лежит труп клона, и сквозь рыдания с сожалением оправдывается: «Шлюха какая-то». Как видим, и этот сценарий будущего (уже без детей и внуков) оказывается деструктивным.

В резюмирующем стендапе Катя обобщает своё отношение к будущему и поучает зрителей: «Я много думала о своём будущем, о том, кем я буду работать, что я буду делать по жизни, будет ли у меня семья, будут ли у меня дети, вообще, что со мной произойдёт. И в подобных мечтаниях я забываю самое главное — это то, что со мной происходит *сейчас*. <...> Я хочу делать то, что хочу *сейчас*. И я хочу сказать вам, что фокусируйтесь на том, что есть у вас *сейчас*. Делайте то, что вы хотите *сейчас*, потому что потом, когда вы вырастаете или пройдёт какое-то время, вы не захотите это совершать. И ваше *время, проведённое в мечтаниях сейчас, оно теряет смысл*, потому что те *мечты, которые у вас сейчас в голове, они никогда не сбываются*, а время, потраченное на них, никогда не вернётся».

Деструктивный смысл обращения ясен: не мечтай о будущем, живи не просто одним днём, а одним мгновением, потакай своим сиюминутным желаниям. Причём механизм убеждения сконструирован по всем правилам риторики: сначала вытесняется сама мечта о будущем как бессмысленная и бесплодная, а затем образовавшаяся пустота замещается мыслью о вечном настоящем. Программирующий характер такого послания становится очевидным при подсчёте лексемы «сейчас»: в 52-секундном резюме (приведено с небольшим сокращением) она употребляется 8 раз = в среднем 1 раз каждые 6 секунд.

Для закрепления эффекта Катя рисует дегенеративный образ старости: «... я совершенно не боюсь стареть, потому что в любом возрасте есть свои *преимущества*, как, например, я *стану бабушкой и буду пукать в общественном транспорте, а сваливать всё на молодёжь*. При этом они не смогут дать мне замечание, потому что я пожилой человек и надо быть со мной культурной, да?» — кадр из третьей сюжетной ситуации с криком неадекватной бабки «Это дерьмо!» И это всё, в чём, по недалёкой мысли 20-летней девушки, может быть ценность старости. Так стоит до неё доживать? Само по себе обращение к теме будущей старости, адресованное подростковой и юношеской аудитории, могло бы показаться странным, если бы не два момента. Во-первых, подспудно внушается мысль «Живи ярко сейчас, умри молодым» (на 5 минут ролика приходится две смерти — 13-летней Кати и её «клона»). Во-вторых, микротема старости служит поводом для снижения образа «нестареющего» главы государства, о чём было подробно сказано в пп. 1.1.

Уничтожение мечты о светлом будущем через программирование деградационных сценариев его развития, включая навязывание дефективных образов семьи и родителей, коррелирует с общим потоком голливудской кинопродукции, составляющей около 80% отечественного проката [39]. Вместе с тем к разрушительным смыслам американского кинематографа при правильной позиции родителей и учителей у молодёжи может быть выработан иммунитет. Но перед токсичными идеями, внедряемыми блогерами, подростки оказываются беззащитными: здесь срабатывает эффект доверия к ровеснику или старшему товарищу, по умолчанию более умному, успешному и «продвинутому». И если разрушительные киносмыслы войдут в резонанс с аналогичными видеосмыслами, внедряемыми горячо любимыми, «домашними» блогерами, то их закрепление на уровне мировоззрения гарантировано.

2. Для миллионов подростков видеоблогеры стали частью повседневной жизни. Именно они на **бытовом уровне** формируют у современной молодёжи культуру повседневности: обустройство дома, домашний уклад, привычки, распорядок дня, культуру питания — в целом образ жизни. Для подсознательного внедрения определённых бытовых «стандартов» создан и раскручен целый спектр жанров — от туров по дому до обзоров повседневных привычек (гигиена, макияж, питание, одежда, обувь, музыка, развлечения) в разрезе разных частей суток (обычно утро и вечер).

При внимательном просмотре десятка подобных видеороликов становится очевидным их манипулятивный характер. По сути, они являются разновидностями интернет-рекламы, упакованной в доверительно-личностную, дружескую, «домашнюю» форму. Для маркетологов подобные жанры — настоящий клондайк: при минимальных затратах (в отличие от рекламы на телевидении, требующей значительных расходов на создание качественного ролика и оплату эфирного времени) достигается максимальный эффект — широкомасштабное попадание в целевую аудиторию (3–5 миллионов), не вызывающее у неё отторжения благодаря имиджу популярного «домашнего» блогера. Ведь друг-блогер персонально вам ничего вроде бы не «впаривает»: он просто рассказывает о себе, своём доме, своих привычках, и если вы купите то же самое, он здесь ни при чём. «Мягкое» внедрение рекламных вирусов происходит незаметно для зрителя, минуя его сознание. Беда в том, что в нагрузку к рекламируемым товарам прилагается и образ жизни.

Основные компоненты расслабленного «блогерского» образа жизни сводятся к гедонистическому смысловому ядру: люби себя, ублажай своё тело, делай только то, что тебе нравится, — отдыхай, развлекайся и веселись. Утро типичного молодёжного блогера (Катя Клэп (8,5 млн просмотров) [40], Саша Спилберг (5,5 млн просмотров) [41]) начинается в 9.30 — 11.00 с просмотра социальных сетей в течение 20–40 минут в постели. Далее в зависимости

от воспитания последовательность привычек варьируется: Катя Клэп под музыку продвигаемых зарубежных исполнителей делает псевдозарядку — в нарушение здравого смысла складывает разбросанную вечером косметику и одежду, что свидетельствует о ночном образе жизни, а Саша Спилберг приступает к гигиеническим процедурам. Последующие действия зависят от объекта рекламы: водные процедуры, приготовление чая, макияж или уход за лицом.

Далее — приготовление завтрака для ленивых или инвентаризация холодильника. Завтрак типичного блогера на удивление однообразен: йогурт, мюсли, клубника, голубика, банан, ананас и мёд. Вероятно, приготовление домашней пищи не вписывается в «блогерский» образ жизни. При наличии времени кулинарные способности Кати Клэп ограничиваются яичницей с овощами, при нехватке времени — завтраком для ленивых. Саша Спилберг в ролике «Что я ем? Что в моём холодильнике?» (6,7 млн просмотров) [42] признаётся, что редко готовит — «изредка гречневую кашу или яичницу», чаще заказывает в определённой фирме готовую еду в коробках (растительные салаты).

Содержимое холодильника Саши Спилберг впечатляет обилием нетронутых рекламируемых продуктов из категории высококалорийных десертов: фермерское мороженое и молоко, гущёнка, варенье, мёд, джем, шоколад, сликсер, мороженое-рожок, детское фруктовое пюре Хипп, большой шоколадный торт и три маленьких торта из Вены. Из этой категории выбиваются фермерская развесная красная икра и сырники. К рациону питания добавляются три равномерно наполненные банки с хлопьями, орехами и изюмом, фермерский хлеб из полбы и коллекция чая из Вены (четырьмя месяцами ранее в ролике «Моё утро...» [43] Саша рекламировала коллекцию «любимого» чая из Израиля). Нетрудно догадаться, как будет развиваться растущий организм подростка, если он станет следовать такому разбалансированному рациону питания.

Представление о том, как организовано свободное (от чего?) время, составляющее львиную долю «блогерского» образа жизни, можно извлечь из тематических видеороликов «Одна дома». Саша Спилберг, оставшись наедине с собой (9,6 млн просмотров) [44], боится призраков и инопланетян (в возрасте 17 лет!), насмотревшись на ночь фильмов типа «Паранормальные явления», прячется от призраков в ванной комнате или охотится на них с пылесосом, как в американском фильме «Охотники за привидениями». Борьба со страхами, вызванными работающими бытовыми приборами, включает написание твитов, громкое пение, прослушивание музыки или просмотр фильмов с поеданием чипсов.

Катя Клэп в подводке к ролику «Пока никого нет дома...» (3,7 млн просмотров) [45], окарикатурив уезжающих родителей, демонстрирует один из вариантов убийства свободного времени: разливает в рюмки какую-то жидкость, имитирует употребле-

ние кокаина через соломинку, чокается с экраном пивной кружкой. Затем, сообщив, что это «очень похоже, но немножко всё-таки по-другому», демонстрирует обычный вариант времяпрепровождения. Он сводится к глаголам «люблю отдыхать» и включает ряд действий: спать, слушать «очень-очень-очень громко» музыку, играть в невидимые инструменты (*кривляется*), разносить туфли, принимать расслабляющие ванны, снимать видео, мечтать о поцелуе с Ди Каприо. Примечательно, что при упоминании единственного полезного занятия — «люблю убираться» — появляется кадр с надписью «файл не найден». Правда, после заключения контракта с компанией «Адидас» Катя Клэп активно включается в пропаганду спортивного образа жизни и здорового питания [46], что тоже вписывается в гипериндивидуалистическую концепцию праздного образа жизни с сопутствующими атрибутами культа тела.

Могут ли подростки научиться какой-нибудь созидательной деятельности у своих любимых блогеров? Судя по названию ролика Кати Клэп «Как я монтирую / Моё рабочее место» (4,6 млн просмотров) [47], могут в лучшем случае монтажу. Однако в содержании ролика именно эта часть отсутствует, потому что снимался он исключительно в целях рекламы канцелярских принадлежностей, сервисов, программ для монтажа, личного чата и группы ВК, косметики, журналов, музыкальных альбомов, сериала, аудио— и видеоаппаратуры.

Особую категорию видеороликов, дающих представление о домашнем обиходе и культуре гостеприимства, составляют туры по дому. Как и предыдущие ролики, они носят рекламный характер, но помимо этой направленности предназначены для продвижения определённых ценностей, культуры поведения и «блогерского» образа жизни. Ценностная ориентация эксплицируется по знаковым атрибутам, часто присутствующим в кадре и приковывающим внимание зрителя. У Кати Клэп это пёстро разукрашенная маска с черепом (8,5 млн просмотров) [48], символизирующим смерть, череп и фигура Дарта Вейдера, несколько фигурок-скелетов и изображений с черепами, картины Нью-Йорка, актёр Ди Каприо, актриса и фотомодель Ким Кардашьян, поп-певицы Marina and the Diamonds и Бейонсе (3,3 млн просмотров) [49]. У Саши Спилберг — огромный флаг США, девиз «Enjoy Everything» (Получай удовольствие от всего), сериал «Секс в большом городе», коллекция дисков Фрэнка Синатры (4,7 млн просмотров) [50].

В видеороликах 17-летней Марьяны Ро продвигается стиль инфантильного физиологизма и демонстрируется импульсивное поведение и враньё. Например, в начале ролика «Хата Тоуг» (4,1 млн просмотров) [51] в течение 3 минут хозяйка знакомит зрителей с туалетом: «И первое, что я вам покажу, — это мой толчок. Здесь я какаю, ха-ха-ха-ха. Нет, на самом деле, сколько я здесь живу, за всё это время я там какала 3 раза... Люди, не думайте, что у меня запор. Я просто дома не бываю. Нет, на

самом деле я там какаю часто. Я дома очень часто бываю. Я домашняя. Домохозяйка... Заходим. Кхы-кхы (*кривляется*). Друзья, а это то место, где я провожу своё свободное время. Что, типа всегда? Что, у меня много свободного времени? На самом деле у меня мало свободного времени. И некомильфо. Вот, показываю свой туалет. Он очень многофункциональный. Потрясающий. Фирма... Да, и покажи мою туалетную бумагу. Я всегда так делаю, чтобы было красиво (*на рулоне треугольник*). А мои друзья приходят, всё а-а-а-а-а (*сбрасывает рулон*). Вот так. И так делать не надо. Если вы пришли ко мне в гости, то будьте любезны *относиться к моей туалетной бумаге красиво и с уважением*». Далее следует смесь из рекламируемых товаров, кривляний, нелепостей и трюизмов в стиле сказки С. Я. Маршака «Кошкин дом»: «Ну, а это мой диванчик, на котором я сижу, лежу и просто классно провожу время». На 6-й минуте ролика Марьяна решает отдохнуть: «Дальше мы с вами поспим, потому что я утомилась, я устала, блин, в конце концов (*ложится, храпит*). Ты что, снимаешь? Эх, ладно».

Кроме впитывания деградационных смыслов и моделей поведения: гедонистического образа жизни, гипериндивидуализма, культа тела, потребительства, инфантилизма, самовосхваления, глупости, импульсивности, гримасничанья и лживости — подростки проникнуты уважением к туалетной бумаге (по совету Марьяны Ро), «своей постельке» (по совету Кати Клэп) и чужой культуре. Кто-то научится у Саши Спилберг обмениваться домами [52]. А кому-то по технологии Окна Овертона в сознание западёт безумная идея каннибализма, дважды (в начале и в конце) прозвучавшая в ролике Кати Клэп «Я слежу за тобой!!!» из цикла «Вопрос — ответ от Кати Клэп» (3,6 млн просмотров) [53]: «Я бы купила колбаску из жопки Ким Кардашьян, хотя... она была бы пластмассовая»; «И ещё... я бы хотела попробовать себя на вкус. Господи, это звучит настолько... да, депрессивно, и одновременно, да, мне кажется, я вкусная».

3. Ранее уже упоминалось о том, что в роликах популярных молодёжных блогеров смысл жизни сводится к отдыху и развлечениям. Польза игровой деятельности для развития ребёнка неоспорима, но в старшем подростковом и раннем юношеском возрасте может привести к консервации личности на стадии инфантилизма — вечно делящегося детства. От характера развлечений, соответствующих или не соответствующих возрасту, зависит, по какому пути будет направлено формирование личности — по пути деградации или развития.

На уровне **сферы развлечений** блогерами формируется культура организации свободного времени — виды и формы развлечений, а также порядок и традиции проведения дружеских встреч и праздников. И одновременно на уровне **межличностных отношений** создаются одобряемые или порицаемые блогосферой правила общения между друзьями и недругами, блогерами и аудиторией в реальном и виртуальном пространстве.

По убийственной концентрации идиотизма среди рассматриваемых блогеров лидирует Ивангай [54]. Разнообразие развлечений, набирающих рекордное количество просмотров, сводится к 4-м видам: демонстрация (продвижение) видеоигр, сопровождающаяся кривляньем, каламбурами, клоунадой и издевательствами над партнёром (24 млн), рисование какой-нибудь чуши вроде «радушной какашки» по заказу зрителей (21 млн), челлендж — совершение какой-либо глупости «на слабо» вроде игры в испорченный телефон (21 млн), троллинг подписчиков (9-16 млн). К относительно полезному виду развлечений (если не считать коммерческой выгоды), продвигаемых Ивангаем, можно отнести демонстрацию манипуляций со спиннерами, развивающих ловкость и мелкую моторику (8 млн просмотров).

Самым безобидным видом розыгрышей можно назвать «пранк песней» (Катя Клэп — 3,4 млн, Саша Спилберг — 8,7 млн просмотров). Более глупым, а иногда и опасным для здоровья видом развлечений является челлендж — вызов «на слабо». Значительное количество просмотров (5-8 млн) набирают такие «вызовы», как макияж без зеркала или с закрытыми глазами, «тухлый кролик» (произнесение этого словосочетания постепенно наполняемым ртом), поедание лимонов, жгучего перца или соуса и т. п. Последние из них, как правило, сопровождаются кривляньем, ненормативной лексикой, рвотным рефлексом, плевками.

«Правилам» организации вечеринок в традициях западной культуры подростки могут научиться, посмотрев ролик Марьяны Ро «Помылась в одежде на вечеринке» (3,6 млн просмотров) [55]. Здесь и традиционный поход в торговый центр за «необходимыми» атрибутами — шариками, хлопушками, колпаками, стаканчиками непременно радужной расцветки; и выбор еды, «чтобы животики не бурчали» — чипсов, бананов, мандаринов и детского шампанского; и стандартный набор развлечений — видеоигры, карты, танцы. И, конечно же, гвоздь программы — розыгрыш фанта «принять душ в одежде». Все действия приправлены ужимками, гримасами, кривляньем и натужным весельем.

4. Для подростков и молодёжи важным «образцом» для подражания является **речевое поведение** их кумиров. На этом уровне формируются опознавательные знаки «свой — чужой», одобряемые или порицаемые блогосферой вербальные и невербальные «формулы» коммуникации — в целом стиль общения. Копируется не только лексика, грамматика и синтаксис, но и правила построения логических связей между высказываниями. Усвоенная речевая манера затем переносится в класс и студенческую аудиторию и инфицирует тех, кто её не приемлет. Если «модный» стиль общения поддерживается лидерами сообщества (достаточно 5-10%), то рано или поздно, подчиняясь стадному инстинкту, под его влиянием окажется всё сообщество. Противостоять давлению большинства крайне трудно и психоло-

гически неуютно: в подростковом возрасте никто не хочет оказаться изгоем по языковому признаку. А поскольку с особой лёгкостью усваивается, как правило, самое плохое, то деструктивный эффект от «неформального» стиля коммуникации, навязываемого блогерами, очевиден любому, кто в силу профессии общается с молодёжью.

В речевой индустрии низменности и «быдло-юмора» лидирующее место занимают Ивангай и Марьяна Ро. Экранную манеру поведения Ивангай можно охарактеризовать как словоблудие в стиле инфантильно-низменного, слабоумного абсурдизма. Представление об уровне интеллекта 20-летнего парня, демонстрируемого зрителям, дают следующие «приколы»: «козюля из носа торчит»; «я знаю, ты писаешься... воняет сильно»; «обожаю арахисовые подсрачники»; «табачок — кабачок»; «я мариную пятки киселём»; «масло, чтобы попа не погасла», «жирная жошень». Под стать ему распушенность и инфантильно-низменное слабоумие, демонстрируемое Марьяной Ро: «я не ем козюли», «ты сам писаешься», «он только что кинул мне фак, и у меня сопли суициднулась».

Неотъемлемыми атрибутами молодёжного жаргона, внедрёнными блогерами в естественный язык, стали лексемы, заимствованные из американского сленга и вытеснившие привычные русские эквиваленты. К ним относятся «хайп» — шумиха, истерия, бум; «битч» — сучка, шлюха; «лайфхак» — полезный совет. Некоторые заимствования дополнительно обозначают жанры блогосферы: «челлендж» — вызов на слабо; «пранк» — розыгрыш; «троллинг» — провокация, издевательство. В этом ряду особняком стоит русскоязычный неологизм «вписка» — вписаться в компанию на вечеринку с ночёвкой. Все они (за исключением «битч»), вырвавшись из рамок блогосферы, уже вошли в активный оборот печатных и электронных СМИ.

Пристрастие молодёжи к иноязычному сленгу вполне объяснимо. Во-первых, считается модным вернуть что-то необычное в однородно-глупый словесный поток — это круто! Во-вторых, в силу своей чужеродности, а следовательно, смысловой туманности, иноязычное слово способно выполнять функцию эвфемизма — сглаживания, маскировки негативных оттенков значения, имеющих в русском эквиваленте. Вспомним хотя бы вживлённое в русский язык в 90-е годы XX в. эмоционально и этически «сглаженное» существительное «киллер» вместо русского словосочетания «наёмный убийца» с двойным негативным смыслом. Аналогично и с молодёжным иноязычным сленгом: словосочетание «троллинг подписчиков» (название цикла роликов Ивангай) не имеет резко отрицательной окраски в отличие от русского эквивалента «издевательство над подписчиками».

Программирующий характер личного местоимения «я» становится очевидным при подсчёте количества употребления его словоформ в одном ролике: в среднем через каждые 5-7 секунд. Во многом такая частотность объясняется издержка-

ми не критичного копирования речевых оборотов английского языка, но в целом органично вписывается в настойчивую пропаганду эгоцентричной концепции гипериндивидуализма, продвигаемой блогосферой. Под признанием Кати Клэп в любви к самой себе: «Я без косметики, но всё равно люблю себя даже с недостатками», — могли бы подписаться все молодёжные блогеры.

Модно и круто непрерывно «якать», к месту и не к месту выпячивать свою уникальность, яркость и превосходство, но в то же время считать других отсталыми, серыми, никчёмными и тупыми. Как правило, обратной стороной гипериндивидуализма является высокомерное презрение, а иногда и ненависть к другим людям. Отсюда же родом видеорозыгрыши и вызовы — как возможность поиздеваться и почувствовать своё превосходство над другими. К этому следует добавить притонную манеру блогеров (Ивангая, Кати Клэп, Р. Усачёва) называть других (и иногда себя, что очень удивительно!) «сучками», «шлюхами» и «мазешаками».

На уровне грамматики бросаются в глаза ошибки типа «провожу своё ночное времяпровождение» (Марьяна Ро), «анализаторские способности» (Катя Клэп) и др. Убогий словарный запас облачается блогерами в упрощённую синтаксическую и псевдологическую форму. Приведём примеры неадекватного словоблудия Марьяны Ро: «Лайфхаки от Марьяны — это не только хата тур, но ещё и лайфхаки (*гримасничает, смеётся*)»; «Дальше у меня тут (*возле унитаза*) стоит орхидея. Я на самом деле не знаю, она настоящая (*трогает*). Блин, она настоящая. Я её люблю. Ей уже сколько лет?! Недели две. Она умрёт?» [56]. Не менее показательны примеры скачкообразных словесных виражей и псевдологических связей, выстраиваемых Катей Клэп: «Поэтому, если я вас вдохновлю на то, чтобы меньше краситься или чуть больше краситься, то, наверное, это хорошо. Я люблю косметику. И люблю чай. Кстати, чай чёрненький (*гримасничает*). Как быстро мой мозг сделал отсылочку»; «У меня мокрые волосы, потому что я после душа»; «Я припадочная, потому что слушаю музыку, когда крашусь» [57].

Характерная черта «блогерского» речекряка — прерывание фразы на середине или недоговаривание фразы до конца ввиду бедности словарного запаса, убогости мысли или переключения на другой объект, сопровождающееся оправдательными оборотами типа «ну и ладно», «эх, ладно», «э-э-э... неважно». Родителям, учителям и преподавателям такая манера речевого поведения школьников и студентов хорошо знакома. Но многие взрослые ошибочно полагают, что тем самым подростки и студенты хотят что-то скрыть от них, хотя чаще всего стиль внезапно прерывающейся речи является следствием банальной убогости словарного запаса и отсутствия навыков построения логически связанного высказывания средней протяжённости. В этом ракурсе молодёжные блогеры, как носители ущербной речевой культуры, способствуют сначала примитивизации, а в итоге и деградации речевого поведения подростков и сту-

дентов. Как правило, вследствие подавленного блогосферой интеллекта особо запущенные носители речевого хаоса не поддаются коррекции в процессе обучения ни в школе, ни в вузе.

Вследствие деструктивной деятельности молодёжных блогеров мы уже сейчас сталкиваемся с подрастающим поколением, совмещающим взаимоисключающие свойства: низкий интеллект и «всезнательство», эмоциональную распушенность и душевную чёрствость, гипертрофированное себялюбие и человеконенавистничество, культ плоти и причинение ущерба собственному телу, гиперактивность и беспомощность, повышенную требовательность к другим и личную безответственность, непрерывную болтовню и словесный ступор. Деградационные идеи и смыслы, внедряемые популярными блогерами, затрагивают все уровни жизнедеятельности подростков: от отношения к своей стране, её истории и культуре, институту семьи, образу собственного будущего до квазикультуры повседневности (включая привычки, сферу быта, отдыха и развлечений), межличностных отношений, сферы мышления и речевого поведения.

Для предотвращения дальнейшего разложения подрастающего поколения, по мысли авторов статьи, необходимо ввести общественно-государственный контроль над молодёжным сегментом интернета, внедрить в школьную практику программы медиапросвещения учителей, подростков и их родителей, разработать курсы медиаобучения блогеров с последующей выдачей сертификатов, предоставляющих право на работу в интернет-пространстве с подростковой аудиторией. Кроме этого, назрела острая необходимость навести порядок в сферах киноиндустрии и шоу-бизнеса, чью тлетворную продукцию усиленно скормливают подросткам молодёжные блогеры. Эти сферы должны стать предметом отдельного системного исследования. Авторы статьи приглашают учёных, неравнодушных к судьбе подрастающего поколения, принять участие в научных дискуссиях и совместных исследованиях.

Сноски и список литературы

1. Макутина М. Большинство популярных блогеров проигнорировало Совет блогеров в Госдуме. URL: <http://www.rbc.ru/politics/19/06/2017/5947e6469a794764344b7a27> (дата обращения: 30.07.2017); Бекбулатова Т. «Мы вам помогаем, вы нам помогаете». В Госдуме прошел совет блогеров. Обсуждали, как часто надо делать селфи. URL: <https://meduza.io/feature/2017/06/19/my-vam-pomogaete-vy-nam-pomogaete> (дата обращения: 30.07.2017).
2. См. видеоролик, набравший более 3 млн просмотров: Блогеры убивают детей? / Топ-5 вредных каналов на You Tube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3SZTobTWUtA> (дата обращения: 30.07.2017).
3. Паша Бумчик. VLOG ● ПАРК АТТРАКЦИОНОВ В ПЕКИНЕ | Happy Valley. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=usSjPgWvEhU> (дата обращения: 30.07.2017).
4. См. видеозапись заседания Совета блогеров. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rI-mU-agir8> (дата обра-

ния: 30.07.2017).

5. СОВЕТ БЛОГЕРОВ В ГОСДУМЕ — Х***Я. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TtitiUN6bRQ> (дата обращения: 30.07.2017).

6. См. документальный фильм И. Осиповой «Детки». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=RBXWJYuGV9g> (дата обращения: 01.08.2017).

7. См. пресс-релиз компании Гугл. URL: http://googlepress.blogspot.ru/2006/10/google-to-acquire-youtube-for-165_09.html (дата обращения: 01.08.2017).

8. См. видеолекции, научные статьи и интервью А. Фурсова. URL: <http://andreyfursov.ru/> (дата обращения: 01.08.2017).

9. URL: <https://www.youtube.com/user/MyTop10Videos/videos> (дата обращения: 01.08.2017); URL: https://www.youtube.com/user/MyTop10Videos/playlist?list=PLirAqAtl_h2r5g8xGajEwdXdx3x5Zh8hC (дата обращения: 01.08.2017).

10. URL: <https://www.youtube.com/user/MyTop10Videos/videos> (дата обращения: 01.08.2017); URL: <https://www.youtube.com/user/MyTop10Videos/playlist> (дата обращения: 01.08.2017).

11. См.: Деев Г. Проклятие больших чисел. О видеоблогинге как манипуляции сознанием / Чеснок. URL: <https://4esnok.by/zhizn/proklyatie-bolshix-chisel/> (дата обращения: 03.08.2017).

12. Блогеры против цензуры / Агенты Кремля на YouTube? [Война]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PWIDuapaaoG> (дата обращения: 03.08.2017).

13. См. рейтинговый сервис Whatstat.ru. URL: <http://whatstat.ru/channels/top100> (дата обращения: 03.08.2017); Сколько получают видеоблогеры на ютубе. URL: <http://yakonkurent.com/skolko-poluchayut-videoblogeryi-na-yutube/> (дата обращения: 03.08.2017); Какой доход у блогера в России. URL: <http://zarplatyinfo.ru/commercheskie/kakoj-doxod-u-bloggera-v-rossii.html> (дата обращения: 03.08.2017).

14. См.: Деев Г. Проклятие больших чисел. О видеоблогинге как манипуляции сознанием / Чеснок. URL: <https://4esnok.by/zhizn/proklyatie-bolshix-chisel/> (дата обращения: 03.08.2017); а также материалы сайта «Научи хорошему». URL: <https://whatisgood.ru/> (дата обращения: 28.08.2017).

15. См.: Распределение населения по возрастным группам / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 05.08.2017).

16. Блогер недели: интервью Tatler с Сашей Спилберг. URL: http://m.tatler.ru/nashi_lyudi/420116_blogger_nedeli_intervyu_tatler_s_sashey_spilberg.php (дата обращения: 05.08.2017).

17. См. там же. URL: http://m.tatler.ru/nashi_lyudi/420116_blogger_nedeli_intervyu_tatler_s_sashey_spilberg.php (дата обращения: 05.08.2017).

18. См. стенограмму выступления директора Курчатовского института М. Ковальчука в Совете Федерации. URL: <http://trv-science.ru/2015/10/08/vystuplenie-mikhaila-kovalchuka-v-sf/> (дата обращения: 06.08.2017).

19. См., например, тезисы лекции Г. Грефа: Герман Греф в БФУ им. И. Канта: «Вы не сможете делать бизнес, не обладая цифровой платформой». URL: <https://www.kantiana.ru/news/142/21189/> (дата обращения: 06.08.2017); а также видеозаписи выступлений на разных площадках. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=60с42Y5NndI> (дата обращения: 06.08.2017); URL: <https://www.youtube.com/watch?v=KKBaey79LYQ> (дата обращения: 06.08.2017).

20. См. полный текст интервью на сайте «Твой Бро». URL: https://www.tvoybro.com/exclusive/59882859153000000_

vidieobloghier-liza-brik-o-tom-pochiemu-traditsionnoie-obrazovaniie-polnyi-oblom (дата обращения: 07.08.2017).

21. См. полностью текст песни и видеоклип «Гимн Школоты»: URL: http://xn--e1aajgqkncdd3h.xn--p1ai/stihi/kate-clapp_gimn-shkoloti (дата обращения: 07.08.2017); URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N7ryRIhoNWQ> (дата обращения: 07.08.2017).

22. См. отзыв с сайта Школы России. URL: <https://schoolotzyv.ru/schools/5-moskva/25-srednie/1422-shkola-1122> (дата обращения: 08.08.2017).

23. См. там же. URL: <https://schoolotzyv.ru/schools/5-moskva/25-srednie/1422-shkola-1122?start=20> (дата обращения: 08.08.2017).

24. В скобках приведены словосочетания из песен Кати Клэп «Гимн Школоты» и Ивангая «Делай по-своему». URL: http://xn--e1aajgqkncdd3h.xn--p1ai/stihi/eeoneguuy-ivangaj_delaj-po-svoemu-delajposvoemu (дата обращения: 09.08.2017).

25. См., например: Марш за свободу интернета закончился задержаниями. URL: <https://www.ixtc.org/2017/07/marsh-zasvobodu-interneta-zakonchilsya-zaderzhaniyam/> (дата обращения: 09.08.2017).

26. URL: <https://whatisgood.ru/raznoe/internet/skryitaya-tsenzura-ot-google/> (дата обращения: 17.08.2017).

27. См.: Я слежу за тобой!!!! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nGACK2laNDA> (дата обращения: 11.08.2017).

28. Катя Клэп 4 года назад публиковалась под псевдонимом FoggyDisaster. См.: Всё что нужно на Днюху — это ЖОПАСТУЮ ШЛЮХУ!!!! URL:

<https://www.youtube.com/watch?v=Om915wtTLOY> (дата обращения: 16.08.2017).

29. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HQwiv-mjQZw> (дата обращения: 16.08.2017).

30. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ecjfhMOyoBo> (дата обращения: 16.08.2017).

31. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gluhsyCRS0s> (дата обращения: 18.08.2017).

32. URL: <https://whatisgood.ru/> (дата обращения: 18.08.2017).

33. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Se7FoFYffw> (дата обращения: 18.08.2017).

34. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6WqXETSA7yo> (дата обращения: 18.08.2017).

35. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wZSHRjXMNFA> (дата обращения: 18.08.2017).

36. URL: <https://www.youtube.com/watch?gl=SN&hl=fr&v=-1dY1sMEHHQ> (дата обращения: 19.08.2017).

37. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IZS5j-omSWc> (дата обращения: 20.08.2017).

38. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Om915wtTLOY> (дата обращения: 16.08.2017).

39. См. многочисленные статьи, брошюры и видеобзоры авторов проекта «Научи хорошему». URL: <https://whatisgood.ru/> (дата обращения: 24.08.2017).

40. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=M8RVONT4CSA> (дата обращения: 24.08.2017).

41. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=orSjIRZfXzk> (дата обращения: 24.08.2017).

42. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SDhWoDLnuAo> (дата обращения: 24.08.2017).

43. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=orSjIRZfXzk> (дата обращения: 24.08.2017).

44. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=R43viGrbRv4> (дата обращения: 25.08.2017).

45. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IZS5l-omSWc> (дата обращения: 25.08.2017).
46. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6UDgeu6aeUo> (дата обращения: 25.08.2017).
47. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cKocoMScaDE> (дата обращения: 25.08.2017).
48. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=M8RVoNT4CSA> (дата обращения: 24.08.2017).
49. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=R-lbrXhgiUk> (дата обращения: 25.08.2017).
50. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mTmx3x348iM> (дата обращения: 25.08.2017).
51. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jbydEjTrURc> (дата обращения: 25.08.2017).
52. URL: https://www.youtube.com/watch?v=MxxM_IBq4Ko (дата обращения: 26.08.2017).
53. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nGACK2laNDA> (дата обращения: 26.08.2017).
54. См. все видео на сайте Ивангая. URL: <https://www.youtube.com/user/EeOneGuy> (дата обращения: 26.08.2017).
55. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rDDgobEwbbQ> (дата обращения: 26.08.2017).
56. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jbydEjTrURc> (дата обращения: 25.08.2017).
57. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=M8RVoNT4CSA> (дата обращения: 24.08.2017).



Иван Астафуров

Трансформация коммуникационных процессов и региональная информационная политика

Коммуникативное пространство современного человека представляет широко разрознённую сеть, которая базируется на максимальном упрощении и скорости доступа к информации. В условиях информационного общества это является важнейшим фактором эффективного развития. Лавинообразный поток информации в условиях простоты доступа к ней создаёт необходимость защиты своих интересов государством и обществом, а также обеспечение информационно-психологической безопасности личности в постоянно меняющихся условиях. В книге «Четыре теории прессы» отмечается: «Пресса всегда принимает форму и окраску тех социальных и политических структур, в рамках которых она функционирует» [3, с. 16]. Соответственно, первоочередная задача государства, тем более такого, которое является владельцем СМИ, — своевременная реакция на текущие изменения коммуникационного пространства. Особенно это важно в рамках регионального аспекта.

Канадский исследователь Г. М. Маклюэн в своей работе «Понимание медиа: внешние расширения человека» выделяет горячие и холодные средства коммуникации [1, с. 16-19]. По мнению исследователя, к горячим относятся средства, которые расширяют одно-единственное чувство до степени «высокой определенности» — состояния наполненности данными. Такие средства характеризуются низкой степенью участия аудитории (фотография, радио, телевидение, лекция, книга и т. п.). К холодным относятся средства с низкой определенностью — получателю передается очень мало, и очень многое ему приходится додумывать самому, средства характеризуются высокой степенью участия аудитории или достраиванием ею недостающего (комикс, речь, телефон, семинар, диалог и т. п.). Исследователь отмечает, что горячее средство коммуникации, например радио, оказывает на пользователя совершенно иное воздействие, нежели холодное средство, например телефон, а управляя воздействием можно программировать культуру. Это возможно благодаря процессу разрушения по-

рядка, являющегося результатом нового распределения навыков, который сопровождается значительным культурным отставанием людей.

Интернет-технологии привели к тому, что границы между холодными и горячими средствами коммуникации стираются. Современное потребление информации базируется на кроссплатформенности и сторителлинге. Личная и общественная жизнь человека давно превратилась в информационные процессы. Интернет позволяет централизовать коммуникации, но при этом создает условия для децентрализации и организации групп общения, которые разделяет физическое расстояние, но объединяют общие интересы независимо от их размера. При этом традиционные СМИ не исчезают, а занимают свою нишу.

В 2017 г. в России происходят события, которые, на наш взгляд, говорят о серьезных изменениях медиапространства.

На Первом канале выпуск ток-шоу «Пусть говорят» от 31.01.2017, посвященный делу об изнасиловании Дианы Шурыгиной, получает вирусный эффект в Интернете и менее чем за неделю набирает 9 млн просмотров на видеохостинге YouTube, а на 30.09.2017 имеет уже более 17,6 млн просмотров [11]. Поведение Дианы в телеэфире породило ряд интернет-мемов, пародий и другой разнообразной реакции интернет-пользователей. «Дело Шурыгиной» стало информационным поводом для большинства традиционных СМИ, в частности на Первом канале вышло ещё 3 выпуска ток-шоу, посвященных данной теме. Диана Шурыгина обзавелась собственным каналом на видеохостинге YouTube, где на неё подписалось почти полмиллиона человек, а одно из выпущенных видео набрало около 5,5 млн просмотров. Официальный аккаунт девушки в социальной сети Instagram обзавелся почти полумиллионной аудиторией [10]. На наш взгляд, это наглядный пример кроссплатформенной массовой коммуникации, когда впервые в масштабах всей страны традиционные СМИ и интернет-сообщество были объединены одним информационным поводом и реагировали на публикации друг друга.

В апреле 2017 г. на видеохостинге YouTube, создан канал «Вдуть», где главный редактор издания Sports.ru и бывший ведущий телеканала «Россия

Об авторе: Астафуров Иван, аспирант Воронежского государственного университета.

2» Юрий Дуть и его команда берут интервью у медийных личностей России. Формат интервью соответствует телевизионному, но с допущением использования бранных слов. Одним из основных элементов монетизации является традиционная для телевизионного вещания рекламная вставка, которая не характерна для YouTube, предполагающего рекламные встраивания, что, в свою очередь, не соответствует выбранному формату канала. Интервью распространяются только в сети Интернет и имеют периодичность. Самый популярный ролик на 30.09.17 имеет почти 6 млн просмотров, а наименее популярный — 1,7 млн [11]. 26.09.17 на канале вышел полноценный документальный фильм про Сергея Бодрова, который набрал более 3 млн просмотров за 4 дня [11]. Данный пример показателен тем, что формат контента и монетизация характерны для традиционных СМИ, но транслируются с помощью другого коммуникационного средства и в таком масштабе. На российском медиарынке это происходит впервые.

В мае 2017 г. российская транснациональная компания, владеющая одноимённой системой поиска в Интернете «Яндекс», официально объявила о запуске платформы для публикации авторского контента. Любой желающий может размещать свои тексты, а в ближайшем будущем и видеоролики [4]. Создатели ставят во главу угла качество контента. Читатели видят публикации в соответствии с индивидуальными предпочтениями, указанными в персональных настройках аккаунта, а контент отбирается искусственным интеллектом. Автором контента может быть как частное лицо, так и издательства. Алгоритм базируется на популярности материала согласно персональным интересам читателя. В сервисе предлагается новый формат подачи материалов — «Нарратив» для смартфонов, где публикация состоит не из абзацев и строк, а из экранов с изображениями и небольшим количеством текста. В дальнейшем планируется создание отдельного раздела с материалами авторов, набирающих популярность. Для поддержки авторов компания создала специальный фонд на текущий год в размере 1 млн долларов. В течение 30 дней формируется топ авторов по количеству просмотров и другим факторам, которые получают возможность оставить заявку на спонсорство из фонда. Аудитория сервиса составляет 7 млн читателей. Авторы, которые набирают больше 10 тыс. просмотров, получают заработок на рекламе. По итогам июня 2017 г. средний заработок авторов составил 40 тыс. рублей [5]. На наш взгляд, данный пример говорит о запуске новой платформы распространения контента, основанной на современных коммуникационных тенденциях.

В августе 2017 г. состоялось состязание Мирона Федорова (псевдоним Oxxxymiron) с Вячеславом Машновым (псевдонимы: Гнойный, Слава КПСС и др.) в жанре рэп, суть которого состоит в унижении оппонента при помощи специального рифмосложения. Издание lenta.ru, сообщало, что видеоролик состязания стал самым просматрива-

емым среди аналогичных мировых: количество просмотров видеохостинга YouTube за сутки превысило 7,7 млн [7]. На 30.09.2017 количество просмотров видеоролика составило более 24,3 млн [11].

Популярность видеоролика породила множество комментариев в социальных сетях и интернет-мемов. Событие освещали крупнейшие традиционные СМИ России и СНГ. СМИ, опубликовавшие видеоролик состязания, в своих материалах получили предписание от Роскомнадзора оплатить штраф в размере 50 тыс. рублей, так как в видеоролике содержалась нецензурная брань [9]. Такими СМИ оказались «РИА Новости», «Московский комсомолец», «Аргументы и факты», «Дождь», Maxim, Republic. 26 СМИ, разместившие ссылки на видеоролик, получили профилактические письма. Событие осветили такие западные издания, как The Times, The Huffington Post, «Радио «Свобода»» [6].

По информационному поводу высказались многие медийные личности России, а Первый канал выпустил девятиминутный сюжет в программе «Воскресное Время» спустя месяц после публикации самого видеоролика, так как это был первый выпуск после летнего перерыва.

Видеоролик состязания был не первым. На канале площадки, которая проводила состязание, первый видеоролик подобного состязания с другими участниками был опубликован 01.09.13. Подписчики канала составляют более 3,6 млн, а суммарное количество просмотров всех видеороликов — 441 886 102 [11]. Пример примечателен тем, что это первое информационное событие, которое существовало сугубо в интернет-пространстве, а затем попало в традиционные СМИ. В результате было охвачено практически всё информационное пространство России, отклик был и за границей.

Если в случае с «Делом Шурыгиной» информационный повод начал свое движение в традиционном СМИ и нашёл отклик в интернет-пространстве, то в данном примере информационный повод родился в интернет-пространстве, в формате свойственном только ему. При этом охват достиг значительно больших масштабов по сравнению с «Делом Шурыгиной». Указанное, на наш взгляд, ещё раз подтверждает кроссплатформенность современного медиапотребления, которое построено на сторителлинге.

Последним событием 2017 г. из указанного ряда, по нашему мнению, является продажа канала в мессенджере Telegram «Бывшая» за 1,2 млн рублей спустя два месяца после его запуска. Канал «Бывшая» основан стендап-комиком Артуром Чапаряном. На канале рассылаются выдуманные стереотипные сообщения от лица абстрактных бывших девушек. За первые две недели существования канала число подписчиков увеличилось до 35 тыс., а на 30.09.17 их количество превышало 90 тыс. [5]. Рекламное размещение на канале стоит от 50 тыс. рублей за пять дней и 75 тыс. за полтора месяца [5]. Это первый случай для российского медиарынка, когда канал в мессенджере был продан как СМИ.

Обозначенные изменения характеризуют трансформацию коммуникационных процессов современности. По мнению исследователей Р. М. Юсупова, В. П. Заболотского, В. Б. Наумов, А. А. Демидова, «в сложных современных условиях информационная политика во многом способствует формированию и развитию новой системы информационно-психологических отношений, позволяющих современному обществу реализовать очередной этап своего развития, обеспечивает защиту интересов и информационно-психологическую безопасность личности, общества и государства в этих кардинально изменяющихся условиях» [2]. Стратегическим направлением и одной из решаемых задач региональной информационной политики исследователи называют формирование единого информационного пространства региона и его интеграцию в мировое информационное пространство. На наш взгляд, указанное воздействие региональной информационной политики и решение ею названных задач не представляется возможным без изучения трансформации современных коммуникационных тенденций и прогнозирования на этом основании будущих. Что, в свою очередь, должно отражаться в формировании региональной информационной политики.

г. Воронеж

Литература

1. Маклюэн Г. М. Понимание медиа : внешние расширения человека / Г. М. Маклюэн. — Москва : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. — 464 с.
2. Юсупов Р. М. О концептуальных основах региональной информационной политики / Р. М. Юсупов, В. П. Заболотский, В. Б. Наумов, А. А. Демидова // Информационные ресурсы России. — 2007. — № 5. — С. 42–50.
3. Сиберт Ф. Четыре теории прессы / Ф. Сиберт, У. Шрамм, Т. Питерсон. — Москва : Национальный институт прессы, ВАГРИ-УС, 1998. — 223 с.
4. Березина Н. Медиа-директор «Яндекс.Дзен» Даниил Трабун — о том, как сервис намерен конкурировать с медиа и чем он похож на Netflix / Н. Березина // Inc. : сетевой журн. — 2017. — URL: <https://incussia.ru/understand/media-direktor-yandeks-dzen-daniil-trabun-o-tom-kak-servis-nameren-konkurirovat-s-media-i-chem-on-po/> (дата обращения: 30.09.2017).
5. Хабибрахимов А. Стендап-комик Артур Чапарян продал Telegram-канал «Бывшая» за 1,2 млн рублей / А. Хабибрахимов // Цукерберг позвонит : сетевой журн. — 2017. — URL: <https://vc.ru/26151-ex-girlfriend-sell> (дата обращения: 30.09.2017).
6. Рэп-баттл между Оксимирионом и Гнойным. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Рэп-баттл_между_Оксимирионом_и_Гнойным#cite_note-7 (дата обращения: 30.09.2017).
7. Рэп-баттл Оксимириона и Гнойного побил мировой рекорд по просмотрам за сутки. — URL: <https://lenta.ru/news/2017/08/14/vmire/> (дата обращения: 30.09.2017).
8. Средний доход канала в «Яндекс.Дзен» за июнь составил 40 тысяч рублей. — URL: <https://incussia.ru/news/dohod-avtorov-kanalov-v-yandeks-dzen-za-iyun-sostavil-40-tysyach-rublej> (дата обращения: 30.09.2017).
9. Шесть сетевых СМИ будут оштрафованы за использование видео рэп-баттла с нецензурной бранью. — URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news49034.htm> (дата обращения: 30.09.2017).
10. www.instagram.com.
11. www.youtube.com.



Сергей Страшнов Гипербола в современной журналистике

Аннотация: элементарная лексическая фигура речи исследуется в традициях исторической поэтики как частность, позволяющая увидеть существенные тенденции. В данном случае — тенденции развития массмедиа последнего времени.

Ключевые слова: поэтика, гипербола, публицистика, информационная и аналитическая журналистика.

Разрабатывая учение об исторической поэтике, основоположник этого направления в отечественном литературоведении А. Н. Веселовский изучал не только такие объемные явления, как роды словесности, язык поэзии и прозы или соотношение мотивов и сюжетов, — отдельные главы он посвятил весьма скромным вроде бы художественным средствам: параллелизму и эпитету. И именно потому, что видел за ними нечто гораздо большее: «Если я скажу, что история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании, то это не будет преувеличением» [2, с. 59]. При этом явно открывались метонимические (даже синекдохические) смысл и цель филологической поэтики: опираясь на частное, проникать в целое.

Пытаясь приобщиться к коллективным усилиям по построению поэтики медийной, рискуем позаимствовать авторитетные подходы и рассмотреть в обозначенном ракурсе, по примеру академика, одну из наиболее непритязательных лексических фигур речи — гиперболу. Попробуем, иными словами, через нее, ее конкретные очертания в сегодняшней практике осмыслить некоторые отнюдь не периферийные процессы, происходящие в средствах массовой информации. Не претендуя, впрочем, на установление эволюции, то есть на широкое осуществление чрезвычайно важного для Веселовского принципа историзма.

Гипербола, бесспорно, весьма простое для понимания выразительное средство. Любому пятикласснику, затрудняющемуся определить суть метафоры или объяснить устройство бессоюзного сравнения, известно, что слово «гипербола» означает преувеличение. Да и в научно-энциклопедическом истолковании семантика термина тоже достаточно прозрачна: «Гиперболизация — это приписывание явлению к.-л. признака (или не-

скольких) в такой мере, в какой он им реально не обладает» [3, с. 185].

Интересна эмоциональная подоплека понятия. А. А. Потебня, глава психологической школы в русском литературоведении, — видимо, в полном согласии как раз с собственным исследовательским профилем — утверждал: «Гипербола есть результат как бы некоторого опьянения чувством, мешающего видеть вещи в их настоящих размерах. Поэтому она редко, лишь в исключительных случаях, встречается у людей трезвой и спокойной наблюдательности» [5, с. 254]. Но ведь журналисты — по определению — и должны относиться к последней категории. Мы ждем от них и получаем обычно объективную информацию и взвешенные суждения. А отступлением от правил законно пользуется только публицистика, причем опять-таки далеко не вся: скажем, очеркисты, несомненно, люди именно «трезвой и спокойной наблюдательности».

Гиперболизация — примета публицистики пламенной: пропагандистской и сатирической. Пылко увлеченный, бурно негодующий автор вольно, но и невольно будет преувеличивать: не только у страха — у страсти и гнева глаза тоже велики. Один из возможных пафосных примеров дает нам газета «Завтра»: «Теперь весь мир представляет собой “живую очередь” за мировыми ресурсами, в которой не терпят слабых, и, если ты не обладаешь образованным населением, спянной экономикой, сплоченной элитой и мощной армией, — тебя просто затрут и затопчут в этой толпе матёрых мировых хищников, шакалов и тварей размером поменьше. Конечная остановка этого процесса там же — в “гнезде параноика”, в мире победившей антиутопии».

Применять гиперболы — неотъемлемое право и привычное дело агитатора, воздающего и хвалу, и хулу. Что же касается собственно сатиры, в том числе медийной, то она просто немыслима без смещений в предмете изображения, выведения его из реальных параметров — и прежде всего тех, которые придаются ему обыденным сознанием. Публицист-сатирик считает своим долгом подчеркнуть, что опасность какого-то деятеля или факта не допускает недооценки, поэтому — даже в полемических целях — производится гиперболизация.

Происходит это в нескольких формах, и прежде всего в особенно убийственной — гротескной. Сущность последней Ю. Боров трактует именно как «интенсивное комедийное преувеличение и заострение, придающее образу фантастический харак-

Об авторе: Страшнов Сергей Леонидович, доктор филологических наук, профессор Ивановского государственного университета.

тер и условность, нарушающее границы правдоподобия» [1, с. 223]. Такое превращение наблюдается везде — от интернет-пространства: «Гомеопатия — ещё один метод раз и навсегда вылечить население всего земного шара путём разведения веществ и лохов» (онлайн-проект «Луркоморье») — до региональных изданий: «Люди три раза успеют замерзнуть и три раза умереть с голода» («Ивановская газета»).

Не менее значима роль гипербол в построении пародий. Боров полагает, что и пародирование тоже «комедийное преувеличение», только на сей раз — «в подражании» [1, с. 218]. Да к тому же и вышучивается сатириками по преимуществу патетика. Гипертрофированно высокий штиль очень часто пародически использует в своих стихотворных фельетонах, публикуемых «Новой газетой» и «Собеседником», Д. Быков. А вот как иронически, если не саркастически интерпретирует одно из многочисленных выступлений А. Проханова Ю. Богомолов: «Начинается оно грозно, по-бетховенски: Па-па-па-па... “В политике все слышнее свист пуль...” Долее пиано: “Он был человеком открытым, честным...” Затем главное повествование с переходом на характерное для автора “Господина Гексогена” бряцание метафорическими образами...» Тем самым автор колонки в «Известиях» выявляет ту, по его словам, «риторическую выгоду», которую пытается извлечь его противник.

А. Минкин из «Московского комсомольца» действует как будто бы прямо противоположно — он утрированно минимизирует: «И оба вы — слегка малость слишком недосверхконкретны». Но ведь литота — оборотная сторона гиперболы, также основанная на изменении настоящих размеров.

Впрочем, всё, с чем мы сталкиваемся в памфлетах и манифестах сейчас, присутствовало всегда, — по крайней мере, с античности, то есть задолго до возникновения СМИ как таковых. Объяняется подобное родством публицистики с искусством и тем, что гипербола — наиболее очевидное, элементарное проявление неизбежной условности последнего. Гораздо удивительнее, когда преувеличения проникают в журналистику информационную и аналитическую, преобразуя (если не искажая) их исконную природу.

Разумеется, в новостях преобладают гиперболы косвенные, затушеванные. В частности, в федеральных и особенно местных телевизионных выпусках то и дело звучит «уже», которое, в отличие от пресловутого «как бы», нельзя в основном отнести в разряд лексических курьезов или мусора. В качестве усилительной частицы оно все чаще сопровождает констатацию фактов (вместо «Завоевал в третий раз» или «В эфире появится завтра» мы слышим соответственно: «Завоевал уже в третий раз», «В эфире появится уже завтра»). Тем не менее иногда и такое словечко способно, подобно сочетанию-конкуренту («Мы как бы остались вместе с другими», «Это как бы модный тренд»), создавать нелепицы, а они по инерции возникают даже на Первом канале: «Школьники, которые уже 1 сен-

тября сядут за парты». Неужели следует подчеркивать, что многие другие сделают это гораздо позднее? И все же не станем пока слишком придирчиво доказывать, что и такие экспрессивные плеоназмы существенно извращают информацию, — куда менее безобидно другое.

В словарях можно найти объяснение, что наречие «уже» «указывает на окончательное совершение, наступление какого-л. действия, состояния» [6, с. 473; см. также: 4, с. 815]. А как это слово выглядит в медийной повседневности? «Губернатор пообещал, что новая школа будет построена уже через два года». Взамен удостоверения произошедшего в прошлом («Школа уже построена») результат перемещается в отдаленное будущее, но с оттенком реально наступившего — скромное теснится хвастливым, желаемое уверенно выдается за действительное. У похвалы и лести — что вполне понятно — глаза не менее велики. И для их выражения совсем не обязательны превосходные степени — достаточно однонаправленного, лишённого не то что критики — оговорки, тона, который сам по себе оказывается преувеличенным не только в некрологах и предвыборных листовках. Что же касается нашего и аналогичных ему случаев, то подобные «уже», привязанные, как правило, к срокам, гиперболизируют их саморазоблачительно, вызывая скорее всего комический эффект.

Еще древние говорили, что «всякая гипербола есть выражение невозможного» [цит. по: 3, с. 185], да и Потебня решительно видел в употреблении этой речевой фигуры примеры «отсутствия объективности слога» [5, с. 270], справедливо считая, что если пьянящее «чувство не может увлечь слушателя, то гипербола становится обыкновенным враньем» [5, с. 254]. Однако приходится полагать, что хотя бы часть сегодняшней публики не воспринимает информационные гиперболы в качестве плохо скрытого пиара. С одной стороны, не так далеко ушло время советской журналистики «наших достижений», когда для редакционных работников допускалась возможность быть тенденциозными даже в трехстрочной информационной заметке [см. об этом: 7, с. 63]. А с другой стороны, эта незабвенная традиция теперь подкреплена крикливой рыночной привычкой всё подавать в виде шоутизированного — как сенсацию, будоража тем самым аудиторию. Накладываясь друг на друга, две тенденции не могут не вызывать тяги к безграничным преувеличениям в СМИ.

К примеру, в противовес коллегам-регистра-торам, комментаторы сильных слов не стесняются — скорее, ими злоупотребляют. Показательны спортивные передачи, ведущие которых превращаются в болельщиков даже тогда, когда рассказывают о нейтральных по отношению к населению страны соперниках или о достаточно тусклых поединках. Эпитеты «фантастический», «невероятный», «шокирующий», «потрясающий» за полтора-два часа извлекаются на свет десятки раз — причем по обыкновению там, где вербально и интонацион-

но сопровождается вполне заурядное. Видимо, задача заключается в том, чтобы создавать и поддерживать для зрителей интригу, что и производится самым нехитрым образом — латиноамериканской взгонкой эмоций, демонстрацией или симуляцией восторга/возмущения.

Да ладно бы только комментарии, хотя и это — безусловный подвид аналитики, — те же гиперболические высказывания обильно присутствуют в итоговых обзорах, явно мешая реализации исходной профессиональной установки — спокойно разобраться в случившемся. Причем подобное наблюдается не только в спортивной, но и в политической рубрике телеканалов и радиостанций. Может быть, потому, что и такие форматы неуклонно превращаются в шоу или назойливую рекламу?

Совсем вроде бы недавно, лет 15-20 назад, теоретики диагностировали процесс затухания публицистики в отечественных СМИ. Теперь — правда, отнюдь не в прямом своем, жанровом, выражении — ее присутствие ощутимо повсеместно, и оно не всегда уместно. В «сокращенном» (по А. Н. Веселовскому) виде это и доказывает, на наш взгляд,

пример функционирования в современных медиатекстах даже такого как будто бы незначительного средства, как гипербола.

г. Иваново

Литература

1. Боров Ю. Комическое, или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю. Боров. — Москва : Искусство, 1970.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Москва : Высшая школа, 1989.
3. Корольков В. И. Гипербола / В. И. Корольков // Краткая литературная энциклопедия. — Москва : Советская Энциклопедия. — 1964. — Т. 2. — Стб. 185-186.
4. Лопатин В. В. Толковый словарь современного русского языка / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. — Москва : Эксмо, 2011.
5. Потебня А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня. — Москва : Высшая школа, 1990.
6. Словарь русского языка : в 4 т. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Русский язык, 1984. — Т. 4. — 794 с.
7. Ученова В. В. Основные направления разработки теории публицистики : Уч.-методич. пособие / В. В. Ученова. — Москва : Изд-во Московского ун-та, 1978.

Влияние социальных сетей на вьетнамские СМИ

Развитие социальных сетей во Вьетнаме оказало значительное влияние на СМИ, изменив ландшафт информационного пространства страны. Исследователи утверждают: около 75% журналистов считают блоги полезными при проработке тем, они помогают делать публикации более многомерными и глубокими, 21% журналистов сами являются блогерами, 16% — читателями блогов. Более того, по данным Facebooker Y, содержание многих статей основано на информации, полученной из социальных сетей, сегодня в традиционной прессе нередко можно встретить ссылку на блогеров.

Социальные сети — это инструмент, помогающий расширить аудиторию, потому что интересная информация, опубликованная в СМИ, практически сразу же распространяется в сетях. Это учитывают в своей работе и информационные, и рекламные, и PR-агентства. Так на сайтах вьетнамских газет *VietNamnet*, *VnExpress*, *VietnamPlus* добавлены дополнительные инструменты (кнопки) для реакции читателей и для продвижения материалов на *Facebook*, *Twitter*, *Google+*. Редакции обращаются к соцсетям для мониторинга общественного мнения, анализа обратной связи с читателями и т. д. Некоторые электронные газеты создали *Fanpage* (страница для фанатов) для быстрых обменов с «токсическим» *gianhu*. В социальной сети создаются ассоциации и группы журналистов. Многие известные журналисты имеют большую сеть «друзей», «подписчиков», которые помогают им и издателям получать больше комментариев и лайков. Создаются электронные площадки для неформального общения, в том числе и по социальным вопросам. Таким образом, становится очевидным то, что в социальных сетях пресса ближе к общественности, есть больше возможностей для понимания и консультаций со стороны общественности.

Ограниченность официальной прессы заключается в том, что ее контент в той или иной степени контролируется, но «расширение содержания» как раз и происходит за счет возможностей социальных сетей с их анонимными комментариями, тегами, онлайн-форумами и т. п. К тому же со-

циальные сети способны генерировать огромный объем информации; широкополосное покрытие через интернет предоставляет также возможность отслеживать социальную активность в глобальном масштабе с помощью мобильных устройств. Новости, публикуемые в сетях, называют социальными новостями, достоинство которых заключается в «ненавязывании» и в том, что они могут касаться самых разных сфер жизни. Анонимность, с одной стороны, плоха, поскольку позволяет распространяться недостоверной информации, с другой хороша, поскольку появляется возможность рассказать о том, о чем часто — по разным, но прежде всего по юридическим причинам — умалчивается.

Вьетнамский медиаландшафт теперь признает тот факт, что он также связан с влиянием социальных сетей на традиционные газеты. Явление многих «электронных вторжений» в новостное производство порой гораздо более привлекательно, чем то, что предлагает официальная пресса. Возникают платформы (например, *Channel 14*, *24h.com.vn*), находящиеся на границе традиционных СМИ и социальных сетей. Они используют информацию из социальной сети и информацию из официальной прессы для создания своих собственных ценностей. К сожалению, «паразитических» средств массовой информации становится все больше и больше, что приводит к сокращению оригинальных новостей. Имитационная журналистика наносит вред качественной журналистике, поскольку «клоны» не придерживаются профессиональных стандартов (например, в настоящее время публикуется много полуправдивой информации), и в результате страдает репутация нашей профессии.

Корпоративные рекламные и PR-услуги всегда были важным источником традиционной прессы. Однако развитие интернета в целом и социальных сетей в частности привело к рекламным и PR-решениям в направлении «без прессы», что привело к быстрой реструктуризации рынка рекламы и PR.

Чан Ван Ле,
аспирант Воронежского государственного университета



Лев Кройчик

Литература и театр: повторение пройденного?

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме взаимодействия двух видов искусства — литературы (искусства слова) и театра (искусства зрелища). Основу этого взаимодействия составляют образные ресурсы звучащего слова, смысловая его интерпретация в ходе сценического представления.

Ключевые слова: театр, литература, драматургия, диалог, художественный образ, творчество, интерпретация, зрелище, автор, роль.

— I —

Начну с банальностей.

Что такое литература?

Искусство слова.

Что такое театр?

Искусство воспроизведения слова на сцене.

Театр и литература — основные тягловые силы эстетической организации пространства, расширяющие представление о мире любой аудитории, жаждущей познания.

Главная задача литературы и театра — непрерывный диалог с аудиторией во имя познания закономерностей бытия.

Слово — ядро воображения. Знак, рождающий мысль.

Слово — исходная точка формирования смысла.

Недаром в Евангелии от Иоанна сказано:

— В начале было Слово.

За словом последовало Дело.

Творчество, создавшее мир.

Началось самотворение личности.

А значит, — и постижение мира. В том числе — и сквозь магический кристалл искусства.

Сегодня мы имеем то, что имеем...

— II —

В современной афише воронежских театров очевиден интерес к классическому репертуару — Шекспир, Пушкин, Островский, Толстой, Чехов. Рядышком — Твардовский, Шукшин.

Все это работы последних лет.

«Гамлет», «Борис Годунов», «Каренин», «Дядя Ваня», «Вишневый сад», «Гроза», «Доходное место»,

«Василий Теркин», «Чудики».

Естественное соединение времен?

Повторение пройденного?

Борьба идей?

Пожалуй, и первое, и второе, и третье.

Тенденция очевидна — театр тяготеет к точно выраженной мысли, к образному слову, к диалогу с аудиторией, уставшей от «семейной» драматургии.

Мудрое, доброе, внятное слово стало редкостью. Вот и возвращаемся к истокам — к классике.

Повторение пройденного?

Не только...

Слово, звучащее со сценических подмостков, пробуждает мысль, зовет аудиторию к со-размышлению, к со-чувствию, со-страданию.

К со-творчеству зовет.

Побуждая аудиторию к осмыслению того, что происходит дома.

Соединение литературности и театральности повышает авторитет авторского высказывания.

Классика выглядит сбывшимся пророчеством.

Или — как вариант — открывает дорогу к такому пророчеству.

Хорошо высказанное слово — приглашение к задумчивости.

У классики обширный запас таких слов.

Понятно, что дело не только в хорошо звучащем со сцены слове, но важна и мысль, в эти слова вложенная.

Современная драматургия, опирающаяся на «событие» («экшен») проигрывает произведению, вовлекающему аудиторию в процесс «со-бытия».

Достоинство классики в ее извечности.

Что, естественно, не отвергает ее права на переосмысление давно известного.

Однажды сказанное неотменимо?

Но как быть с пылью веков, которая, как известно, ведет к забвению живого слова?

Как быть с негативным утверждением: слово классика — неотменимый канон?

Как быть с аудиторией, которая воспринимает слово классика как призыв к самостоятельной работе мысли?

Авторское слово не догма, а побуждение к действию. Побуждение к действию — не обязательно ролевой акт, не обязательно поступок.

Побуждение к действию — это и новое переживание, и призыв к поиску новых идей, и переосмысление происходящего.

Об авторе: Кройчик Лев Ефремович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы ВГУ.

Слово автора, закрепленное в тексте, подвергается обработке аудиторией: она извлекает из авторского высказывания свои смыслы, подчас даже противоречащие точке зрения самого автора. Но при этом авторитет авторского высказывания сохраняет свой статус.

В театре со словом происходят известные метаморфозы.

Во-первых, театр — постоянно возобновляемое действо. Степень обновления звучащего со сцены слова велика — тут действуют и психологические, и физиологические факторы.

Во-вторых, слово, звучащее со сцены, это всегда игровое слово — оно часть мизансцены, которая «нагружает» слово дополнительными оттенками.

В-третьих, слово персонажа включено в контекст зрелища, создаваемого творческим коллективом (режиссер, актер, сценограф, композитор, костюмер и пр.).

Автор — сочинитель текста перестает быть единым творцом высказывания. Театральное зрелище — всегда творческая интерпретация изначально сказанного слова, принадлежащего конкретному субъекту высказывания.

Собственно, с этого высказывания и начинается театр как организованное зрелище.

— III —

Классика бессмертна, но всегда велик соблазн перечитать ее заново.

Открыть дополнительные смыслы в уже известном.

Театральное прочтение известного произведения, как правило, сопровождается обновлением смыслов ранее сказанного автором.

Театр имеет право на собственную точку зрения.

Много лет назад известный режиссер Рольф Лундбакка предложил заманчивый термин *werktreue* — «верность» произведению.

Смысл термина понятен: нельзя исказить замысел автора, заложенный им в ему принадлежащий текст. Задача режиссера и всех, кто творит спектакль, выявить существенные особенности зрелища, создаваемого творческим коллективом.

Термин этот представляется безупречным. Но любое произведение искусства — лабиринт со множеством вариантов, дающих возможность аудитории узреть в произведении свой смысл.

Смысл, порожденный жизненным опытом аудитории.

Смысл, порожденный временем, в котором аудитория сегодня пребывает.

Смысл, которому отдает дань нынешний творец спектакля.

Время накладывает свой отпечаток на зрелище.

Речь идет не о том, чтобы подстроиться под актуальность сегодняшнего дня.

Речь идет о том, чтобы понять тенденции развития общества и отреагировать на эти тенденции.

Поддерживая их или отвергая.

Приятно шагать в ногу со временем. Заманчиво идти впереди его.

Но не менее важно видеть изъяны сегодняшнего дня и участвовать в их устранении.

Говорить об этом со сцены.

В эстетическом ширпотребе употребляется сегодня эlegantный термин — «актуализация зрелища».

То есть демонстративное осовременивание изображаемых событий.

Ну, скажем, перенос трагедии «Бориса Годунова» в наши дни.

А знаменитую сцену у фонтана «организовать» в плавательном бассейне.

Актуализация происходящего — не смена декораций и костюмов, а в том, как современно звучит слово автора, жившего давным-давно.

Может быть, пятьсот лет тому назад.

Шекспировские горы трупов не выглядят анахронизмом в наши дни не потому только, что людей убивают по всему земному шару, а потому прежде всего, что жизнь человеческая недорога сегодня так же, как и полтысячи лет тому назад.

Подлинное произведение искусства всегда современно.

Оно всегда рассказывает о том, что происходит с нами ежедневно.

За примерами далеко ходить не надо.

— IV —

Гамлетовская рефлексия многократно воспроизводилась мировой литературой.

Гамлеты блуждают из романа в роман, из повести в повесть.

Гамлет, Гарпагон, Дон Кихот, Дон Жуан — уже давно не характеры, а мысли.

Типы мировой культуры.

С этим свыклись и против их существования в мировой культуре не возражали.

Но Владимир Петров, художественный руководитель театра имени Алексея Кольцова, взбунтовался.

В его представлении датский принц Гамлет — не типичный носитель рефлексии, а юноша, решивший восстановить справедливость.

Режиссер поставил в Воронеже спектакль именно об этом.

В современной России слово «справедливость» затаскано безмерно.

Кричат о социальной справедливости, об экономической справедливости, о государственной справедливости, о справедливом распределении квот.

А на деле — воруют, грабят, убивают, лицемерят.

В общем, непотребно себя ведут.

Владимир Петров предъявил Воронежу другого Гамлета — симпатичного юношу (Евгений Чистяков), принявшего решение восстановить справедливость.

И — что самое важное — добившегося своей цели.

И — никаких колебаний.

Есть отцовское завещание — оно должно быть исполнено.

Никакого страдания — «Быть или не быть?»

Никаких сомнений в собственной правоте.

Зло не просто должно быть посрамлено — оно должно быть наказано.

По Владимиру Петрову — безжалостно истреблено.

Возразят: рефлексия — чувство не отрицательное. Человек должен уметь переживать — сомневаться, искать решения, задумываться, не поспешать.

Рефлексия — сложный психологический процесс познания человеком самого себя, своих духовных возможностей.

А право вершить суд только Господу Богу принадлежит:

— Мне отмщение и аз воздам.

Так в Евангелии записано.

С этих слов начинается в Камерном театре спектакль «Каренин» (Автор — Василий Сигарев, режиссер Руслан Маликов.)

Своеобразное прочтение романа «Анна Каренина».

Лев Николаевич Толстой по отношению к этому зрелищу — фигура периферийная. Как говорится в программе спектакля: «Пьеса предлагает совершенно другой взгляд на один из самых известных сюжетов русской литературы».

У Владимира Петрова свой взгляд на Гамлета, у Василия Сигарева свое представление о романе «Анна Каренина».

Представление, надо признать, приблизительное. Нет Левина, нет Облонского, нет Долли, нет Кити. И, что самое печальное — нет Алексея Вронского.

То есть, конечно, Алексей Вронский и Анна Каренина включены драматургом в число действующих лиц, но их присутствие носит формальный характер. Главное в пьесе — фигура Алексея Александровича Каренина.

О чем говорить с творцами спектакля «Каренин», если история Алексея Александровича — всего лишь один из сюжетов русской литературы.

— V —

Литературная классика опровергается современным театром?

Или — напротив — современный театр вовлекает в осмысление актуальных нравственных проблем классическую отечественную литературу.

Что есть произведение искусства?

Виртуальная картина мира, созданная воображением автора.

Эстетически организованная система, воспроизводящая закономерности человеческого бытия.

Бытие современного человека противоречиво.

С одной стороны, человек последовательно отстаивает пространство жизни, последовательно открывая его тайны, а с другой — человек все оче-

виднее понимает, что пространство жизни становится все более и более враждебно его нормальному существованию, становясь пространством злобы, агрессии, раздражения и отчаяния.

Хочется добра, любви, благополучия, взаимопонимания.

И не получается.

И тогда восстает Гамлет, бестрепетно стремящийся восстановить привычный порядок вещей.

Хрупкий юноша, мечтающий о счастье для всех.

Утопия?

Но если не верить в торжество справедливости, то как жить?

Камерный театр предложил свой ответ на это вечное вопрошание.

Михаил Бычков поставил пьесу Антона Павловича Чехова «Дядя Ваня».

Через всю пьесу рефреном проходит фраза:

— Дело надо делать, господа!

Об этом громогласно заявляет профессор Серебряков, двадцать пять лет рассуждающий об искусстве, ничего в нем не понимая.

И Иван Петрович Войничский говорит о работе.

И Соня, его племянница.

И приятель Войничского доктор Астров рассказывает о том, как он помогает местному лесничему спасти леса от крестьянского пожара.

Одна проблема: труд, о котором так много говорят обитатели имения, никому из них радости не приносит.

Да и само-то имение напоминает барак, в котором доживают свой век люди, изнуренные непосильным трудом.

Спектакль открывается песней, которую поет Соня. А поет Соня известную песню «Беловежская пуца» из репертуара некогда знаменитого ансамбля «Песняры».

Ассоциативный ряд очевиден.

Аллюзия понятна.

Жизнь бесперспективна, хотя Соня обещает:

— Мы еще увидим небо в алмазах.

А на календаре XXI век.

«Крымнаш!»

Урожай невиданный.

«Спартак — чемпион!»

«С каждым днем все радостнее жить!»

Театр приглашает аудиторию к созерцанию. Литература привлекает внимание к истолкованию мира.

Мир художественного произведения — пространство авторской фантазии.

Независимо от рода и жанра.

Независимо от уровня реальности, в нем отраженной.

Произведение искусства всегда сориентировано на диалог с аудиторией.

Как говорил герцог из фильма о бароне Мюнхгаузене:

— Присоединяйтесь, господин Мюнхгаузен! Присоединяйтесь!

Литературные мастер-классы Чехова

Авторитет Антона Чехова среди писателей-современников был велик. Многие начинающие, а впоследствии выдающиеся русские писатели нередко обращались к нему за профессиональным советом. Вспоминаем рекомендации Антона Чехова — о стиле и персонажах, композиции и сюжетах.

О СТИЛЕ И ЯЗЫКЕ

Антон Чехов, как известно, был ярым поборником простоты и краткости. Но за лаконичностью писателя стояла кропотливая работа. Как отмечал в своих лекциях Владимир Набоков, Чехову были чужды «оранжерейные прилагательные» и «мятно-сливочные эпитеты», он был художником с минимальным стилистическим инструментарием.

Эти же принципы писатель старался прививать и начинающим авторам. Впрочем, делал это Чехов всегда деликатно — да и то когда его об этом просили. Чаще всего советы носили форму дружеских рекомендаций или ироничных комментариев по поводу собственных литературных неудач. Так, Максиму Горькому, который просил указать на недостатки его рассказов, Антон Чехов ответил в письме: «Вы как зритель в театре, который выражает свои восторги так несдержанно, что мешает слушать себе и другим. Особенно эта несдержанность чувствуется в описаниях природы, которыми Вы прерываете диалоги; когда читаешь их, эти описания, то хочется, чтобы они были компактнее, короче, этак в 2–3 строки». Также Чехов порекомендовал Горькому избегать в описаниях природы антропоморфности в духе «море дышит, небо глядит, степь нежится, природа шепчет, говорит, грустит» — и добавил: «Красочность и выразительность в описаниях природы достигаются только простотой, такими простыми фразами, как «зашло солнце», «стало темно», «пошел дождь» и т. д.»

Иван Бунин вспоминал беседы с Чеховым на эту же тему: «Море смеялось, — продолжал Чехов, нервно покручивая шнурок от пенсне. — <...> Море не смеется, не плачет, оно шумит, плещется, сверкает... Посмотрите у Толстого: солнце всходит, солнце заходит... птички поют... Никто не рыдает и не смеется. А ведь это и есть самое главное — простота...»

Не понимал Чехов и чрезмерного пристрастия авторов к определениям. «Читая корректуру, вычеркивайте, где можно, определения существительных и глаголов, — советовал Чехов Горькому. — У Вас так много определений, что вниманию читателя трудно разобраться и оно утомляется. Понятно, когда я пишу: «человек сел на траву» <...> Наоборот, неудобопонятно и тяжело для мозгов, если я пишу: «высокий, узкогрудый, среднего роста человек с рыжей бородкой сел на зеленую, уже измятую пешеходами траву, сел бесшумно,

робко и пугливо оглядываясь».

Писателю Николаю Ежову Чехов рекомендовал воспитывать вкус к хорошему языку чтением: «Читайте побольше, Вам нужно поработать над своим языком, который грешит грубоватостью и вычурностью <...> Читайте больше серьезных книг, где язык строже и дисциплинированнее, чем в беллетристике».

У писательницы Лидии Авиловой Чехов замечал пренебрежение логикой: «Для чего это Вашей героине понадобилось ощупывать палкой прочность поверхности снега? И зачем прочность? Точно дело идет о сюртуке или мебели. (Нужно плотность, а не прочность.) И «поверхность снега» тоже неловкое выражение, как «поверхность муки» или «поверхность песку»...» Также писатель советовал избавляться от косноязычия: «Затем встречаются и такие штучки: «Никифор отделился от столба ворот» или «крикнул он и отделился от стены». Ей же, по поводу благозвучия фраз: «Надо выбрасывать лишнее, очищать фразу от «по мере того», «при помощи», надо заботиться об ее музыкальности и не допускать в одной фразе почти рядом «стала» и «перестала». Голубушка, ведь такие словечки, как «Безупречная», «На изломе», «В лабиринте», — ведь это одно оскорбление».

О КОМПОЗИЦИИ

Чехов считается одним из первых русских писателей, который по-настоящему реабилитировал жанр рассказа, ввел его в разряд «серьезной литературы». Он же довел его форму до эталона.

«По-моему, написав рассказ, следует вычеркивать его начало и конец. Тут мы, беллетристы, больше всего врем...»

Лидии Авиловой писатель предлагал избавляться от ненужных деталей и избегать затяжной экспозиции в рассказе «Ко дню ангела»: «Вы нагромодили целую гору подробностей, и эта гора заслонила солнце. Надо сделать или большую повесть, этак в листа четыре, или же маленький рассказ, начав с того момента, когда барина несут в дом». Ей же по поводу другого рассказа: «Во-первых, архитектура... Начинать надо прямо со слов: «Он дошел к окну»... и проч. Затем герой и Соня должны беседовать не в коридоре, а на Невском, и разговор их надо передавать с середины, дабы читатель думал, что они уже давно разговаривают». По поводу одного из ранних рассказов Бунина, Чехов отвечал автору: «Писал ли я Вам насчет «Сосен»? — это очень ново, очень свежо и очень хорошо, только слишком компактно, вроде сгущенного бульона».

Другая, характерная для Чехова, форма — повесть. Однако и он сам освоил этот жанр не без труда.

«...Тема хорошая, пишется весело, но, к несчастью, от непривычки писать длинно, от страха

написать лишнее я впадаю в крайность: каждая страница выходит компактной, как маленький рассказ, картины громоздятся, теснятся и, заслоняя друг друга, губят общее впечатление. В результате получается не картина, в которой все частности, как звезды на небе, слились в одно общее, а конспект, сухой перечень впечатлений»

(Антон Чехов, из письма Владимиру Короленко о своем первом большом произведении — повести «Степь»).

О ГЕРОЯХ

Немалая часть чеховских советов той же Лидии Авиловой касалась героев: «...оставьте Дуню, но утрите ей слезы и велите ей попудриться. Пусть это будет самостоятельная, живая и взрослая женщина, которой поверил бы читатель. Нынче, сударыня, плаксам не верят. Женщины-плаксы к тому же деспотки». Предостерегал Чехов молодую писательницу и от нарочитого стимулирования сочувствия: «Когда изображаете горемык и бесталанных и хотите разжалобить читателя, то старайтесь быть холоднее — это дает чужому горю как бы фон, на котором оно вырисовывается рельефнее. А то у Вас и герои плачут, и Вы вздыхаете. Да, будьте холодны».

Максиму Горькому Антон Чехов советовал уехать из провинции, потому что писателю нужно «больше видеть и больше знать». Он сравнивал воображение Горького с печкой, которой дают мало дров, что сказывалось и на персонажах: «Это чувствуется вообще, да и в отдельности в рассказах; в рассказе Вы даете две-три фигуры, но эти фигуры стоят особнячком, вне массы; видно, что фигуры сии живут в Вашем воображении, но только фигуры, масса же не схвачена».

«Например, героев своих, актеров [из повести «На покое»] Вы трактуете по старинке, как трактовались они уже лет сто всеми, писавшими о них; ничего нового. Во-вторых, в первой главе Вы заняты описанием наружностей — опять-таки по старинке, описанием, без которого можно обойтись. Пять определенно изображенных наружностей утомляют внимание и в конце концов теряют свою ценность»

(Антон Чехов, из письма Александру Куприну).

ОБ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ И СЮЖЕТАХ

Критики не раз отмечали «цинизм» Чехова, ставили ему в вину «безыдейность» и отсутствие так называемой авторской позиции.

«...Мне кажется, что не беллетристы должны решать такие вопросы, как Бог, пессимизм и т. п. Дело беллетриста изобразить только, кто, как и при каких обстоятельствах говорили и думали о Боге или пессимизме. Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они,

а только беспристрастным свидетелем. <...> Мое дело только в том, чтобы быть талантливым, то есть уметь отличить важные показания от неважных, уметь освещать фигуры и говорить их языком»

(Антон Чехов, из письма издателю Алексею Суворину).

По поводу тем и сюжетов Чехов следовал все тому же принципу — простоте. Писать, по мнению Чехова, можно о чем угодно, хоть о пепельнице: «Никаких сюжетов не нужно. В жизни нет сюжетов, в ней все перемешано — глубокое с мелким, великое с ничтожным, трагическое со смешным. Вы, господа, просто загипнотизированы и поработены рутиной и никак не можете с ней расстаться».

О ПИСАТЕЛЬСКОМ РЕМЕСЛЕ

Обязательным условием для того, чтобы стать профессиональным писателем, Антон Чехов считал не способности, а труд, «многописание». «Талант познается не только по качеству, но и по количеству им содеянного», — отмечал он в письме Петру Сергеенко. Об этом же — брату Александру: «Чтобы в беллетристике терпеть возможно меньше неудач или чтобы последние не так резко чувствовались, нужно побольше писать, по 100–200 рассказов в год. В этом секрет».

«Вы много пишете?» — спросил он меня однажды. Я ответил, что мало. «Напрасно, — почти угрюмо сказал он своим низким грудным баритоном. — Нужно, знаете, работать... Не покладая рук... всю жизнь»

(Иван Бунин о разговоре с Антоном Чеховым).

Кроме таланта, считал Чехов, писателю также необходимы «возмужалость», «чувство личной свободы» и жизненный опыт. По поводу последнего он писал Горькому: «Сколько Вам лет? <...> Мне кажется, что Вам, пока Вы еще молоды, следовало бы покинуть Нижний и года два-три пожить, так сказать, потеряться около литературы и литературных людей; это не для того, чтобы у нашего петуха поучиться и еще более наостриться, а чтобы окончательно, с головой влезть в литературу и полюбить ее; к тому же провинция рано старит». И ему же: «Вы человек молодой, сильный, выносливый, я бы на Вашем месте в Индию укатил, черт знает куда, я бы еще два факультета прошел». Сам Чехов много путешествовал — ездил по южным губерниям, в Крым, на Кавказ, на остров Сахалин, куда добирался 82 дня через Сибирь. Также он побывал на Дальнем Востоке, в Гонконге, Сингапуре, Константинополе

Олег Зиновьев

<http://lit-ra.info/articles/literaturnye-master-klassy-chekhova/>



Анатолий Ломов

Под сенью вчерашнего дня

Из записок старого профессора

КАТИНА СТЕНКА

Ну наконец-то наступили первые в моей студенческой жизни летние каникулы! Я мигом собрал свои пожитки, и вот уже поезд катит меня из Воронежа в Анну. А там десять километров до Мосоловки пешочком. Они показались мне пустяком, и вскоре я стоял перед домом моих стариков. Наскоро поел, ответил на все заданные мне вопросы, немного отдохнул, и — на Битюг. К вечерней зорьке. Подхожу к Казённому мосту, а навстречу мне маленькая собачка. Вроде такса, но скорее всего полукровка. Ухоженная. Я осмотрелся, поискал глазами хозяина.

— Она приبلудная. Целый день у моста ошивается, — сообщили мальчишки.

Мне не было никакого дела до приبلудных собак: я спешил на рыбалку. Но когда пошёл домой, обнаружил, что она идёт за мной. Хотел было разогнать её, но тут в моей голове словно что-то взорвалось, и перед глазами возникла яркая-преяркая картина.

...Эта бродячая собака была безобразна. Грязные, свалывшиеся клочья шерсти свисают с боков. Один глаз выбит. У неё косолапая походка. Видимо, плохо срослась перебитая когда-то нога. Людей сторонится. А от меня не отходит. Нет, она не ожидает подачки. Терпеливо лежит неподалёку и смотрит на меня. А когда я трогаюсь с места, трусит за мной. Она просто хочет быть рядом.

Ребята надо мной смеются. Бросают в неё чем ни попадя, но она не обращает на них внимания и снова повсюду, как тень, следует за мной. Наконец, побеждённый смешками приятелей, я поднимаю подвернувшийся камень и пуляю в неё. Слава Богу, не попал. Но она встаёт и уходит. Больше я её никогда не видел. Запомнил только прощальный

взгляд, обращённый ко мне. Так смотрят на предателя...

Поди ж ты, уж сколько лет прошло, но мне всё равно стало стыдно, и я решительно бросил таксе:

— Пойдём!

К моему удивлению, мать восприняла мою находку спокойно. Только и сказала:

— У нас ты будешь Катя!

И пошла покормить её. Вскоре Катя вполне освоилась на новом месте. Ко всем нам она относилась с робким почтением. Не покидала двор — видимо, боясь снова потеряться. И была какая-то печальная. А однажды, когда я сидел во дворе в тенёчке и читал, она забеспокоилась и стала царапать дворовую калитку, требуя выпустить её. Я выпустил, и Катя стремглав бросилась к незнакомому мужчине лет пятидесяти, стала прыгать вокруг него, взвизгивая от радости. Тот представился вышедшим из дома отцу с матерью:

— Иван Матвеевич. Из лесхоза. Спасибо, что приютили мою Дамку. Месяц искал её, и наконец мне сказали, что она у вас. И как же я рад!

Он вытащил из кармана местную валюту — бутылку водки. Мы устроились тут же, во дворе. Мать подала нам жареную картошку и рыбу — из моего утреннего улова. Выпили. Поговорили немного о собачке. Потом гость осмотрелся и сказал:

— Вижу, Михал Гаврилыч, у тебя полным ходом идёт строительство.

— Остановилась моя стройка, — невесело ответил отец. — Пол земляной. Избьяная дверь выходит прямо на улицу: сеней-то нет. А задняя стенка, из горбылей построена, до того тонкая, что прошлой зимой насквозь промёрзла. Пришлось дерюжками закрывать. Не помогло.

— И что же? — спросил Иван Матвеевич. — Не сразу Москва строилась. Управисься как-нибудь.

— Но как? Материалу нет, и денег нет. Есть только долги.

Иван Матвеевич покивал головой, а потом сказал:

— Думаю, что помогу я тебе. Приезжай-ка завтра на лошади ко мне в лесхоз, тут недалеко — километра три будет. Да прихвати с собой бутылки три водки. Мужики за это угощение наберут тебе воза три хорошего хвороста и десятка три жердей. На днях у нас было санитарное прореживание леса, всё равно вырубленное лежит без дела.

Об авторе: Ломов Анатолий Михайлович (род. в 1935 году) больше известен как профессор-лингвист, работающий в Воронежском государственном университете. Его книги «Очерки по русской аспектологии», «Типология русского предложения», «Русский синтаксис в алфавитном порядке», «Слово полку Игореве и вокруг него» были тепло встречены отечественными и зарубежными специалистами. В последнее время он обратился к литературному творчеству и издал несколько сборников мини-рассказов: «Такая печальная долгая жизнь», «Сельские были», «Тени прошлого». Наш журнал публикует новый цикл мини-рассказов автора.

— Да на что мне хворост, Иван Матвеевич? — недоумённо спросил отец.

— А вот на что. Сделаешь фундамент, укрепíš в нём жерди и сплетишь плетень, а отступя сантиметров так на сорок — другой, скрепишь их и насыплешь между ними земли, хорошенько её утрамбуешь. И вот тебе сени. Только не забудь отверстия оставить для окна и дверей.

— А не сгниёт плетень? — озабоченно спросил отец.

— А ты прежде чем землю сыпать, толем всё акуратненько внутри выложи. Да следи, чтобы влага на землю не попадала. Лучше твоё сооружение снаружи и внутри глиной обмазать.

Иван Матвеевич промолчал, потом добавил:

— А насчёт пола — мой тебе совет. Подзайми денег, поезжай в Денисовку к моему куму Запрягаеву, его там все знают. Он сломал избу и переезжает в Воронеж. Половые доски у него хорошие, хоть и были в употреблении. Сам видел. Отдаёт он их за бесценок. Спешит очень. Через год впятеро не купишь.

Отец мой воодушевился и развил бурную деятельность. Наутро он выпросил в правлении колхоза лошадь, мы за день совершили три ездки, привезли хворост и жерди. А на следующее утро поехали в Денисовку и оттуда возвратились с половыми досками.

Наступил август, и мы с отцом приступили к строительству. Сначала принялись за легкую работу — настилку полов. Стругать доски, подгонять их друг к другу было не надо: это всё сделали до нас. И через полтора дня пол был готов. Отец любовался на наше творение, не утерпел — поехал в Анну и привёз несколько банок с жёлтой половой краской. Полы выкрасили, и через неделю в комнатах воцарилась чистота. Потом настал черёд сеней. Мы провозились недели две. Отец отнёсся к этой работе с особой тщательностью и во всём следовал советам Ивана Матвеевича. Когда основные дела были закончены (стены стояли), мы с отцом настелили пол и потолок, вставили окно из старого дома дедушки, закрепили двери, обмазали и побелили стены. И удивились несказанно: у нас получились не сени, а ещё одна комната, правда холодная, потому что зимой она не отапливалась.

А закончили мы стройку тем, что возвели над сенями крышу. Тут нам помогли брат отца — дядя Федя и племянник Михаил. Так что за неделю управились. И я уезжал в Воронеж к сентябрю спокойный: дом у стариков уже не выглядел недостроенным.

К Новому году я получил из Мосоловки письмо. Среди прочих новостей мне сообщили и такую. «Сам знаешь, сынок, — писал отец, — сентябрь и октябрь стояли в этом году сухими, без дождей, и я решил: взялся утеплять заднюю стену дома всё тем же способом — с помощью плетня и земли. И когда грянули декабрьские морозы, я поразился: стена не промёрзла, а была тёплая-претёплая! И мы с матерью теперь называем её Катиной стенкой».

...С тех пор минуло шестьдесят с лишним лет. Давно расстались с белым светом мои милые старики, а дом всё стоит, окружённый кустами боярышника, которые посадила ещё мама. Он нисколько не похилился и даже выглядит щеголеватым. Года через четыре после окончания стройки долги были выплачены, и отец по случаю раздобыл два воза вагонки, обил весь дом и выкрасил зелёной краской. Со временем краска выцвела, но дом всё равно смотрится хорошо. В нём теперь живут чужие люди. Они не знают ничего о собачке Кате, косточки которой, верно, уже истлели в сырой земле. И никто не называет заднюю стену дома Катиной стенкой.

КРУТЫЕ ПОВОРОТЫ

Фёдор Масленников ещё раз прочитал стихотворные строки Омара Хайяма: «Бог нашей драмой коротает вечность: Сам сочиняет, ставит и глядит» и задумался. Ну, раз бог (или что-то там ещё — судьба, случай и тому подобное) сочиняет нашу жизнь, то он может и переиначить свой сценарий. А дальше пошло-поехало. Фёдор поворошил давние и не очень события своей жизни и сразу нашёл подтверждение этой мысли. Сколько в ней поворотов обнаружилось. И каких!

...В первый раз ему крупно повезло в двадцать один год, когда заканчивалась его армейская служба. До этого он был обычным сиротой, жившим с матерью в густонаселённом бараке. Особыми талантами не блистал и о высшем образовании даже не мечтал. Поэтому, окончив семилетку, поступил в физкультурный техникум, находившийся тут же, в их маленьком городке. Какое-никакое образование и стипендия — хоть и маленькая, но всё же прибавка к нищенской зарплате матери. И ему явственно представилась его дальнейшая карьера: всю жизнь учителем физкультуры в какой-нибудь захудалой сельской школе. Но тут...

При Хрущёве издали указ о том, что проработавшие два года на производстве или отслужившие армию могут поступать в вузы вне конкурса и получать стипендию, хотя бы даже они и учились на тройки. Мать, которая спала и видела Фёдора учёным человеком, а не каким-то там физкультурником, сказала ему:

— Я, Федя, решила: пойду ещё и на другую работу — уборщицей в детский сад. Трудно, конечно, но денег буду получать много — восемьдесят рублей. Сороковку мне на прожитиё, сороковку тебе. Ты только поступи куда знаешь.

А Фёдор этого не знал и направился к бывшему своему учителю за советом. Тот подумал и посоветовал:

— С математикой ты не в ладах, книг прочитал мало. Поэтому у тебя одна дорога — на исторический факультет университета. По нынешним временам выгодная специальность. Но не зарывайся, помни: твой потолок — средняя шишка районного масштаба. Всё остальное выше твоих способностей.

Фёдор внял совету и поступил в Воронежский университет. Учился ни шатко ни валко. От нечего делать стал пописывать стишки. Показал их жившему в одной комнате с ним аспиранту, тот пожал плечами. Послал в редакцию «Юности». Отказ. Пошёл к доценту Шуляковскому и попросил его руководить курсовой «Сельское хозяйство СССР по произведениям Андрея Платонова». Но тема была не из той области, она годилась только для филфака. Новая тема гласила так: «Сельское хозяйство Воронежской области в годы семилетки». Жуть. Но Фёдор вспомнил совет старого учителя и успокоился.

После университета его послали в Среднюю Азию, в далёкий Челекен. И здесь ему снова повезло. В райкоме партии прослышали о выпускнике из Воронежа и привлекли его к сочинению докладов для безграмотных партийных чиновников. И хотя через год ему предложили с райкомом расстаться, он не горевал. За этот год он устроился в какой-то техникум и вёл занятия по политэкономии социализма. И тут он понял: вот она, золотая жила! Может быть... когда-нибудь... можно будет найти тему для кандидатской диссертации. Предварительных знаний не нужно: поле исследования ограничено — труды классиков марксизма-ленинизма и работы тех, кто писал об этих трудах. Но это потом... потом.

А события тем временем развивались своим чередом. Фёдор познакомился с девушкой — красивым врачом местной поликлиники. У неё только что оборвался роман с любимым парнем, и ей было всё равно. Она вышла за Фёдора замуж, и семья переехала в Ульяновск. Мать жены определила его в филиал какого-то технического института, где он стал преподавать — о счастье! — всю ту же политэкономия социализма.

Фёдор живо представил себе все последующие события: как закончил аспирантуру, как защитил диссертацию, как стал деканом факультета, как на пару с директором добился объявления филиала институтом, как в лихие 90-е расстался с ненужной ему теперь партией и как, наконец, он стал ректором. Правда, в этой должности он пробыл недолго. Попёрли его свои же сотрудники. За непригодность к делу.

При последнем воспоминании лицо Фёдора сначала помрачнело, но потом прояснилось. К счастью, недолго треклятая музыка эта играла. И всё благодаря девочкам! Его дочери-близняшки уродились необыкновенно красивыми, и их охотно приглашали в какие-то самодеятельные ансамбли. А потом записали в профессиональный ансамбль областного значения. И тут случилось чудо! В одну из них влюбился и женился на ней крупный чиновник из администрации президента, а вторую взял в жёны тоже чиновник — только рангом пониже. И радости на семью Фёдора посыпались как из рога изобилия.

Перво-наперво чиновный муж пристроил девочек. На спортивную ниву. Умом они, конечно, не блистали и закончили институт, где их ничему,

кроме пения и танцев, не учили. Но тем не менее одну из них назначили директором департамента, а вторую поставили во главе управления. Потом настал черёд Фёдора с женой. Зять перевёз их в Москву, им выделили хорошую (ну очень хорошую!) квартиру. Фёдор стал инспектором в министерстве, где курировал три вуза. А уж о радостях помельче и говорить не приходилось: супруги регулярно «кувыркались» в каком-то правительственном санатории на Кавказе, раз в году совершали поездки по разным странам и так далее. Казалось бы, вот он, рай, о котором мать Фёдора даже мечтать не смела. Но тут боженька начал переписывать сценарий его жизни...

Как-то в порыве откровенности его сокурсник Николка сказал ему:

— Неглупый ты мужик, Федя, но недалёкий, ох, недалёкий!

Тот возражать ему не стал, а про себя подумал: «Это как посмотреть! Пришло же мне, недалёкому, в голову усвоить два золотых правила. Первое — молчание: молчащего все готовы признать за умного. Второе — своевременный уход с ринга: не хватало ещё до конца собачиться с кем-то, наживёшь заклятого врага». Этими правилами Фёдор руководствовался всю жизнь, но до того, как назначили его в министерство. Здесь-то шлея чиновничьей безнаказанности попала ему под хвост. Он усвоил приказный тон, щедро одобренный чувством превосходства, которое он испытывал в разговоре с теми, чей статус пониже. Конечно, люди наши давно были приучены в таких случаях молчать, но эти неожиданно втихую взбунтовались: в вышестоящие инстанции закапали жалобы. Начальник Фёдора забеспокоился (оно ему надо?!), и предложил Фёдору уйти на пенсию. Тот пожаловался зятю, но сочувствия у него, осторожного человека, не нашёл. И Фёдору пришлось уйти.

При одной мысли об этом Фёдор с обидой pokrutil головой, а потом и вовсе расстроился, припомнив старую-престарую констатацию: беды в одиночку не ходят. Что да, то да.

Старшему внуку, завязтому троечнику, выправили после окончания школы свидетельство, что он сдал ЕГЭ с запредельно высоким баллом, и его безоговорочно зачислили в престижный институт международной экономики и права. Но через два месяца он пришёл в слезах:

— Ничего из того, что говорят мне, я не понимаю.

Его перевели в Российский университет дружбы народов. Но там тоже дело не заладилось. И он сейчас бьёт баклуши, пользуясь тем, что отец отмазал его от армии. А второго внука настигла ещё горшая беда: в десятом классе пристрастился к наркотикам и не желает лечиться.

Но главный удар был ещё впереди. В 50 лет чиновный зять влюбился в какую-то яркую блондинку и развёлся с дочкой Фёдора. Обе сестры сразу почувствовали последствия этого: их миглом вымели из спорта. Ничего-то они, милые, не знали

и не умели, oprичь танцев-манцев, которыми им теперь заниматься не с руки: 47 лет уже. И сёстры затерялись в безбрежном пространстве офисного планктона. А Фёдора с женой отлучили от бесплатного санатория и в роскошные поездки по свету их больше не приглашают.

Фёдор ещё долго сидел над книгой Омара Хайяма, вновь и вновь задавал мучающие его вопросы:

— Ну за что же на меня такие напасти? И кто виноват в этом: то ли своевольная фортуна, то ли я сам?

Ответа не отыскивалось.

СОЛОВЬИ УЛЕТЕЛИ

Как ни странно, я, деревенский мальчик, ни в детстве, ни в отрочестве с соловьями не сталкивался. И моё знакомство с этими удивительными птицами состоялось лишь в двадцать один год, когда четверокурсником я поехал на военные сборы.

Я никогда не забуду эту июньскую ночь 1957 года. Нас вывели на учения. Было уже темно. Мы вышли на опушку леса, и вот тут-то началось. В лесном зале словно включили свет: под ногами у нас вспыхнули мириады светлячков. А откуда-то сверху на нас полились торжественные звуки соловьиного пения. Ошеломленные, мы вслушивались, как невидимый певец заканчивал одно музыкальное колено, делал небольшую паузу и начинал новое, отличное от предыдущего. Я насчитал двадцать таких колен (может, ошибся?), потом повторялось всё сначала. Я напряг свой ум, и у меня, словно ниоткуда, выплыли поразившие меня в детстве наименования этих колен у Тургенева: дробь, раскат, лешева дудка, кукушкин перелёт, гусачок, юлиная стукотня. Как я ни пытался припомнить, что они означают, но так и не смог. Порасспрашивал своих приятелей, однако и они тоже ничего не знали. Вспомнили лишь, что наряду с курскими соловьями до революции славились ещё и черниговские, бердичевские, калужские, но чем они отличались друг от друга, для нас осталось тайной за семью печатями. Вот они, горькие плоды полужнания, с которыми в своей жизни мне приходилось сталкиваться не раз. Но эти сетования забылись, а воспоминания о курских соловьях отодвинулись куда-то на окраину моей памяти.

Пробудились эти воспоминания только через неполные тридцать лет. В 1986 году я возвратился из Австрии, где работал в течение полутора лет в Зальцбургском университете. Поднакопил денег, купил «Жигулёнка» и старый саманный домик в Горках. Это село под Новой Усматью уже умирало. Из полутысячи домов тут сохранилось десяток-полтора жилых изб, где ожидали переселения в мир иной древние старики и старухи. Один такой домишко был как раз напротив моего, правда, располагался он на улице, параллельной моей. Нас разделяли два огорода — мой и старухи, которая жила в этом доме. В начале зимы старуха умерла, и я об этом узнал отнюдь не из рассказов соседей. Огромный рыжий кот, околавившийся обычно

у старухина дома, неожиданно переместился под мою дверь. Наверное, проголодался. Я выпустил его в мою жарко натопленную избушку, навалил полную миску еды. Он поел и, примостившись у печки, заснул. Это повторилось не раз, и вскоре соседи, посмеиваясь, говорили:

— Михалыч, раз в субботу кот не сидит у тебя на заборе, значит, ты уже приехал.

Так мы с котом, неизменно уходившим на ночь по каким-то своим делам, дождались весны. И вот, в середине апреля, когда уже распустились деревья, я услышал... услышал... робкое соловьиное пение, которое становилось всё громче, громче. Я удивился: откуда здесь, в центре села, взялся соловью? Случившийся рядом мой сосед Михаил Николаевич, Мишка-карандаш, по-местному, указал мне на два небольших дерева, стоявших на старухином участке, рядышком с моим огородом:

— А вот там. Лет десять уже поют. Наверно, по наследству гнездо переходит.

Поначалу я не поверил моему соседу. Потом мне вспомнилось. Л. Семаго, тогда ещё аспирант третьего года обучения, в далёкие пятидесятые рассказывал своим приятелям:

— Кустарники, живые изгороди садов, опушки светлых рощ — любимые места для гнездования соловьёв. Но одно неперемное условие — вблизи должен находиться пруд или озеро. Да, и вот ещё что. От этого правила бывают отступления. Сам видел, как соловей поселился у дороги. По ней катили машины, прогоняли скот, шли люди, а он пел над ними, лёжа на толстой ветке, невидимый снизу.

Этот рассказ, который был повторен в любимой мной книге Л. Семаго «Сто свиданий с природой», развеял все мои сомнения, тем более что я в двухстах метрах от моего дома заметил старое, заболоченное русло Усманки. И я начал наблюдать за гнездом соловьиной семьи.

Соловьи обычно не любят, когда на них смотрят. Но я проявил чудеса изобретательности и всё-таки разглядел певца. Ничего особенного. У него простенькое, без пестроты, одеяние: верхняя часть оперения — буровато-серая, нижняя — грязно-белая, хвост бурый с ржавым оттенком. Но вот пение... Оно день ото дня становилось всё звучнее и громче и, наконец, достигло пика во время вывода птенцов. Я просиживал на приступке субботние и воскресные ночи напролёт, отдавая во власть чарующих звуков. Нередко обнаруживал и примостившегося рядом кота, которого, мне казалось, они тоже не оставляли равнодушным.

Но в конце июня птенцы вылетели из гнезда. Соловей взял долгий девятимесячный тайм-аут и умолк. Я утешал себя: снова наступит апрель, и снова я услышу моего певца. Но надежды не сбылись.

Зимой опустевшую избу старухи купила семья: жена и муж, по приметам, явный подкаблучник. Начали супруги с того, что убили чем-то не угодившего им кота. А в начале марта спилили два дерева — соловьиный приют. Соловьи, не найдя своего гнезда, улетели...

Случайно или не случайно (я-то уже давно не верю в случайные совпадения!) после этого счастье отвернулось от бывшего старухина дома. Мужу приглянулась иная женщина, и он ушёл к ней. А прежнюю его жену поразил какой-то тяжкий недуг. Сил у неё уже не оставалось. Она с трудом выползала из дома, присаживалась на пенёк и печально смотрела на заросший бурьяном огород, над которым до её приезда лились неумолчные соловьиные трели.

ЗАБЫВЧИВЫЕ ПАПА И МАМА

В воскресенье все шесть наших учителей поехали рыбу ловить. И вместе с ними мой папа: ну куда же без директора? Запрягли школьную лошадь, взяли у кого-то ведёрку — ну, сетку такую, наподобие бредня, только мотни нет. Потом сели в телегу и тронулись. Без меня. Я просил-просил, даже плакал. Ничего не помогло. Отец нерешительно было посмотрел на маму. Но мама строго ответила:

— Не дело пятилетнего ребёнка с собой брать. Потопнет ещё. Или с телеги свалится.

И они уехали, а я один целый день ходил-бродил по барскому саду. Даже не пришёл на обед, хотя есть хотелось очень. К вечеру они приехали. Рыбы привезли много-много: ведро и ещё таз. Сверху в тазу лежала большая рыба, мне сказали — щука. Страшная, с острыми зубами. Я засунул ей в рот палец, а она прикусила его. Пришлось кричать. Больно не было, хотя кровь-то выступила, и мама намазала палец противным йодом.

Рыбу пожарили, и все сели за стол. Мужики попробовали, говорят: вкусно! Но тут же стали какими-то хмурыми: чего-то не хватает. Я понял чего — водки. Мужики её со смаком пьют, а она горькая-прегорькая! И чего в ней хорошего?

Кузьма Никитич сказал:

— Ходить в сельмаг бесполезно: обещали привезти только в среду. А до райцентра ого сколько!

И они все до одного опечалились. Жалко как-то мне их стало. И я вспомнил. Три, нет, четыре дня назад папа ездил в Щучье, и мама ему сказала:

— Не забудь, Миша, купить две бутылки водки. Мастера придут — печку переключивать и окна красить. Другой платы, кроме водки, они не признают.

И папа водку привёз. Две бутылки. Их поставили в чулан. Ну, вот, водка есть. Есть! Я потихоньку вылез из-за стола, а через минуту возвратился. Когда мужики увидели, как я осторожно несу в каждой руке по бутылке, они страшно обрадовались и почему-то забили ладошами — одна об другую. А папа и мама как-то непонятно улыбались. Не рады, что ли? Ну, ладно. Потом они мне ещё спасибо скажут. За то, что вовремя вспомнил о бутылках. Всё-таки они у меня какие-то забывчивые...

ЭТА ЛОПАТА УМЕЕТ ЖДАТЬ

Братья, приехавшие из города в родное село, рылись в старом сарае покойного деда, словно пираты в поисках сокровищ, хотя они всего лишь

планировали избавиться от горы мусора, накопившегося здесь незнамо за какое время. Младший из них неожиданно выудил из завалов хлама некультяпистую с виду лопату, явно не заводского производства, и воскликнул:

— Гляди-ка, старая знакомая!

В ответ на слова брата старший неопределённо хмыкнул, но тут же пояснил:

— Ты-то в ту пору маленький был, и знакомство у тебя с этой штукой шапочным оставалось. А мне двенадцать исполнилось, по военным временам взрослый почти. И сколько раз я её умыл своим потом — не сосчитать. Она, зараза, казалась мне неподъёмной. Правда, заточке легко поддавалась. Десять взмахов оселком — и порядок! Сталь хорошая.

Братья посерьёзнили. Присели на какой-то чурбачок, валявшийся тут же в сарае, закурили и погрузились в волны нахлынувших воспоминаний...

Ранней весной сорок второго года женщины одного из сёл обратились с призывом: «Будем пахать на коровах!» Почему на коровах, было ясно. В войну в каждом колхозе уцелели лишь по два-три маломощных колёсных трактора (в памяти у братьев застряли их названия «Укач» и «Универсал») и по пять-шесть старых и больных лошадей. Работали на них день и ночь и худо-бедно справлялись с посевными заботами на колхозных полях. А для вспашки и посадки огородов (они были тогда по полгектара) у измученных женщин не оставалось никаких возможностей, хотя на пропитание сельчанам шло как раз то, что получали с этих самых огородов. Тем не менее наше село почин не поддержало. На сельской сходке Нюрка Воробьёва осторожно поинтересовалась:

— Пахать-то на корове можно, конечно. А ну как она телка от тяжёлой работы скинет? Что тогда? Дуська Тюрина нашла другой резон:

— Скинет не скинет, а уж молоко у коровы точно пересохнет. И чем мне моих четверых кормить? А ведь они мал мала меньше.

И тут нелёгкая дёрнула за язык Таиску Дронову. Она решительно заявила:

— Не дам мою Комолую на мучение! Сама за неё в соху впрягусь.

Женщины одобрительно зашумели.

Растерявшийся председатель колхоза при молк. А потом о чём-то пошутничал с дедом Гаврилом. Тот молча выбрал жердь поаккуратнее, тщательно ошкурил её и прибил двумя большими гвоздями поперёк к обжам. Женщины для пробы выстроились в рядок к этой поперечине, к ним присоединились ребятишки, дед взялся за чапиги, и соха двинулась вперёд, взрыхляя ещё не просохшую землю. Эксперимент удался. Назревал новый почин, подлежащий, по логике вещей, распространению в других сёлах.

И вот в село приехал сам секретарь райкома партии, хмурый мужчина лет эдак сорока, бывший директор школы. В его присутствии и состоя-

лось показательное выступление женщин в новой для себя роли. Секретарь посмотрел-посмотрел, как зигзагами металась по огороду соха, влекая невиданной доселе тягловой силой, и... жестом отослал женщин с глаз долой. Велел остаться только старикам и немногочисленным инвалидам. Само собой, в густой толпе затерялись и вездесущие мальчонки. Секретарь мрачно оглядел присутствующих и негромко сказал:

— Мужики, а ведь это последнее дело — на бабах пахать.

Установилась напряжённая тишина. Потом кто-то из инвалидов нарушил её:

— А что делать? Видишь сам, какие мы мужики-то. Кто без руки, кто без ноги...

Секретарь задумался на минуту, а потом предложил:

— Лопатами надо вскапывать огороды. Привлечь к этому делу стариков, подростков.

Тот же инвалид возразил:

— Деревянными лопатами землю ковырять, что ли? На каждом дворе железных лопат у нас одна, от силы две найдётся, и то старые, зазубренные, тупые. Горе, а не лопаты.

Секретарь улыбнулся:

— Ну зачем же деревянными? Железными. Тут я вам помогу. Прикажу завезти в каждую колхозную кузницу нужный металл. Приостановлю все работы. Пусть куют лопаты.

И точно. Через несколько дней каждый двор получил железных лопат ровно столько, сколько человек могло выйти на огороды, и дело запело-загудело. Вскопали, посеяли, посадили всё, что требуется. Вскоре лопата стала основным рабочим инструментом на огородах...

— И что с нею делать? — задумчиво спросил младший брат. — Выбросить?

— Рука не наляжет, — отозвался старший. — Пусть пока постоит. Она умеет ждать.

...И лопата продолжает стоять в старом сарае деда, терпеливо ожидая того часу, когда она то ли будет помещена в какой-либо из музеев (что вряд ли), то ли снова придёт на помощь людям. Упаси Господь, конечно, но кто знает, куда завезёт нас неотлаженная телега России. Впрочем, не буди лиха, пока сидит тихо.

... И ТОГДА Я ПОНЯЛ ВСЁ

У моей сокурсницы Жени были русые волосы, ладная фигура и сияющие голубые глаза. Но она была не в моём вкусе, и я спокойно, не замечая ничего необычного, проходил мимо неё.

Меня не волновало, что она долго, безотрывно смотрит мне в лицо и тут же отводит глаза, ощущая, что я уловил её взгляд.

Мне казалось естественным её участливое отношение к моему неожиданно оборвавшемуся роману с моей первой любовью, хотя все окружающие не выказывали ни малейшего интереса к этой моей беде.

И, наконец, во мне ничего не дрогнуло, когда после четырёхлетнего отсутствия я вернулся в родной город и случайно встретил Женю в парке. Стоял конец мая, распутившиеся деревья едва шелестели листвою, а над нами, в вышине, носились стремительные стрижи. Я тогда поступил в аспирантуру, и у меня в голове роились упоительные надежды на будущее. И я, переполняемый этими надеждами, читал Жене стихи, восхищаясь скорее их техническим изяществом, нежели выражаемым смыслом, поскольку работа в редакции как-то неумовимо изменила моё отношение к человеческому слову. Последним я прочитал стихотворение Уильяма Дж. Смита «Никогда», неизвестное нам в студенческие годы:

Я тебя разлюблю и забуду,
Когда в пятницу будет среда,
Когда вырастут розы повсюду,
Голубые, как яйца дрозда,
Когда слон прокричит кукареку,
Когда дом постоит на трубе,
Когда съест бутерброд человека
И когда я женюсь на тебе.

Женя внимательно выслушала его, наморщила лоб, размышляя над неожиданной концовкой, и поспешно простилась, оставив меня наедине с моими мыслями о будущей диссертации, и только о ней.

Вскоре от кого-то я узнал, что Женя вышла замуж. Её муж был офицером, и они уехали за рубеж, кажется, в ГДР. Затем до меня доходили о ней обрывки слухов: у неё дочь, она развелась с мужем. И в конце концов, как это часто бывает, следы её полностью затерялись.

Прошли годы, а точнее — прошла жизнь. В семьдесят пять лет я опубликовал книгу, ставшую основной в чреде более или менее значимых для меня событий. Книга получилась удачной, и ко мне стекались многочисленные отзывы читателей — письменные и телефонные. И однажды раздался телефонный звонок. Я сразу же узнал слегка грассирующий голос — голос Жени. Он нисколько не изменился, хотя, по моей прикидке, Жене было уже 74 года.

После моих расспросов выяснилось, что она снова живёт в нашем городе — вместе с дочкой, её мужем и внуком. Женя поздравила меня с выходом книги, сказала, что всегда верила в меня. Потом запнулась и продолжала чуть изменившимся голосом:

— Знаешь, Толя, я звоню тебе ещё и потому, что хочу попрощаться с тобой. Чувствую себя плохо, уже год не встаю с постели. Скоро умру. Навещать меня не стоит: развалилась я вся, ты меня не узнаешь. Может быть, позже... Если захочешь, приходи ко мне на могилу. Я тебя услышу.

И тихо добавила, словно продолжая — через годы — разговор при той давней-предавней нашей встрече:

— А ты так и не женился на мне, Толя!

В ДЕРЕВНЕ ХЛЕБЫ БОЛЬШЕ НЕ ПЕКУТ

В один из дней недели мама озабоченно говорила:

— У меня завтра хлебы!

К её словам в семье относились с пониманием. Они означали, что хозяйку нельзя отвлекать по мелочам, если не хочешь есть всю неделю плохо пропечённый хлеб.

Сразу же после обеда мама начинала священнодействовать. Тщательно просеивала ржаную муку, растворяла её в воде. Добавив в тесто закваску, квашню ставила в тёплое место, желательно на печку, и внимательно следила за опарой. Я хорошо помню вечерние охи и ахи мамы, жалующейся нам с отцом на капризы теста: то оно плохо подходит, то закваска действует очень активно, и опара вот-вот вспучится и перевалит через край квашни. Но в результате принятых контрмер (не знаю, уж каких) наконец всё приходило в норму и...

Впрочем, дальнейшие действия осуществлялись на следующий день. Утром мама жарко протапливала печку берёзовыми дровами (если они были), тщательно выгребала угли и золу. Обычно хозяйки села, сформировав из теста ковриги, ставили их прямо на под или подстеленный капустный лист. Мама, ученица своей тёти, служившей кухаркой у помещика, презирала такой способ выпечки. Она заставила отца согнуть из жести этикие противни, на них помещала ковриги и отправляла их в печь. Не помню уж, сколько они находились там, но в нужный момент, открыв заслонку, мама извлекала из печи чудо женского искусства — хлебы, смачивала их водой и ставила остывать. Они были с блестящей коричневой коркой поверху, невероятно духовитые и со слабым-слабым кисловатым привкусом. У меня текли слюнки в предвкушении того момента, когда отец разрежет ковригу хлеба и каждый член семьи получит для пробы ещё тёплый хлеб. Мне доставался самый большой ломоть. Мать мазала его вишнёвым вареньем или сливочным маслом, и я спешил на улицу, где уже толпились мои дружки, оповещённые мной заранее о том, что мать печёт нынче хлебы. Все они почтительно принимали по кусочку восхитительного лакомства, и с каким-то благоговением мы съедали всё до крошки.

Конечно, у разных хозяек хлеб получался разным: прекрасным, хорошим, посредственным, а иногда и откровенно плохим. Поэтому когда случалось, что в конце недели хлеба семье не хватало, женщина бежала занимать к своим соседям либо целую ковригу, либо половинку её — естественно, с отдачей, когда у них тоже выйдет хлебная нехватка, но бежала не к кому попало, а к тем, у кого хлеб по качеству получался примерно таким же, как у неё. Моя мама признавала только двух заимодавцев: одна из них жила рядом с нами, а другая на самом краю села, и я в любую погоду по лужам или по сугробам путешествовал на Кончановку и никогда не отлынивал от такого поручения. Понятно, что всё село знало, кто у кого перехватывает хлеб,

и установившийся порядок никогда не нарушался. Я вспоминаю одну женщину, которая как-то выбивалась из этого порядка. Хлеб у неё выходил плохо пропечённым, и никто не хотел иметь с нею дело.

— Ну вот опять, — обыкновенно жаловался её муж. — Безрукая ты, Фроська. Опять придётся одними картохами два дня обходиться.

Фроська отмалчивалась.

... В середине 50-х годов прошлого века искусство выпечки домашнего хлеба стало умирать. В районных центрах расширили хлебозаводы, и их продукцию стали развозить на машинах даже в самые отдалённые сёла. В наше село хлеб привозили по вторникам, и хозяева покупали сколько его им нужно на неделю и не заботились больше о хлопотном занятии выпечки. Но изредка женщины, желая побаловать домашних, вспоминали о прошлом, и целую неделю семья ела ржаной хлеб. Мне в последний раз довелось отвежать ржаной хлеб в 1971 году, когда я получил подарок — ковригу из села, где работал когда-то в редакции районной газеты. Я рассчитывал, что этой ковриги мне хватит на неделю, но тут набежали мои знакомые — бывшие деревенские мальчишки, и от ковриги к концу дня остались лишь воспоминания.

Нельзя сказать, что покупной хлеб был плохим. Но ржаной муки в нём постепенно убывало, а потом, когда в наших краях рожь перестали сеять, она исчезла совсем. Хлеб стал пшеничным с добавкой ячменя. Таким он остаётся и по сей день. И если мы с женой в каком-нибудь магазине замечаем хлеб с многообещающей надписью «ржаной», то обязательно покупаем его. Но хлеб этот неизменно оказывается не тем, какой мне довелось есть в детстве. Я раздумывал над тем, почему это так. В итоге этих раздумий у меня родились две взаимоисключающие догадки: либо здесь сказываются многочисленные добавки к ржаной муке, либо даёт о себе знать естественная моя приверженность принципу: «что пройдёт, то будет мило». Но вторую догадку пришлось исключить, как только я припомнил давнишний случай, происшедший на русско-турецкой войне 1737–1738 гг. Наши войска под командованием фельдмаршала Б. А. Миниха добились тогда больших успехов. Среди них были взятие Очакова, Хотина и блистательный поход в Крым через Сиваш вброд. Но солдаты роптали: в пост они не наедались южным пшеничным или кукурузным хлебом, хотя рацион его увеличили почти вдвое. Должностные лица Синода отнеслись к этому с пониманием, и вскоре последовало разрешение есть в постные дни мясо. Неслыханное дело в те времена!

А потом, возможно по ассоциации, я вспомнил историю, случившуюся в середине 80-х годов в Австрии, куда меня направили на работу в Зальцбургский университет. Там я поселился у вдовы, русской по происхождению женщины, которая покинула родное Подмосковье более сорока лет назад. Так вот, когда я ехал на каникулы домой, то спрашивал её, что мне привезти из России. Она неизменно отвечала:

— Бородинского хлеба. Он отдалённо напоминает мне по вкусу ржаной хлеб, который теперь уже, понятно, не достанешь.

Я привозил ей четыре-пять буханок бородинского хлеба. Она аккуратно разрезала их на ломтики и прятала в холодильник. Ежедневно она съедала один такой ломтик. И когда она ела его, у неё на лице появлялось выражение, словно она в мыслях вернулась на свою родину.

А я... Когда я сажусь за обеденный стол, то порой вижу колышущееся море золотой ржи, слышу льющуюся над этим морем откуда-то с небес торжествующую песнь жаворонка. И как заключительный аккорд её всплывают в моей памяти слова страстной мольбы людей, обращённой к Богу: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь».

НА ОПАСНЫХ РАССТОЯНИЯХ ОТ ПРАВДЫ

В переводной литературе Древней Руси с XV века был известен философский... не подберу нужного слова — этюд, что ли? Демокрита однажды спросили: «Как жить с правдой?» Тот ответил: «Как с огнём: слишком приблизишься — обожжёшься, слишком отдалёшься — замёрзнешь». Так вот, когда я вспоминаю этот этюд, в моей памяти оживают события более чем полувековой давности, на гребне которых ярко высветивается фигура Володи.

В 1953 году я поступил на истфилфак университета, а он учился уже на четвёртом курсе. Близким человеком (тем более — другом) он мне не стал, но знал я о нём многое. Сын сельской учительницы, Володя жил в одном общежитии со мной, и о нём, невысоком, скромно, если не сказать бедно, одетом парне, уже ходили легенды. Всё свободное время от занятий он посвящал чтению (не только художественной, но и философской, публицистической литературы), походам в театр, филармонию. Необычно было то, что он серьёзно интересовался музыкой. Его любимыми композиторами были французские романтики, и он был готов что угодно отдать — только бы услышать их мелодии.

Уже с первого курса он был в гуще общественной жизни университета, но особенно заметен Володя стал в период потепления. В общих чертах он походил на шестидесятника, но диссидентом он не был. Усвоив раз и навсегда истину, что социализм является высшей точкой развития человечества, он считал, что настала пора исправить все грехи, допущенные в период культа личности, и быстро наверстать упущенное. Видимо, его мысли наши отклик у ректора, имя которого благодарная университетская память хранит рядом с определением «ректор № 1». И после избрания Володи секретарём комсомольской организации вуза они стали близкими людьми. Правда, это была дружба старшего с младшим, дружба человека, умудрённого опытом, с человеком, только набирающим опыт. И вот ободрённый поддержкой первого лица университета, Володя приступил к работе. Итоги её, даже по

прошествии многих лет, изумляют. Вместе с единомышленниками он заложил первый камень в основание целого ряда университетских традиций. Студенческая весна, День поэзии, философские диалоги, театр песни, шефство над детскими домами и многое другое — это его рук дело. Некоторые из этих традиций живы по сей день, некоторые умерли. Но это не вина Володи.

И вот что интересно. Во всех своих делах он оставался кристально честным человеком, что и влекло к нему молодёжь. А превыше всего Володя ценил правду. Он даже не мог себе представить, что продиктованное логикой происходящего слово «да» можно заменить спасительным, но лживым словом «нет» (равно как и наоборот, подставить вместо «нет» «да»). И правда в первый раз серьёзно обожгла Володю, слишком приблизившись к ней. Когда, уже будучи секретарём горкома комсомола, он на собрании комсомольского актива прямо сказал, что не место в университете студенту, который пьянствует и учится так, что хуже некуда, присутствующие онемели. И было отчего: этот студент был сыном первого секретаря обкома партии. Секретарь разъярился, и Володю мигом «ушли» из горкома комсомола. Но Володю это не расстроило. Он вернулся в родной университет на одну из философских кафедр и приступил к работе над кандидатской. Она была посвящена марксистско-ленинской теории убеждения и проблемам нравственного воспитания молодёжи. И всё это время оставался в центре университетской общественной жизни.

Но шли годы. Хрущёва сменил Брежнев, Брежнева — Андропов, Андропова — Черненко, и каждый привносил свою долю (и немалую) в копилку серьёзных отступлений от социалистических принципов. Володю опять обжигало и рождало его известные всему университету «филиппики». Одну из них я запомнил на всю жизнь. Говоря о Хрущёве и Брежневе, он ограничивался фразой из речи главного героя фильма Надежды Кошеверовой и Михаила Шапиро «Каин XVIII»: «Да здравствуй я!». Точность этой характеристики потрясает: Хрущёв нацепил на себя четыре звезды Героя, а грудь и живот Брежнева напоминали густонаселённый иконостас. Потом начались перестройка, ельцинский беспредел. И снова ожоги, снова «филиппики»: «Гласность внизу есть, да слышимость наверху плохая», «У них язык впереди правды бежит».

А работа над кандидатской тем временем не продвигалась. Его коллеги предлагали: «Давай застенографируем твой спецкурс, который ты читаешь студентам, и вот она, диссертация». Володя отказался. Объяснение этому мы находим в одном из писем жене: «...тему при определённой бессовестности можно было бы «форсировать», но я совесть». И тогда, и в наши дни все размышляют: почему Володя не стал кандидатом наук, хотя его научные статьи, его выступления, его лекции не вызывали сомнения в том, что перед нами блестящий специалист, превосходящий своей эрудицией

не только бывших сокурсников, но и дипломированных доцентов. Соображения выдвигались разные: высокая требовательность к себе, недостаточная усидчивость и тому подобное. Но мне кажется, что он засомневался в истинности социалистической идеологии, раз её проповедуют такие патентованные лжецы. А как воспитывать молодое поколение в духе того, чему сам веришь не вполне? С его правдивостью это было непредставимо. Впрочем, может быть, я не прав, и дело в чём-то ином. Но как бы там ни было, в итоге общественных и личных неурядиц его настигла серьёзная душевная болезнь, которая всё прогрессировала и прогрессировала. И отдалённый ею на немыслимое расстояние от правды, Володя замёрз...

ХАС-БУЛАТ УДАЛОЙ

Сергей Удалой пришёл домой из тюрьмы, где отсидел два года за кражу с колхозного двора. Вечером после работы в его избу набежало человек пятнадцать — родственники, друзья и просто знакомые. С собой принесли две большие бутылки самогону, нехитрую деревенскую закуску. Хозяева позаимствовали у соседей два стола, скамейки, несколько табуретов. И импровизированный банкет начался.

По деревенскому обыкновению выпили положенное количество стаканов мутного зелья, немного закусили и приступили к песням. Сначала погрузили под «Рябинушку», потом перепели все печальные песни немудрёного деревенского репертуара. Дошла очередь до молодецких песен. Дружно, на повышенных тонах, грянули: «Хас-Булат удалой, Бедна сакля твоя...». Надо думать в честь хозяина дома. Уж больно фамилия у него была подходящая. Но скоро, заметив, что лицо хозяйки дома Настёны покрывается какими-то бурными пятнами, отпали от хора один, другой, третий. А там и остальные, почуввав неладное, смущённо скомкали песню и стали прощаться.

После ухода гостей соседи насторожились. Ожидался скандал. Его было не миновать: доброхоты уже сообщили Сергею, как коротала ночи Настёна, дожидаясь его возвращения из тюрьмы, с одним деревенским вдовцом. Но шло время, а скандал не начинался. Донеслось что-то вроде сдержанных рыданий. Может, слышалось? В избе Сергея включили свет, и всё погрузилось в сон.

Первое время Настёна ходила как в воду опущенная, затем стала выпрямляться, и наконец по бабьему радио передали её ликующие слова: «Серёжа милый все следочки мои прикрыл!» Деревенские репортёры в юбках тут же исключили Настёну из своих ежедневных передач. К тому же через девять месяцев она родила сыночка — вылитого Сергея, потом другого — погодка. Ни матери, ни свекрови у неё не было, и одной ей приходилось туго. Дело было деревенским бабам знакомо. Что тут скажешь? Но мужики, их мужья, Настёну помнили часто. Обыкновенно бушующим жёнам они говаривали:

— Ну что ты раскошегарилась? Посмотри вон на Настёну. У неё вернётся Серёга с работы, так она с ног сбивается — только бы ему угодить.

...В последний свой приезд в село я повидался со всеми стариками, запомнившимися мне молодыми. Навестил и Сергея. Он часто болел, а последние пять лет не вставал с постели. Был Сергей сморщенный, какой-то усохший. Но вот глаза у него остались голубыми, как лесные озёра, радостными. Ненароком подумалось: «И чему тут радоваться?» А он, словно отвечая на мой невысказанный вопрос, обронил:

— Толик, Толик! Уж так я благодарен Господу. Так благодарен. Хорошую жену он мне дал!

Настёна, уже старуха, как-то по-девичьи зарделась, любовно поглядела на мужа и тихо прошептала:

— Ах, удалой ты, мой Удалов...

ЧИЖИК-ПЫЖИК, ГДЕ ТЫ БЫЛ?

Одного из своих приятелей я встретил случайно в коридоре университета — прямо напротив конференц-зала. Мы с ним были сверстниками и почти одновременно ушли на пенсию. Наше пенсионерское житьё-бытьё не представляло ничего интересного, и поэтому разговор в основном вращался вокруг прошлого, предисловием к чему служил вопрос: «А помнишь?» Припомнили среди прочего и историю о шапках.

В семидесятые годы, а может быть, и раньше, на улицах города появились мужские пыжиковые шапки, изготовленные из шкурок телёнка северного оленя. Правда, встречались они редко, поскольку были отличительным признаком экипировки партийно-административных чиновников. Но их сразу же замечали на фоне пятирублёвых шапок из крашеного кролика, которыми приходилось довольствоваться нечиновным мужчинам. И у нас, как и в других городах, стал распространяться злой анекдот от армянского радио: «Что такое праздничная демонстрация? — Это когда кролики идут, а пыжики стоят».

И вот наступили времена, когда эти шапки стали промелькивать в университетских коридорах. Женщины, главные поставщики новостей в этом заведении (впрочем, как и повсюду), несканно удивились и организовали серию розыскных мероприятий. В итоге выяснилась интересная вещь: шапки принадлежали только членам учёного совета, который ведал защитой докторских диссертаций по общественным наукам и который возглавлял сам проректор университета, метивший, по слухам, в ректоры. Заседания совета проходили как раз в конференц-зале, у которого мы остановились, почему, может быть, и вспомнили это.

И тут произошло непредвиденное. В 1974 году случился один из приступов восстановления социалистической законности в Советском Союзе. Возникло громкое «меховое» дело, впоследствии отражённое в художественной литературе и кине-

матографии. По этому делу было привлечено более пятисот человек. Оно состояло в том, что на подпольном производстве с центром в городе Караганде изготовлялось (а потом нелегально продавалось) столько шуб, шапок и другой меховой продукции, сколько государственным предприятиям и не снилось. Трое руководителей меховой мафии были приговорены к расстрелу, а остальные к длительным срокам тюремного заключения. В укромных местах у них были найдены миллионы рублей, сотни килограммов драгоценных камней и металлов. Отголоски этого громкого дела докатились до нашего города, и выяснилось, что соискатель, который домогался степени доктора наук, кажется по политэкономии социализма, и который после успешной защиты одарил теми самыми шапками всех членов совета, был заурядным мошенником. Он не писал не только докторской диссертации, но и кандидатской и более того, не имел даже высшего образования, потому что был отчислен с третьего курса. В одночасье пыжиковые шапки исчезли из университетских коридоров. А проректор был вынужден уйти со своего поста, так и не сделавшись ректором.

Вспомнив эту печальную страницу российской истории, мы удручённо покачали головами. А потом приятель процитировал слова известной песенки: «Чижик-пыжик, где ты был?»

Дома я задумался. Может, он случайно попал под власть необычного созвучия? А может быть, не случайно. Известно, что чижиками-пыжиками называли учащихся императорского училища правоведения, открытого ещё в 1835 году в Петербурге на Фонтанке. Почему к ним прицепилось такое прозвище, совершенно неясно. То ли из-за зелёного цвета мундира и жёлтых петлиц и обшлагов, напоминавших оперение чижики, то ли потому, что они носили пыжиковые шапки, то ли выправка учеников была демонстративно напыщенной. Как бы там ни было, приятель процитировал. И скорее всего, он примкнул к традиции нашего народа, который неизменно посылает вдогонку горестному событию всеразрушающий и всесозидающий, но всё-таки печальный смех, поскольку ни я, ни ты, ни он, ни все мы не сделали так, чтобы это событие не случилось вообще...

— Чижик-пыжик, где ты был? Где ты был? Где ты был?

— На Фонтанке водку пил. Водку пил. Водку пил...

НУ, НАЛИВАЙ!

На немногочисленной вечеринке по случаю восьмидесятилетия Василия Даниловича юбиляр, выслушав приветственные речи, неожиданно для всех закручинился:

— Погляжу я на своих сыновей и радуюсь: оба получили высшее образование. А я вот не смог...

— А почему, Василий Данилович? — спросил один из его молодых внучатых племянников.

— Не сложилось у меня. Закончил рабфак, зачислили на первый курс университета, а тут голод, страшный голод. И пришлось мне возвращаться на родную беконку.

— А где эта беконка сейчас? Закрыли? — не унимался молодой.

— Нет, не закрыли. Преобразовали в известный всем мясокомбинат. Ну, это отдельная история. В самом начале двадцатых годов крестьяне были самостоятельными и откармливали скот, никого не спрашивая. Но по-разному. Грамотные хозяева выдерживали строго режим кормления и добивались идеального чередования (как и требовалось) жировых и мясных прослоек у своих свиней. За это они на беконке, куда привозили сдавать скот, получали в два раза больше, чем горе-хозяева, которые кормили животину как придётся. Но рубль — хорошее погоняло. Постепенно поняли все: порядок тут нужен. А дальше... дальше грянули события: крестьян загнали в колхозы, и о беконе пришлось забыть, потому что на бекон и обычное мясо установили одну цену. И само собой получилось — беконная фабрика превратилась в простой мясокомбинат.

Василий Данилович помолчал немного и потом добавил:

— Но вот что интересно. В газетах иной раз пишут об американской мраморной говядине, которую получают благодаря особому режиму кормления. Намёк тут такой: надо бы и нам поучиться у соседей. А чему учиться? Всё уже давно известно. Только мы это прочно забыли.

— Вот, вот! — подхватил давний приятель юбилера Николай Дмитриевич. — И у меня такой же опыт, только фактура у него другая. Если хотите, расскажу.

Гости, с возделением глядя на бутылки «Столичной», из вежливости согласились, и Николай Дмитриевич не спеша начал:

— По рождению я потомственный крестьянин и с детства ещё знал: у нас в Поволжье учёные люди обнаружили, что в обычной пшенице попадают какие-то колоски с необычным зерном. Это уж потом появилось название «твёрдая пшеница». Так вот, когда снопы нового урожая переносили в ригу, туда сходилась вся наша многочисленная семья, даже старики и дети, и мы начинали перебирать колосок за колоском, выискивая эти необычные. Работа, я вам скажу, была нудная, но результат получался ого какой! Мы собирали 6-7 килограммов твёрдой пшеницы, сдавали её в специальную контору и получали такие деньги, какие бы мы не выручили за весь хлеб, полученный в нашем хозяйстве.

Николай Дмитриевич закурил и продолжал:

— Ну вот. Заграница заинтересовалась нашей пшеницей и стала закупать её в России ещё до революции. И что в общем итоге получилось? Твёрдая пшеница вытеснила мягкую в Европе, Америке и Канаде. Немного мягкой пшеницы, правда, высеивается, но на корм скоту. А у нас в 30-е годы вышло постановление, которое повелевало не делать

различий между твёрдым и мягким сортами. Дескать, наша задача накормить советских людей, а чем — неважно. Этого многие из вас не знают, но всем вам известно, что в Канаде мы теперь закупаем твёрдую пшеницу. На развод. Такие вот дела.

Приятель Василия Даниловича умолк. Гости сокрушённо покивали головами. А потом раздалась команда: «Ну, наливай!», и на вечеринке снова воцарилось радостное оживление, какое обычно бывает на всех мероприятиях подобного рода.

ПОЗАРАСТАЛИ СТЁЖКИ-ДОРОЖКИ

На второй день праздника Победы я поехал на велосипеде из села, где мы тогда жили, к бабушке с бабушкой. Когда я вспоминаю это путешествие, то не могу удержаться от смеха. Дело было в том, что при нормальной посадке на сиденье велосипеда ноги у меня не доставали до педалей: мне ещё не исполнилось десяти лет, и как на грех я был небольшого роста. Отец сокрушённо покачал головой, но тут же нашёл выход — свинтил сиденье и привязал на раму вместо него старую подушку. Всё отлично устроилось, и я бойко разъезжал на единственном в селе «самокате», переваливаясь из стороны в сторону и не обращая внимания на то, как это смешно выглядело.

Двенадцать километров, разделявших села, я преодолел быстро и через два часа уже входил в низенькую избушку моего дедушки, где я провёл три военных года. Мы порадовались окончанию страшного военного времени, погоревали о погибших знакомых. И тут бабушка сообщила мне деревенскую новость:

— На прошлой неделе померла Нюша.

Нюша, деревенская дурочка, была грузной женщиной лет сорока. Она почти не покидала избу и всё время сидела на лавке, глядя в окно выцветшими голубыми глазами. Говорить она не могла, только невнятно мычала.

Такой она была не всегда. По рассказам старших, Нюша слыла первой красавицей на селе: чуть удлинённое лицо, прямой нос, русая коса до колен, изящная фигура. К тому же у неё был прекрасный голос, и она не горланила, как её подруги, «матаню», а пела песни русского репертуара, какие выучила в церковном хоре.

В Нюшу был влюблён деревенский парень Илья Астахов, и на Троицу намечалась их свадьба. Но тут случилось непредвиденное. Отец Ильи поймал вора — жителя соседней деревни, когда тот пытался свести со двора славящуюся резвостью кобылу. По деревенскому обыкновению, у вора сделали обыск, нацепили на него украденное во время прошлых его «вылазок» и повели по селу. Около каждого дома стоял хозяин с колом, которым полагалось ударить вора. Скоро его уже не вели, а волочили на верёвке, и посреди села он испустил дух.

Вечером к Астаховым пришёл старший сын покойного и угрожающе сказал:

— Ну, погоди!

Астахов забеспокоился и направился к соседу посоветоваться, что делать. Сосед подумал-подумал и сказал:

— Уезжай из села. И чем скорее, тем лучше. Сыновья твоего вора отчаянные ребята и рано или поздно кончат тебя.

Астахов внял совету: продал избу, немудрёные крестьянские пожитки и переехал в город. О свадьбе, конечно, уже не поминали. А когда спрашивали у Нюши, что же дальше, она загадочно усмехалась и отвечала несколько переиначенными словами песни:

— Простился со мной миленький до будущей весны.

Но будущей весной Илья не появился, а ещё через год приехал в гости к дяде с молодой женой. Услышав эту весть, Нюша выбежала на улицу и без чувств упала на землю. Стояла первая треть двадцатых годов, и медиков в селе не было — ни врача, ни даже медсестры. Пригласили бабу, слывшую великой целительницей, но она оказалась бессильна. А болезнь у Нюши прогрессировала. Сначала она перестала говорить и только изредка напевала: «Позарастили стёжки-дорожки, где проходили милого ножки», потом вообще замолчала. Так прошли долгие четырнадцать лет. Перед войной родители Нюши умерли. Ожидалось, что Нюшу определят в какой-нибудь государственный приют. Но её согласился взять Денис Васильевич, один из немногих единоличников, живших в селе. Ему при отказе вступить в колхоз сохранили лишь 15 соток земли. У Нюши после смерти родителей было 50, и они пригодились её приёмным родителям. Переезд в другую избу Нюша встретила спокойно. Она будто и не заметила его. И вот...

Повспоминав Нюшу, а потом наскоро пообедав, я стал собираться домой: завтра мне было в школу. По дороге у дома Астаховых, который они купили, возвратившись в село из города в войну, меня остановил громкий женский плач. Я спешил с моего железного коня и пошёл узнавать, в чём дело. Оказалось, пришла похоронка на Илью. Он погиб за несколько дней до Победы под Берлином. Выходило, что Нюша и Илья покинули этот мир почти одновременно, чтобы вскоре встретиться, как мне думалось тогда, где-то там, на райских полях.

ВОЙНА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

На исходе четвёртого военного лета мои друзья Санька Толкач и Ванька Лобан как-то разбудили меня ранним утром и спросили:

— Пойдешь с нами к молотилке?

Я с радостью согласился, мигом опорожнил чашку каши, которую подсунула мне мать, и мы отправились в путь. Три километра, отделявшие село от ржаного поля, где возле одного из скирдов стояла молотилка, показались нам пустяком. А там... Там было весело, как в клубе! Ровное гудение молотилки перебивали то громкий смех, то

притворно-испуганные выкрики девушек, то неожиданно возникавшие напевы песен и частушек. Всё было понятно: на молотилке работали 17-18-летние парни и девушки. Одни носили снопы из стога, другие подавали их парню, который совал снопы в барабан молотилки, третьи отгребали к омету солому, четвёртые отправляли на ток зерно.

К молодым людям, сноровисто управлявшимся с делом, мы, девятилетние ребята, относились с робким почтением. Они уже закончили школу и были старшими посетителями клуба. Эвакуированная из города учительница поставила вместе с ними какую-то классическую пьесу, и мы с завистью смотрели, как соседские парни, неузнаваемо преобразившиеся в своих необычных одеждах, дерутся на сцене деревянными мечами. Держались молодые люди особняком (взрослые!), и среди них уже наметились парочки влюблённых. Но до свадьбы так и не дошло...

Осенью всех парней, кому исполнилось семнадцать, забрали на войну. Уходили из дома двадцать человек, а вернулся только один, да и тот на протезе. Парней этих я знал всех до единого и по прошествии лет, вызывая в памяти знакомые лица, повторял понравившуюся мне песню Е. Винокурова и А. Эшпая о Серёжке с Малой Бронной и Витьке с Моховой. Но только я доходил до слов: «Девчонки, их подружки, все замужем давно», мне становилось как-то неловко. В многомиллионной Москве можно было найти замену любимому юноше. А попробуй сыскать её в послевоенном нашем селе с тремя дворами, где женихи наперечёт. Поэтому-то после войны более двух десятков девиц остались неприкаянными. Правда, со временем трое из них нашли себе пару: одна вышла замуж за того парня, который потерял ногу, две других — за парней значительно старше себя, уцелевших на полях сражений. Шесть-восемь девушек уехали из села в поисках счастья и вестей о себе не подавали. А десять вечных невест, как себя называли эти неустроенные молодницы, продолжали идти по жизни одиночками. Вековали они сначала с родителями, а после того как те ушли в мир иной, оказались одни-одинёшеньки.

В селе они ничем особо не выделялись: работали в колхозе, держали на своём подворье корову, поросёнка, десяток кур или гусей. Заботы о хозяйстве не давали лениться и поглощали всё их свободное время. Но от случая к случаю вечные невесты собирались у одной из подруг, ставили на стол штоф самогона, немудрёную закуску и неизменно открывали застолье одной и той же песней:

Что стоишь качаясь, тонкая рябина,
Головой склоняясь до самого тына?

О чём они говорили, было неизвестно: посторонних на эти сборы не приглашали. Когда им исполнилось шестьдесят, застолья прекратились. Одинокие женщины только изредка навещали друг друга.

Лет десять назад я, уже стариком, попал в село, где прошла значительная часть моего детства и от-

рочества, и узнал, что в живых остались лишь трое вечных невест. Всех их я навестил. Одна вообще не узнала меня, вторая не пожелала говорить со мной о прошлом, и лишь третья, после того как я представился ей, расплакалась:

— Толик? Учителев сын? Помню, помню. А ты не забыл, как?..

К моему удивлению, она заговорила о том самом лете, о той самой уборке ржи, о той самой работе на молотилке, где они со своим Колей выделялись ловкостью и красотой. Видимо, с этими воспоминаниями вечная невеста и ушла из жизни. Для неё война так и не кончилась.

НА ХОПРЕ ПАХНЕТ ЖАРЕНЫМ

Однажды зимой трое местных мужиков предложили моей матери отличную вырезку килограмма этак на три-четыре. Но многоопытная мать, коренная сельская жительница, от покупки отказалась. Возвратившись в дом, она пояснила отцу в чём дело:

— Знаешь, Миша, мясо свежайшее и главное недорогое. Но какое-то оно необычное. Не свинина и не баранина — это уж точно. Похоже на говядину, но не говядина.

Расспросы продавцов ни к чему её не привели. Они неловко уходили от ответа.

— И тут я послала подавать их с этим мясом, — сказала она. — Может, зря?

Отец, не размышляя, ответил:

— Что сделано, то сделано.

А соседские хозяйки были не столь разборчивы: мигом расхватили мясо. И у мужиков пошло-поехало. Недельку они не просыхали — пили на вырученные деньги. Но всё хорошее когда-нибудь кончается. В один из дней они проснулись поутру и не обнаружили ни водки, ни денег. Недолго посоветовались и стали запрягать в сани лошадей. Направились в райцентр. К вечеру домой не возвратились. Обеспокоенные члены их семей ринулись выяснять, где мужики. И вот что они выяснили. Тройка немолодых уже сельчан, жаждущих похмелья, явилась в «Заготскот» и расстелила перед изумлённым работником организации... лосиную шкуру. Тот известил милицию. А дальше было проще простого. В село двое из них вернулись из тюрьмы через полтора года, а их заглавный — через два.

Оказалось, что они сами себя уличили в нарушении государственной программы возрождения фауны. В соответствии с этой программой в конце 50 — начале 60 годов, при Хрущёве, в леса Черноземья и близлежащих областей были завезены и выпущены на волю лоси, кабаны, бобры и прочая уже давно исчезнувшая живность. На долю примыкающего к селу Прибитюжья достались десять лосей и несколько семей бобров.

Выпустили и забыли. Ну, не то чтобы забыли — просто не позаботились о них. Результат этого известен. Каждый из нас десятки раз наблюдал, как новосёлы, разместившиеся в только что по-

строенных домах, собираются на субботник и старательно, по линейке, прокладывают очертания будущих аллеек, высаживая подходящие деревца и кустики. Как правило, этим аллеям не суждено появиться. Только немногие из саженцев, словно иллюстрируя наблюдение А. П. Чехова («В наших краях посадишь оглоблю — вырастет тарантас»), превращаются в зелёные великаны, радующие глаз. Остальные — ломают, затаптывают. И со временем на месте планировавшихся аллей мелькают к месту и не к месту изумрудные островки, следующие неизвестно какому плану посадки. С восстанавливаемой фауной обстоит дело ещё хуже. В наших краях девять лосей спустя какое-то время неведомо куда исчезли, а следы десятого обнаружили благодаря привезённой в «Заготскот» шкуре.

Пока село обсуждало в подробностях неслыханную новость — одновременную посадку в тюрьму трёх его жителей, незаметно наступила весна. Снег уже почти сошёл, но Битюг был ещё скован льдом. И вот тут-то матери поступило другое предложение. Сосед Костя поставил перед нею два ведра рыбы — хороших, средних размеров щук, окуней, язей, лещей. Рыба ещё трепыхалась, и мать, не раздумывая, купила её. Запасов у Кости было много, и он снабдил рыбой всех окрестных баб. Откуда это у него, было более или менее очевидно.

Зима в том году стояла снежная, и внешние воды оказались обильными. Они прорвали хранилища свекольной жижи, которая остаётся после переработки сладких корней, на сахарном заводе. Необычайно ядовитая, она хлынула в Битюг и заставила обезумевшую рыбу метнуться вниз по течению. Но там, через несколько километров, на другом сахарном заводе тоже упустили жижу. Рыба оказалась в западне и стала забиваться в устье мелких речушек, в том числе и в устье бывшей речки Мосоловки. Оттуда-то Костя, проломив лёд, и черпал рыбу в буквальном смысле — сачком, как будто из садка. После этого рыбы в Битюге не стало вообще — ни крупной, ни средней, ни мелкой. И в течение нескольких лет мальчишки, забросив на Битюге удочки, печально глядели на неподвижные поплавки.

Но исчезла не только рыба, исчезли бобры, уже размножившиеся и построившие себе из деревьев плотину. Куда они делись, стало ясно, когда отец обнаружил невдалеке от своего дома на берегу ручья два трупа бобров: не вынесли они ядовитого половодья.

Случаи таких наскоков на фауну были не единственными. Они повторялись ещё долгое время — вплоть до 80-х годов, хотя и были неодинаковы по масштабам. В селе, стоявшем близ Хопра, необычайно расплодился переселённый кабан. Зимой при недостатке корма они подходили к самому селу и выискивали на огородах утерянные корнеплоды. Сельчане заметили это и стали высаживать корнеплоды поближе к лесу, а заодно сооружали курени, в которых прятались с ружьями.

Две-три зимы в селе стоял навязчивый запах жареного мяса. Потом кабаны перевелись.

Несколько позже, уже в правление Брежнева, разнеслась весть о невиданной охоте прямо-таки промышленного масштаба. С давних пор в степях и полупустынях Нижней Волги, Казахстана и Средней Азии водились сайгаки — парнокопытные животные до полутора метров. Охота на них более тридцати лет была запрещена, и поголовье их выросло до 2 млн особей. Весть эта обрадовала высокопоставленных кремлёвских правителей: в условиях сокращения на селе поголовья скота и, стало быть, нехватки мяса сайгаки могли быть отличным выходом из положения.

И вот в один из летних дней на границы этих самых степей и полупустынь выехали сотни автомобилей, вылетели десятки вертолётов. В тех и других сидели люди, вооружённые... нет, не охотничьими ружьями — автоматами. И расстрел сайгачьих стад начался с земли и с воздуха. Сколько сайгаков было пущено на мясо, узнают, после того как вскроют кремлёвские архивы. Большая же часть оставшихся в живых животных покинула пределы Советского Союза. Куда они эмигрировали — в Монголию или Западный Китай, Бог весть.

С этих далёких пор приступы широкомасштабного возрождения утраченной фауны не повторялись. Только вот прореживание наличной фауны всё продолжается. Может быть, в санитарных целях?

ОБЕСЦЕНЕННЫЙ МАТ

В семье моей бывшей аспирантки — событие: мальчики-близнецы пошли в первый класс. Как-то однажды они возвратились домой озабоченные и тут же направились к отцу:

— Учительница сказала нам, что мы должны следить за речью и ни в коем случае не употреблять мата. Но, пап, а что такое мат?

Папа смутился и ловко, как ему показалось, ушёл от ответа. Мальчики удалились.

На следующий день близнецы прибыли после занятий из школы ещё более озабоченными и обратились в высшую инстанцию:

— Мамочка, ну что же это такое мат? Никто-никто в нашем классе этого не знает. Ты хоть словечко матом скажи, мы поймём.

Мамочка тоже смутилась и тоже оставила детей наедине со своими вопросами.

А спустя некоторое время близнецы гордо сообщили:

— Теперь мы понимаем, что такое мат.

Узнали. По своим каналам. И быстрее, чем освоили божественные глаголы Пушкина. Нельзя же, в самом деле, оставлять в небрежении такое наше языковое богатство.

А у меня в памяти этот случай высветил все пути-дороги, которыми прошёл мат через мою жизнь. В детстве матерные выражения я, конечно, слышал и прекрасно понимал их, поскольку

в деревне, где на глазах у ребёнка рождаются телята, поросята, ягнята и прочая живность, рано расстаются с теориями насчёт того, что детей находят в капусте или их приносят добрые аисты. Но ругательства тогда раздавались редко, и к тому же в соответствии с бабушкиной максимой («Говорить так — непрощённый грех») я старался быстрее забыть их. И так было до конца войны. А после победы, проходя мимо возвратившихся с фронта мужиков, я невольно поёживался, когда до меня часто доносилось такое, чего я не всегда понимал. Но мой дедушка быстро успокаивал меня:

— Знаешь, Толя, их понять можно. Они через муки смертные прошли, а при встрече со смертью чего только в голову не придёт.

Но вот что печально: спустя какое-то время парни, которым было по 17-18 лет, стали повторять эти матерные выражения, хотя раньше от них я этого не слышал. А потом дошла очередь до подростков. Шли годы, и ряды почитателей мата постепенно густели. И теперь там встречаются женщины и даже малышня.

Понятно, это плохо уже само по себе: растёт число «пользователей» мата — множатся случаи нарушения норм нашего могучего и великого. Но и это ещё не всё. Беда в том, что с матом происходят немислимые метаморфозы. Чтобы вы поняли, о чём я, мне придётся воспользоваться подходящим примером. Многие годы, десятки лет, столетия слова *кобель* и *сука* прилагались к собачьему племени. И всё было ясно: кобель — это название мужской особи собак, сука — женской. А потом... потом эти слова были распространены на людей, и что они стали значить, вы знаете. А каков же итог? В какой-то момент те, кто водит собак, застеснялись и теперь называют своих питомцев *мальчик* и *девочка* (соответственно полу). Но у вас не возникает чувство этакого дискомфорта, когда мальчиком именуют собачьего мафусаила, которому перевалило за 18 (по человеческим меркам, более 120 лет)? У меня возникает.

Но вернёмся к мату, который, как вы догадались, тоже меняется, но по своему собственному сценарию. Сам по себе мат — зло невеликое. Он, как выражаются учёные, средство эмоциональной реакции на нестандартные раздражители. Но в строго определённых, разумеется, рамках. Все мы грешны на этот счёт и хоть считанное число раз «оскоромились». Да что мы! Даже Пушкин (сам Пушкин) превосходно знал матерные выражения и приберегал их для своих поэтических забав, которые обыкновенно проходят мимо среднего читателя, не ведающего, что наш великий поэт использовал их в художественно-изобразительных целях. Но вот мы оказываемся рядом с молодыми парнями. Они говорят спокойно, об обычных делах, не ссорятся. И в то же время ругательства сыплются из их ртов, как из прохудившегося ведра. Так какая же у этих ругательств смысловая нагрузка? Да никакой! Они простое присловье, сорняк. Мат, таким образом, обесценился. И это особенно

страшно, потому что взрослые люди (взрослые!) перестали различать разницу между тем, что такое хорошо, и тем, что такое плохо. А подобное неразличение — верный признак того, что эти люди стоят перед пропастью, название которой — душевное расстройство.

ПРОТОПОП АВВАКУМ НА СТУДЕНЧЕСКИХ ПОСИДЕЛКАХ

В университете он учился на «отлично» и сносно играл на аккордеоне, что для факультетской самодеятельности было просто находкой. Поэтому заведующая кафедрой русского языка твёрдо решила после окончания университета оставить его на кафедре. Он проработал преподавателем несколько лет, а потом поступил к переехавшему в город профессору в аспирантуру. Его руководитель, когда просматривал написанное им, буквально стонал:

— Это ж надо так! Всё вроде грамотно, но никакого понятия ни о композиции, ни о переходах от одного к другому. Бурда!

Аспирант это и сам понимал:

— Нет у меня способности к письму: всё понимаю, а выразить не могу.

Это было странно. Он внимательно следил за научной литературой, высказывал о прочитанном здравые суждения. А вот поди ж ты — писать так и не научился. Но кое-как осилил кандидатскую, получил нужную степень, а потом через четыре года стал доцентом. Лекций ему на стационаре не доверяли — отсылали на заочное отделение. Но и практические занятия его не вызвали восторга у студентов: в ежегодных опросах они ставили против его фамилии оценку «удовлетворительно», да и то за его доброту.

А вот в сентябре его было не узнать. Он приходил первого числа на факультет в куртке, клетчатой рубашке и старом галстуке (в обычное время он его не носил). Это означало, что доцент к отъезду на сельхозработы со студентами готов. Его как человека, выросшего в деревне, обычно назначали старшим трудового десанта, и так повторялось двадцать с лишним лет. За долгие годы у него выработалось несколько традиций. Одна из них состояла в регулярном построении студентов на линейку. Он выходил вперёд и долго, нудно призывал их к доблестному труду на благо социалистической родины. Студенты, на каждом шагу сталкивавшиеся с «чудесами» сельской жизни, молчали. И тогда он стал приходить к ним на вечерние посиделки — поговорить, как он выражался, «по душам». Начиная он одинаково:

— Вы даже не понимаете, скольким мы обязаны советской власти. А я вот помню, как наша семья, где было семь детей, после освобождения от фашистов получила детские валенки, пальтушечки, шапчонки и нужное продовольствие, без чего мы бы не выжили. И ещё. У меня родители едва могли расписаться, а я стал доцентом, получил трёхкомнатную квартиру!

Студенты вразнойбой возражали ему.

— Эка невидаль! — говорил один. — Мне рассказывали бельгийцы, учатся тут двое в нашем университете. Когда англо-американские войска прогнали гитлеровцев, то целый год снабжали страну всем необходимым.

Второй его поддерживал:

— А кто на Западе профессора и доценты? Они тоже не аристократы, те же дети рабочих и крестьян.

Вмешивался третий:

— А вот квартирки у них поприличнее наших будут. Никто под мостом, даже безработные, не живёт.

Под шквалом возражений доцент не терялся и решительно их пресекал:

— Это другой исторический опыт. А у нас свой. И нечего тут рассусоливать!

Ошарашенные таким умозаключением, студенты начинали потихоньку расходиться, и протопоп Аввакум, как окрестили его юные участники «философских диалогов», оставался один. Впрочем, по совместительству доставалось и преподавателям, не рисковавшим ввязываться в небезопасные по тем временам споры. Однажды они проснулись поутру и обнаружили себя запертыми снаружи. Разобрались. Оказалось, что дверь была туго, как проволокой, примотана к какому-то крючку галстуком протопопы.

По возвращении из деревни он сохранял ту же необыкновенную активность: выполнял все поручения факультетского партбюро, руководил подготовкой к весеннему смотру художественной самодеятельности. И всё успевал. Не хватало у него лишь времени знакомиться с новинками художественной литературы, хотя литературу, положенную по программе факультета, знал прилично. Свои действия он оправдывал стандартно:

— Это всё антисоветчина!

И какой же был для него удар, когда партию в начале 90-х годов распустили. Но он скоро успокоился, вступил в КПРФ и взял на себя хлопотную обязанность собирать членские взносы у партийцев, работавших в разных университетских корпусах. И даже когда у него отказали ноги и он перешёл на пенсию, аккуратно являлся на каждое партсобрание, хотя приходилось добираться на такси, что ему было явно не по карману.

Незадолго перед смертью он сказал жене:

— Когда умру, поставьте на могиле звезду. Звезду, а не крест! Никакого другого мира, как утверждают попы, конечно, не существует, но пусть она сияет другим.

... А в студенческом колхозном фольклоре живёт ещё частушка:

Сливки киснут на окне,
Травы вянут в поле,
Когда ходит по стерне
Белоусов Коля.

ГАЗОН ЗАСОХ

Ещё в школе к нему прилипло прозвище Бирюк. И на то были основания. Держался он особняком, а самое главное — ни с чем и ни с кем не соглашался. Как слышит что-нибудь — тут же давай спорить. Да не как-нибудь: орал, не слушал никаких доводов. И в селе его с детских лет привыкли обходить стороной. После семилетки Бирюк учиться дальше не захотел, в армию его не призвали (на медкомиссии обнаружили какую-то болезнь), родители у него умерли рано. И Бирюк жил один — без друзей-приятелей и без семьи.

Обитал он в доставшейся по наследству избе на краю села. Никаких строений во дворе не было, кроме огромного омшаника. Их Бирюк сломал и пустил на дрова. Огородом не интересовался, всё, что нужно, покупал у соседей. Единственным занятием его были пчёлы. Два или три раза за лето Бирюк выезжал в райцентр и продавал славившийся на всю округу мёд: денег на прожитие доставало с избытком.

До старости у Бирюка существовал никогда не нарушавшийся порядок. Летом он путешествовал по окрестным полям и перелескам со своей любимой пасекой. А долгими зимними вечерами, проверив, как поживают его пчёлы, жарко растапливал печь и забирался на лежанку. Порой он недовольно поглядывал на своих сожителей. С котом Васькой не поспоришь. Заслышав, что хозяин обращается к нему, и не ожидая от того ничего хорошего, кот лениво потягивался и шёл во двор, где оставался до утра. Старый-престарый Полкан избрал другую тактику уклоняться от бесед с хозяином: свернувшись калачиком у печки, он не реагировал на рассуждения Бирюка, относящиеся к нему, хотя внимательно его слушал.

Полемизировать приходилось только с телевизором, который Бирюк купил ещё в те времена, когда этот «струмент», как он выражался, в деревне был редкостью. Любую передачу Бирюк встречал в штывы и обстоятельно выкладывал несуществующим слушателям, с чем был не согласен. Но особенно ждал он встречи с мультфильмами. Тут ему было где развернуться. По избе разносились его крики:

— Враки! Сплошные враки! Да где же это видано? И куда смотрят телевизионные начальники?

Но однажды всё пошло как-то не так. Соседка, вечером принеся молоко, которое у неё ежедневно покупал Бирюк, успела заметить, что тот смотрит мультфильм, в котором звучало стихотворение:

Как-то раз, часов так в пять,
Дождик вышел погулять.
Шёл неспешно, по привычке.
А куда ему спешить?
Вдруг увидел он табличку:
«По газонам не ходить!»

Дождь сказал тихонько: «Ох».
И ушёл. Газон засох.

По своему обыкновению Бирюк хмыкнул: «Вы-

думки всё это!». Потом запнулся, задумчиво про-бормотал: «Однако... Гм... Газон засох». И повторил ещё раз: «Газон засох». Соседка простилась и быстро ушла.

...Утром её разбудил раздавшийся из избы Бирюка собачий вой. Толкнув незапертую дверь, она поняла, в чём дело: хозяин Полкана — повесился. На крюке, за который в давние времена, семьдесят лет назад, цепляли люльку Бирюка.

ЧАЦКИЙ БЫЛ НЕ СОВСЕМ ПРАВ

Моим аспирантом Серёжа стал после того, как его профессор переехала к дочери и он остался без руководителя. Писать новичок совершенно не умел, и каждая страница сочинённого им после моих правок напоминала павлиний хвост. Но он отличался завидным упорством. Все правки он изучал более чем тщательно и рано или поздно устанавливал их причину. На третьем курсе его аспирантуры я вздохнул с облегчением: мне стали поступать Серёжины тексты, в которых я отлавливал только мелких блошек.

Работу в итоге Серёжа написал хорошую, его быстро утвердили в кандидатах, а через три года он стал доцентом. Очередное событие в его жизни с радостью встретила вся кафедра. Он женился на бывшей сокурснице и переехал к жене в просторную трёхкомнатную квартиру. Родители жены отбыли в долгосрочную командировку на Новую Землю, молодые остались одни и постепенно при-выкали к самостоятельной жизни.

Но тут-то и настиг его неожиданный удар судьбы. Не знаю, в чём причина, но жена решительно предложила ему уйти, и Серёжа в скором времени возвратился в тесную комнатёнку, которую делил с матерью и тётушкой. Перенёс этот удар спокойно, но только чисто внешне. А я видел, что внутри у него всё кипит. Однажды он признался мне:

— Знаю, Анатолий Михайлович, что подсматривать нехорошо. Но не удержался и как-то зашёл в вечернее кафе, где она, по слухам, бывала. И удивился: моя бывшая жена, совершенно пьяная, сидела за столиком одна и глядела куда-то в пространство остановившимися глазами. Подойти к ней я не рискнул, но написал письмо. Ответа так и не получил.

Год спустя Серёжа попал в то же кафе и снова увидел её, сияющую, с новым мужем. В скором времени молодожёны покинули Воронеж, и Серёже о бывшей жене сведений больше не поступало.

А ещё через два года Серёжа, чувствуя какую-то внутреннюю пустоту, влюбился ещё раз — в свою студентку с последнего курса. Но та была замужем и после окончания университета уехала к мужу в какой-то поволжский город. Студентка была красива, умна, и я, хотя чувствовал себя неловко оттого, что вмешиваюсь не в своё дело, заметил ему:

— Напрасно, Серёжа, ты упустил такой шанс. Тот возразил:

— А я не упустил. Мы решили проверить себя.

Если выяснится, что друг без друга никак нельзя, через год мы поженимся.

Но тут... Оказалось, что грибоедовский Чацкий был не совсем прав, обронив бессмертную фразу: «И тот скажи любви конец, кто на три года вдаль уедет». Но ошибся он только в сроках: на исходе восьмого месяца расставания его любимая развелась с мужем и... вышла за другого.

И тут Серёжа начал как-то рассыпаться. Возникли и неожиданно участились сердечные приступы. Два раза его помещали в больницу. Кажется, помогло. Но однажды он пришёл на кафедру, сел за компьютер и потерял сознание. Когда пришла «Скорая», жизнь уже покинула его.

На отпевании теснившиеся в небольшой кладбищенской часовне студенты тихо молились Богу и думали о несбывшихся надеждах своего преподавателя.

КАША-СЛИВУХА

В первом военном августе дедушка собрался ехать на лошади с ночёвкой косить отаву — траву, снова отросшую после первого укуса. Я вопросительно поглядел на него. Тот, угадав мой немой вопрос, подумал и сказал:

— Ну ладно. Собирайся.

Я, шестилетний малец, был необыкновенно рад и побежал сообщить новость моей маме. Она не возражала, только спросила у дедушки:

— А что дать вам с собой из еды?

Дедушка усмехнулся:

Не суетись, Таня! Бабка всё, что надо, положит. Не останется мой внук голодным.

...И вот дедушка закончил последний рядок, вытер мокрую косу травой и принялся разводить костерок. Над огнём приспособил котелок, в который влил ключевую воду, обнаруженную неподалёку от места, где мы остановились. Потом положил в него пшено, немного картошки и небольшой кусок сала. Я не заметил, в каких пропорциях это делалось и как это делалось. Помню только одно — тот божественный вкус, который оставляла во рту каждая ложка каши.

— Как же хорошо, дедушка! — едва смог вымолвить я, когда котелок опустел.

— Каша-сливуха! На вольном воздухе сварена, с дымком, — гордо сказал дедушка. — Запомни, внучок.

А потом добавил:

— Я-то кухарь некудышный. А вот попробовал бы ты кашу у специалистов этого дела, язык бы проглотил.

...Минуло более двадцати лет. И я, будучи уже в аспирантуре, снова услышал (увы, только услышал!) о сливухе. Приятель привёз меня к себе в Павловск, и один старик принялся мне рассказывать об «обнаковениях», которые продолжают жить в их маленьком городке:

— А ещё, слышь, один раз в году, в конце июня, собираются мужики и бабы, кому шестьде-

сят лет и больше, когда они уже чувствуют себя братьями и сёстрами, не шастают парами по кустам, значит, и выезжают на луг кашу варить. Разводят костёр, варят кашу, вспоминают то-сё и всю ночь поют. Красота!

— А каша... каша какая? Сливуха?

— Она родимая.

На том бы и закончилось знакомство со сливухой у меня, теперь уже городского жителя. Но судьбы людские неисповедимы. В самом начале восьмидесятых пригласил нас с профессором Распоповым в Нижний Карачан мой давний приятель, только-только назначенный из председателей колхоза председателем райисполкома Грибановки. Прислал за нами машину, и вот мы на месте, которое я покинул много лет назад.

— Вот что, ребята, — сказал хозяин. — Завтра с утра поедем на Хопёр. Место там обустроено на пять. Неделю назад приезжала делегация из Чехословакии. И вот мы выкосили на берегу реки траву, повалили огромное дерево, из толстой части ствола соорудили стол, метра полтора по диаметру будет, а из тонкой напилили чурбачки, на манер табуреток.

Но когда машина наша приехала в нужное место, Анатолий Иванович, озираясь, недоумённо спросил шофёра:

— И куда же ты нас завёз, Петрович? Где стол? Где табуретки? Ведь их никакой возможности нет вывезти отсюда: машина грузовая ни за что тут не пройдёт.

Шофёр подошёл к берегу Хопра, который протекал метрах в пяти от нашей полянки, и сказал:

— А вот и дорога, по которой увезли «мебель». Скатали стол и табуретки в речку и доставили водой в нужное место. А там погрузили на машину и поминай как звали!

Подивившись находчивости наших мужиков, мы расположились на расстеленной плащ-палатке, и вскоре перед нами появились запотевшие бутылки водки, разные разности на закуску и тройная уха. Уха была отменная, ведро её мы быстро выхлебали, чуть на донышке осталось. А потом подали кашу-сливуху, над которой поодаль возились два мужика, приехавших на другой машине. Мельком я заметил какую-то необыкновенную железную печь без верха и трубы, аккуратно напиленные берёзовые дрова, бак с ключевой водой и толстенную посудину из чугуна, но не придал этому значения. А ведь они были важны, ещё как важны, позднее понял я.

Распопов вздумал было отказаться:

— Куда уж тут после ухи? Да и что я каши не видел? В детстве её каждый Божий день подавали на стол.

Но ему посоветовали:

— А ты попробуй, Игорь Павлович, попробуй.

Он попробовал, попробовали мы. Дальше случилось непредставимое. Тройная уха, дорогие колбасы, мясо, овощи и фрукты — всё было забыто. И вот мы доскрёбываем последние крошки каши.

— Да-а-а..., — потрясённо вымолвили мы, следуя примеру всех русских людей, когда они не находят нужных слов, чтобы выразить восхищение.

...С той далёкой поры я много ездил по Земле, многое видел. Помню удивительный плов, приготовленный на поляне рядом с главным корпусом университета в Ташкенте, помню нежнейшие шашлыки, над которыми колдовали и гомонили пятеро кавказцев в Махачкале, помню невероятно вкусные, хотя и экзотические блюда в китайском Чунцине, помню великолепную паэлью в испанской Гранаде. Но когда я вспоминаю кашу-сливуху, сваренную специалистами, как говаривал мой дедушка, у меня снова и снова вырывается:

— Да-а-а...

«НЕ ХОДИТЕ, ДЕВКИ, В ЗАМУЖ!»

Бездетные Стенька и Кондрат Самофаловы жили как кошка с собакой. В шесть утра и даже раньше у них вспыхивали скандалы, к которым внимательно прислушивались соседи. Инициатором их обычно была Стенька. Она упрекала мужа в том и в этом, выговаривала ему за то, что он сделал вот так, а надо было иначе. Кондрат яростно отбивался. Но вскоре сообразил: пора брать дело в свои руки. И вот, только проснувшись, он спешил отметить явные недоработки жены. Теперь уж отбиваться приходилось Стеньке.

Как это ни странно, скандалы пошли на пользу. Кондрат, хоть и отбрехивался, всё же мотал на ус: прислушивался к словам жены и на справедливые её замечания пытался отреагировать — поправить, что он плохо сделал. А Стенька, в свою очередь, поступала так же. И по истечении времени дом Самофаловых превратился в игрушку. Он выделялся аккуратно побеленными стенами, покрашенной в ярко-зелёный цвет крышей и огромным палисадником, в котором Самофаловы посадили несколько деревьев и кустов. Внутри избы было чисто, нигде не пылинки.

Но и в ухоженном доме продолжали бушевать страсти, и длилось это вплоть до того, когда Кондрата призвали в армию: началась война. Уже в первый год её Кондрата убили на фронте, и Стенька почувствовала себя вольной как ветер. Ей было уже за тридцать, но она стала ходить на «улицу» — вечерние собрания молодёжи, встраивалась в рядок с девушками намного моложе её и распевала под балалайку, когда приходила её очередь, «матаню». Начинала она обычно с несколько переиначенной старой частушки. Её первая строка звучала так: «Не ходите, девки, в замуж!» Слова «в замуж» Стенька выговаривала особо тщательно, словно не советовала девкам вступать в какое-то проклятое пространство, где толпятся беды — одна горше другой. Потом следовали частушки фривольного содержания, с прозрачными намёками, и, наконец, заключительным аккордом звучали «произведения», в изобилии украшенные матерными словами.

Немногочисленные в войну мужики (инва-

лиды, рано повзрослевшие парни, а то и просто приезжие), слушая это, оживлялись и тянулись к Стеньке. Всех их она привечала, не чинясь. Понятно, случаи нарушения супружеской верности женщинами-солдатками в войну были не редкость. Но сельские бабы грешили тайком, стыдась этого. А тут... И иногда та или иная другая из сельчанок говаривала Стеньке:

— Ты бы как-то поаккуратнее...

Стенька тут же вскидывалась:

— Почему же это поаккуратнее? У меня открытый всем дом любви!

Оппонентка сразу же замолкала.

Так длилось несколько лет. После войны «дом любви» стал ветшать прямо на глазах: осыпалась побелка со стен, а потом с них стали отваливаться куски глины, в разных местах прохудилась облупившаяся крыша, похилился и рухнул заборчик, сооружённый умелыми руками Кондрата. И одновременно с этим в сорок лет как-то внезапно Стенька постарела. Любовников у неё резко уменьшилось, а затем они и вовсе исчезли.

Стенька осталась одна-одинёшенька. Она не показывалась обычно на улице и только вечером, когда прогонят коров, выбредала из дому и присаживалась на завалянку. Проходили люди, здоровались со Стенькой, но разговоры с ней не затевали. Иной раз Стенька сама останавливала идущих мимо её двора мужиков:

— Куда спешишь-то, родимый? Зашёл бы, покурить. Хотя мужицким духом повеет в избе.

Мужики обычно отнекивались. И только редкие из них отваживались войти в избу. Их встречали серые, давно не беленные стены, немытые окна, там и сям расставленные тазы и прочие ёмкости, куда стекала из прохудившейся крыши вода. А на стенах висели в рамках увеличенные фотографии её покойного мужа (штук, наверно, шесть-семь) и вещи Кондрата: его праздничный костюм, рубашки, штаны, выдавший виды ватник. И ошарашенные мужики, даже не докурив зажжённые сигарки, спешили покинуть этот странный дом.

ШЕСТЬ КРИНОК С МОЛОКОМ

Рая закончила педучилище, вышла замуж и уехала вместе с мужем, военным лётчиком, в Карпаты. Там они жили в небольшой западноукраинской деревеньке, расположенной неподалёку от их аэродрома, в пустующих домах ссыльных, бдовавших теперь где-то в Сибири.

Детей Макины ещё не завели, и Рае решительно нечем было занять себя. Ну, постирнёшь там что-нибудь из носильных вещей или постельное бельё. Но разве это работа? А вот ежедневно стряпать ей не пришлось. Завтракать, обедать и ужинать они ходили в столовую аэродрома, потому что никаких продуктов в военторге не было, кроме слежавшихся круп, посеревших от времени макарон и завезённых невесть когда пачек маргарина, на которые и смотреть было тошно. Рая поначалу рассчитыва-

ла что-нибудь прикупить у местных: мужу платили хорошо, и с деньгами проблем не возникало. Но надежды её не сбылись. Люди в селе какие-то странные — мрачные и замкнутые. На улице даже не показывались, и село казалось вымершим. На стук в дверь выходили хозяин или хозяйка, молча выслушивали, что говорят им русские и, пробормотав несколько слов на непонятном западноукраинском диалекте, захлопывали дверь.

От сводящего с ума безделья Рая пошла работать в школу — учительницей во второй класс. Дети были под стать родителям — нелюдимые и молчаливые. Но Рае, доброму и весёлому человеку, к концу месяца удалось разговорить их. Более того, мальчики и девочки, так непохожие на русских ребятишек, полюбили её.

Заполненные школьными делами дни побежали веселее, и Рая не заметила даже, как наступила весна. Однажды, закончив уроки, она выпустила ребятишек по домам, но, случайно выглянув из окна, заметила, что некоторые из них, сбившись стайкой, неподвижно стоят неподалёку от школы. Обеспокоенная, она подошла к ним и спросила:

— Что же вы, ребятки, не идёте домой?

Дети молчали, потом один несмело сказал:

— Боимся.

Бояться было чего. Накануне вечером реки вскрылись, и лощина, где летом протекал жалкий ручеек, была заполнена водой, по которой плыли какие-то сучья, обрезки досок и прочий хлам, а мостик, который вёл на тот берег, откуда и приходили шесть ребятишек, исчез из виду. Рая несколько раз крикнула: «Эй, люди!», надеясь, что её услышат жители близлежащих домов, но люди не появлялись.

— Это надо ж так! — подумала Рая. — Наши русские бабы подняли бы такой шум-гам и махом расхватали бы детишек, не глядя, чей он — свой или чужой. А тут...

Но делать что-то надо было: вода всё прибывала. Мелькнула мысль: надо устроить детей на ночь в школу. Но она отринула её. Шесть одеялок, шесть подушек, сколько-то там простынь. Их не найти. Да и кроватей в школе нет. А потом проблемы с ужином и завтраком. И Рая решилась. Она сорвала с головы полушало, подпоясалась им на манер солдатского ремня и присела на корточки перед ближайшей девчушкой:

— Залезай мне на спину, держись за мои плечи, ножки подогни, а то замочишь.

Та быстро заняла нужную позицию, и Рая вошла в ручей. У, какая холоднющая вода! Она наполнила сначала Раины ботики, потом поднялась до колен и наконец остановилась чуть ниже пояса. Ну, Райка, скорее, скорее, подстегнула она себя, только смотри не споткнись. Не хватало ещё растянуться поперёк ручья, да ещё с ребёнком.

Шесть рейсов туда-обратно Рая совершила на одном дыхании. Оказавшись на родном берегу, она постояла, подождала, пока последний мальчик не скрылся за поворотом, и, почувствовав, как

всё тело наливается тяжестью, медленно побрела домой.

Первым делом Рая переоделась во всё сухое, потом подбросила в печь дровишек, и, когда они разгорелись, села на скамеечку перед открытой топкой, жадно лоя каждой порой кожи прихлынувшее тепло. Вскоре прибежал с аэродрома муж, извещённый сослуживцем о происшествии. Он порылся в немудрёных семейных пожитках, достал бутылку водки, налил до краёв гранёный стакан и протянул Рае:

— Пей!

Рая попробовала отказаться:

— Коля, но я же никогда...

Муж строго приказал:

— Кому говорят, пей! И чтоб до дна!

Зажмурясь, она лихо выглотала стакан, с непривычки сразу захмелела и вдруг задремала. Рая не помнила, как муж перенёс её на кровать, и открыла глаза только в шесть следующего утра. Пошевелила руками-ногами. Вроде ничего. Простуды нет. Поразмышляла, в чём причина. Помогла, может, водка, а может, как говорят мужики, при напряге нервов никакая простуда не пристаёт. Огляделась. Окна запотели, и сквозь них ничего не было видно. Толкнула наружную дверь — посмотреть, что там и как. Солнце ещё не встало, и было темно. Только вокруг, на улице, серели сугробы подтаявшего снега. А здесь, на крыльце, виднелись неясные очертания каких-то небольших предметов. Рая нагнулась и присмотрелась. Перед ней стояли шесть выстроенных в рядок кринок с молоком.

ЧТО-ТО СЛОМАЛОСЬ

После окончания МГУ его направили работать в небольшой пединститут. Это был образованный и безусловно талантливый лингвист: знал три языка, студенты буквально боготворили его за интересные лекции, а коллеги с нетерпением ожидали появления в центральных изданиях его статей, написанных ярко, живо, нетривиально. Поговаривали, что он скоро переедет в Москву — в Институт русского языка.

Я познакомился с ним уже после того, как защитил кандидатскую диссертацию. Однажды профессор, заведовавшая кафедрой, где я работал, предложила мне:

— Не хотите ли вы, Анатолий Михайлович, встретить гостя? Он введён в состав нашего совета по защите диссертаций. Завтра — заседание, и ему на этом заседании надо быть. Не пожалеете. Очень одарённый учёный.

Я с радостью согласился. И вот из вагона показался высокий, стройный человек с ясными, умными глазами, этак года на три-четыре старше меня. Но я был разочарован: все мои попытки завязать с ним беседу были тщетными. Он молчал, а потом озабоченно спросил, где находится Чижовка. Это бывшая стрелецкая слобода, служившая в 50–60-е годы приютом для бандитов, была известна каждо-

му. Я удивился (какие там могут быть дела у интеллигентного человека?), но объяснил ему, что она расположена недалеко от филфака — в пяти-шести остановках автобуса.

Следующим утром на заседание совета он не явился. Позвонили в гостиницу, там его тоже не оказалось, даже ночевать не приходил. Выяснилось всё через три дня. Он был арестован на Чижовке — в квартире, где гужевались освобождённые из заключения воры, среди которых было много почитателей противоестественных половых отношений. Его сначала встретили там с распростёртыми объятьями, а потом избили: известно какое отношение у воров к пассивным гомикам. Но это было бы ещё ничего, не случись на квартире убийства. Не знаю, за что судили доцента — то ли за гомосексуализм, то ли за что-то ещё, но дали два года. Отсидев срок, он возвратился по месту своей последней прописки. В пединститут его, понятно, не приняли, перебивался кое-как, пока московские знакомые не устроили его в какой-то маленький пединститут в райцентре (кажется, в Стерлитамаке), где он и осел.

Следующая встреча у меня с ним произошла лет через десять. После моего выступления на одной из московских конференций он подошёл ко мне и сказал:

— Я прочитал вашу книгу. Хорошая идея и хорошее исполнение.

Я поблагодарил и спросил его, как ему живётся. Ответил коротко: «Ничего» — и отошёл. И мы расстались навсегда. Стороной, однако, до меня доходили слухи, что лекции его продолжают оставаться интересными. А вот статьи в центральных изданиях перестали появляться. Когда же мне попались какие-то местные «Учёные записки», я поразился: труды моего давнего знакомого были тусклым перепевом давно известных истин. Что-то, видимо, в душе его сломалось: вышла из строя какая-то кнопка, ответственная за творчество.

В семьдесят лет одинокий «холодный» профессор ушёл на пенсию. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. А в моей памяти он сохраняется таким же, каким я увидел его в первый раз — молодым, стройным, с ясными глазами.

ЛЕКЦИЯ

Гениальные труды Иосифа Виссарионовича Сталина по языкознанию, как и все работы великого вождя, требовали популяризации и изучения. Поэтому сразу после их публикации на страницах «Правды» они были напечатаны миллионным тиражом в виде брошюр, чтобы быть доступными любому и каждому советскому человеку. А многие более или менее образованные люди (члены партии в первую очередь) получили распоряжение подготовить лекции с изложением великих сталинских идей и были посланы в народ — на заводы и фабрики, в колхозы и прочие производственные объединения.

Доценту филологического факультета университета С. Г. Лазутину выпала большая честь: ему было поручено прочитать такую лекцию перед сотрудниками областного комитета государственной безопасности. В нужное время Сергей Георгиевич сел в автомобиль, который специально прислали за ним, и вскоре оказался у парадного входа внушительного вида здания. Его встретили два представительных майора и провели в большой актовом зале, который был полон людей в мундирах. Полковник, сидевший в президиуме, скомандовал:

— Товарищи офицеры!

Те дружно встали, приветствуя лектора. Сергей Георгиевич подошёл к трибуне и, собравшись с духом, начал читать первые листки лекции, до мелочей согласованной с ответственными лицами. Слава богу, всё прошло без сучка и задоринки. Слушатели попались внимательные: в зале стояла тишина — такая, что казалось, пролети муха, её негромкое жужжание было бы воспринято как рёв трактора.

Полковник разрешил слушателям задавать вопросы. Капитан, сидевший в первых рядах, был краток:

— Товарищ лектор, а кого и когда брать будем?

Сергей Георгиевич от неожиданности до того растерялся, что даже потерял дар речи. Наконец, пробормотал:

— Э... я... не знаю.

Были ещё два вопроса, но они тоже касались не содержания сталинских работ, а конкретных действий органов в сложившейся политической ситуации. В ответ Сергей Георгиевич потерянно молчал, лишь поминутно, как это бывало с ним в минуты волнения, поправляя на носу очки.

Полковник нахмурил брови. Ну, удружил этот растяпа доцент. Не мог он, что ли, скромно сослаться на ожидаемые решения руководящих инстанций. А то знай молчит, как партизан на допросе. И капитан тоже хорош: нашёл, к кому обращаться с таким вопросом. Надо с ним будет разобраться. Потом. Но его хотя бы понять можно. Полковник и сам не терпел неопределённости. А тут полная неясность, что делать с этими... ну, которые позволяют себе отклоняться от сталинских установок в языкознании. Весь опыт предшествующей работы свидетельствовал: их надо незамедлительно изолировать от общества. Но мало ли что... Может, позже. Распоряжений от руководящих товарищей пока не поступало. А посему...

Полковник встал, улыбнулся залу и доброжелательно произнёс:

— Ну что ж. Если вопросов больше нет, давайте поблагодарим лектора за прекрасное изложение сталинских взглядов и отпустим его к делам текущим. А потом уж сами подумаем, как нам быть дальше.

Раздались дружные аплодисменты. По знаку полковника один из младших офицеров вывел Сергея Георгиевича из зала и направился к чёрному ходу. Вскоре доцент оказался на улице. Домой ему

предстояло добираться на своих двоих. Хорошо, что недалеко было.

ЧЕТЫРЕ ТРОЙКИ

У природы, как известно, нет плохой погоды, зато есть очень и очень хорошая... В этот день наш класс, занимавшийся во вторую смену, после шестого урока отпустили уже затемно. Я вышел в коридор и неожиданно увидел Раю, бывшую соседку из Николаевки.

— А я, Толя, полчаса тебя уже дожидаюсь, — сказала она.

Выяснилось, что в Анну она приехала по важному делу. Когда мои старики переезжали из Николаевки в Мосоловку, они непременно хотели взять с собой кота. Но мама буквально с ног сбилась, а кота не нашла. Машина с нашим скарбом не могла ждать, и они, погоревав, уехали без кота. А после до них стали доходить слухи, что кот на нашей прежней квартире по ночам истошно орёт, тоскуя по своим хозяевам. И вот, спустя полгода, Рае удалось кота поймать. Она решила: «Отвезу-ка я его к Толику в Анну, а он уж найдёт способ переправить его в Мосоловку».

Я взял у Раи котомку с котом и направился на квартиру, которую снимал во время учёбы в восьмом классе. На квартире я выпустил Васюку из котомки. Убегать он не убегал, но время от времени издавал такие стоны, что тошно становилось. Я посмотрел в встревоженные глаза хозяйки и понял: оставлять его тут, где в одной комнате ютились пять человек, ни в коем случае нельзя. Выпросив у хозяйки какое-то старое тряпье, я закутал в него кота и встал на лыжи. Небось, девять вёрст до Мосоловки не бог весть что!

И мы отправились в путь. Морозец был небольшой — градусов восемь — десять. Снег приятно поскрипывал под лыжами. А вокруг было светлым-светло: на небе ярко светила полная луна. Васюка пригрелся и довольно мурчал у меня за спиной. И я от нечего делать стал готовиться к урокам, приводя в порядок объяснения учителей.

Но тут меня отвлекли появившиеся неподалёку от дороги три волка: наверное, семейная пара с повзрослевшим волчонком. Я, понятно, перепугался. Выставил лыжную палку на манер ружья и внушительно (во всяком случае, так казалось мне) крикнул: «Пошли вон!» Неизвестно, что испугнуло их — то ли моё неуклюжее представление, то ли что-то другое, но вскоре звери исчезли из глаз. Потом я заметил трёх лис, прошмыгнувших поочередно мимо меня в одном и том же направлении. Я заинтересовался (извинительно: ведь я в то время был отроком пятнадцати лет), сошёл с дороги и обнаружил цель лисьих устремлений — колхозный курятник, находившийся неподалёку от Мосоловки. Заметил я и какие-то бугорки, чётко выделявшиеся на ослепительно белом снегу. Копнул палкой, а в них куриные тушки, заготовленные лисицами впрок. Насчитал их

десять. Затем опомнился: какое мне дело до охотничьих забот лис? Я вернулся на дорогу и вскоре уже был перед домом стариков. Мне обрадовались, но больше всего обрадовался Васька, оказавшись в знакомом окружении.

Утром я так же, на лыжах, отправился в Анну. Времени заглянуть в учебники у меня не оставалось, а тут, как на грех, меня спрашивали на всех пяти уроках. Первым уроком была геометрия. Наша математичка Елена Владимировна разделила мелом доску на части и вызвала тройку ребят, среди которых был и я, для доказательства новой теоремы, о которой мы до сих пор не ведали. К середине урока, когда Елена Владимировна закончила проверку домашних заданий, мы справились с теоремой, хотя и доказали её по-разному, иной раз с ненужными длиннотами. Всем троим нам поставили пятёрки. А по остальным предметам в классном журнале напротив моей фамилии выросли четыре жирные тройки.

Наша классная руководительница всполошилась (всё-таки четыре тройки за один день у круглого отличника — это вам не хухры-мухры) и участливо спросила:

— Что с тобой, Толя?

Я беззаботно (уж больше-то ночных пробежек с котом не предвиделось) ответил ей:

— Всё в порядке, Мария Николаевна! Просто у меня не было настроения учить уроки.

ПОСЛУШАНАЯ МОТЯ

Фроська, тридцатилетняя вдова, могла бы о себе сказать словами анекдота: «Характер у меня замечательный, только вот у окружающих нервы слабые». Целыми днями она корила подвернувшихся под руку баб и мужиков за то, что они сделали так, а надо бы вот так, в избобилии рассыпала непрошенные советы, без устали гоняла ни в чём не повинных ребятишек, оказавшихся около её дома. И сельчане научились остерегаться её как чумы.

Но Фроська была чудо как хороша: ладная фигура, чёрные, с какой-то просинью волосы и щёки как румяные яблочки. Нет, она не красила их, такими они были у неё с детства. И деревенские мужики иногда западали на неё. На пятом десятке, настигнутый неумолимым правилом: «Седина в голову, бес в ребро», запал на неё и Тарас.

Это был работающий мужик, со слабой склонностью к зелёному змию. Его жена Мотя, незаметная серая мышка, обыкновенно молчала и во всём соглашалась с мужем. Но её согласие было как-то необыкновенно к месту. Возвращается, скажем, он домой сильно навеселе (слава богу, нечасто), поищет какой-нибудь повод (а то и без повода) и начинает бить посуду. Митя по обыкновению молчит, только зорко следит за мужем. Возьмётся он за тарелку, она тут же — за другую. Грохнет её об пол, а она — то же самое. И так раза три. Потом Тарас задумывается и говорит:

— Мотя, этак мы с тобой всю посуду перебьём!

А Мотя со всем согласна. Она швырнёт последнюю тарелку, вне очереди, и бодро заявляет:

— Ничего, Тарас, мы с тобой ещё наживём.

И скандал сам собой затихает.

Вот приходит раз домой Тарас и заявляет:

— Это... Мотя, я уйду от тебя. К Фроське.

Мотя молчит, а Тарас добавляет:

— Скарб делить мы не будем. Я уйду, только и делов.

Мотя, во всём согласная с мужем, роняет:

— Как скажешь, Тарас.

Дня четыре молодожёны жили тихо-тихо, видно, притирались друг к другу. А на пятый из избы Фроськи стали выплёскиваться на улицу скандалы, день ото дня громче. И вскоре сельчане толпами повалили к избе, восхищённые ораторскими находками с обеих сторон. Так продолжалось неделю. А потом Тарас пришел к себе домой:

— Это... Мотя, тошно мне стало.

Мотя привычно молчала. Он ни к селу ни к городу радостно пошутил:

— А как мы с тобой посуду-то били! Век не забуду!

Потом решительно сказал:

— Возвратиться я решил. Не прогонишь?

Мотя только и сказала:

— Хозяин — барин. Ты дом этот строил, а я тебе лишь помогала.

Тарас как ни в чём не бывало прошёл в супружескую спальню, разделся и лёг спать на кровать.

Село встретило возвращение блудного сына в родные пенаты благосклонно. А Фроська длинными ночами всё раздумывала: «И что он нашёл в этой драной кошке?»

НАРОДНЫЙ СУД

Как и всем нам, мне случается смотреть по телевизору передачи, в которых обсуждаются проблемы повышения качества выпускаемой продукции. Не знаю, зачем это я делаю. Мало того, что от эмоциональных выкриков толпы людей, собравшихся в студии, у меня начинается немилосердно болеть голова. Самое же главное — всякий раз я снова убеждаюсь: несмотря на глубокомысленные советы, прозвучавшие здесь, завтра всё останется таким же, как и сегодня. А мой приятель настроен ещё более пессимистично:

— Ну, что тут поделаешь? С жуликами бороться бесполезно. Особенно с нашими, отечественными.

После одной из таких передач я задумался: а что же действительно делать? И вот словно в ответ на этот вопрос в моей памяти всплыло полузабытое воспоминание тридцатилетней давности.

Как-то в Австрии, где я в середине 80-х годов работал приглашённым профессором Зальцбургского университета, мы с моим местным коллегой договаривались о времени нашей очередной встречи (не помню уже по какому поводу).

— Может быть, завтра в семь вечера? — предложил я.

Он с недоумением посмотрел на меня:

— Завтра в семь вся Австрия будет сидеть у телевизоров. Народный суд...

Видя, что я не понимаю его, он спохватился:

— Забыл, что вы иностранец. Дело в том... А впрочем, будет лучше, если о народном суде расскажет ваша хозяйка.

Моя квартирная хозяйка была русской по национальности, но давно уже вышла замуж за австрийца и последние 45 лет прожила вдали от родины. Австрийские порядки она знала прекрасно и охотно просветила меня. Оказалось, что два-три раза в год телевидение устраивает слушание спорных дел в народном суде, заседания которого высвечиваются на домашних экранах. Суд этот коренным образом отличается от обычных официальных судов. Председательствует в нём хорошо известный в Австрии своей честностью человек. Дело ведут два народных (тоже неофициальных) адвоката. Публики в студии нет. Зато каждый австриец может принять участие в поисках истины: стоит лишь позвонить по одному из трёх телефонов, установленных в зале заседаний. Необычны и дела, которые рассматриваются в народном суде. В этом я смог убедиться, когда на следующий день, в семь вечера, уселся перед телевизором.

Слушалось дело, в котором истцами выступали три пенсионера, недовольные тем, что один фермер вздумал кормить своих коров силосом. Аргументация их была простой: наши деды и прадеды пускали на корм скоту только альпийское сено. Поэтому австрийское молоко стало лучшим в мире. А силосное молоко не такое вкусное.

Предоставили слово фермеру. Тот был краток:

— Я живу в свободной стране, и никто не должен мне указывать, чем кормить моих собственных коров.

Один из народных адвокатов возразил ему:

— Но ведь вы же не один живёте в свободной стране. Посмотрим, какова будет реакция ваших соотечественников.

И тут телефоны будто взорвались: трезвонили беспрерывно. Всех звонивших внимательно выслушали. Они, не сговариваясь, отвергли силос.

Другой адвокат обратился к невидимой ему аудитории:

— И, стало быть, вы, мои сограждане, не будете покупать молоко от коров, которых кормят силосом, хоть оно будет стоить дешевле? Или как?

Ответ был единодушным: нет, не будем.

Спросили фермера, как тот, свободный человек, относится к мнению таких же свободных австрийцев. Он попросил для раздумья пять минут, а по истечении их твёрдо заявил, что исключит из рациона силос.

Окончательное решение суда было категоричным: «силосное» молоко уничтожить (путём слива в канализацию), масло, изготовленное из этого молока, пустить на технические нужды. А контроль за исполнением решения суда возложили... Вы знаете — на кого? На хозяев продуктовых магазинов. Я

удивился, но моя хозяйка посмотрела на меня как на сумасшедшего:

— А на кого же ещё? Ведь они самые уязвимые в этой ситуации люди. Достаточно хоть малейшего нарушения в каком-либо магазине, как народные адвокаты тут же оповестят всех жителей Австрии. После такого сообщения те начнут старательно обходить стороной этот магазин, и — пожалуйста — разорение хозяину обеспечено!

...Передача закончилась, Австрия отхлынула от телевизоров и занялась обычными делами. Страна спокойна: путь невкусному молоку надёжно перекрыт. Оно никогда не появится на прилавках магазинов.

К СОЖАЛЕНИЮ, НЕ ВЫШЛО!

Сразу же после окончания конференции ко мне подошёл молодой человек, представился и сказал:

— Анатолий Михайлович, я не рискнул обратиться к профессору Распопову, поэтому расскажу о своих бедах вам. Сам не знаю как, я проспал нужную остановку и проснулся только много позже. И пока дожидался обратного поезда, то да сё, пропустил все доклады, в том числе и свой.

Я не понимал, каким ветром его занесло на проходящий через город поезд, когда есть прямой, почему проводник не разбудил его на нужной остановке, тем не менее посочувствовал бедолаге, вручил ему материалы конференции, подарил свою первую книжку. И на том мы расстались.

После этого события я встречал его несколько раз на различных конференциях. Он работал в одном из московских технических вузов на кафедре русского языка как иностранного. Это был какой-то неорганизованный юноша, то и дело попадавший в смешные ситуации, но, безусловно, талантливей. Как только он выходил за кафедру, всегдашняя его неуверенность куда-то испарялась, речь лилась плавно и свободно. Идеи у него были яркие, впечатляющие, и я ожидал, что он вскоре станет доктором. Но тут грянули страшные девяностые годы. Научная жизнь замерла, и я был несказанно удивлён, когда получил письмо от моего давнего знакомого. Тот писал, что был в Ленинграде, зашёл к знаменитому лингвисту. Тот получил мою только что вышедшую книгу и держал её, как разился мой корреспондент, «на почётном месте». В письме была высказана просьба: поскольку книгу не купить в магазинах, не смог бы я продать и выслать её ему. О чём речь? Я сделал на книге дарственную надпись, присовокупил примечание, что денег мне не нужно, упаковал и выслал по указанному адресу. Но странно: ни известия о том, что книга получена, ни благодарности за подарок я не получил.

Всё разъяснилось года через два. На одной, теперь уже ставшей редкостью, конференции я с трудом узнал его. Передо мной стоял сильно постаревший человек, одетый кое-как и без единого переднего зуба. Он сказал:

— Каюсь, не прочитал я вашу книгу. Некогда было. Жизнь стала невыносимая, пришлось переехать в Новгород. У меня двое детей, зарплату получаю грошовую. Чтобы прокормить их, тачаю сапоги.

Я изумился: где же он, лингвист, выучился этому нелёгкому ремеслу. Тот улыбнулся и пояснил:

— Подростком у деда. Не знаю, зачем это сделал. А оказалось, понимаете ли, нужное дело.

Несколько лет со дня этой встречи о нём не было ни слуху ни духу. Вдруг в начале нулевых годов получаю от него письмо. Печальное: «К сожалению, Анатолий Михайлович, из моих задумок ничего не вышло. Работу над докторской я забросил. Остаётся перепевать старые мотивы и ожидать пенсии. Прощайте!» Почему это произошло, я не знаю. Может быть, всему виной наша неустрашенная грешная жизнь. Но скорее всего, причина в нём самом — в его неорганизованности и безалаберности, которые долгие годы служили темой анекдотов, рассказываемых о нём в Москве.

СВИДАНИЕ С ИСКУССТВОМ НЕ СОСТОЯЛОСЬ

После окончания педтехникума моего двадцатилетнего отца послали учительствовать в глухомань — Щучёнский район, и он так на всю жизнь остался деревенским учителем. Работал в четырёх сёлах: в Чернавке и Александровке — до войны, в Николаевке и Мосоловке — после неё. В районных центрах бывал только однодневными наездами, а о городах уж нечего и говорить.

— Ну что же это такое? — жаловался он. — Пять раз ездил на заочные сессии учительского пединститута в Воронеж и ничего там не посмотрел. А в войну просидел два года в окопах под Сталинградом. И Сталинград-то я не видел: после ранения в госпитале лежал. И всё!

В шестьдесят лет отец ушёл на пенсию, и я перевёз его с матерью в Воронеж. Он радовался:

— Наконец-то похожу по музеям, выставкам, театрам. А то так и умру тёмным.

Но жизненные заботы рано состарили его. Он быстро уставал, часто болел. Какие там выставки и музеи! А через два года навалилась на него хворь, от которой он так и не оправился. Положили его в третью больницу. Мать постоянно присматривала за ним, даже на ночь оставалась в больнице, спала на какой-то скамейке. А я её изредка подменял. Иначе не получалось: работа.

Почти всё время он был без сознания. Иногда лежал тихо, как будто спал, иногда в бреду вёл бесконечные разговоры. В невидимых собеседниках у него были мать, давно умерший брат — дядя Федя, наш бывший деревенский сосед Тихон Васильевич и какие-то незнакомые мне люди. А однажды я заметил, что он говорит со мной. Только меня, своего собеседника, воспринимал неодинаково: его помутившемуся сознанию я представлял то как се-

ми-восьмилетний мальчик, то как юноша студенческого возраста, то как сорокалетний мужчина, каким я был во время его болезни. Но логическая связь в его вроде бы бессвязных рассказах была...

— Ты вот всё время пристаёшь, сынок: расскажи да расскажи про войну. А что о ней рассказывать-то? Холод, грязь там, кругом раненые, мёртвые. Еда плохая, и то раз в день. А каково это спать зимой в ватнике или даже в шинёлке на промёрзшем лапнике?..

Неожиданно последовало невразумительное бормотание, потом речь отца приобрела необходимую ясность, хотя чувствовался пропуск какого-то куска рассказа.

— А один раз к нам в госпиталь приехал Отто Юльевич Шмидт. Ну, ты его знаешь. В школе вам, наверное, говорили, что это был руководитель на «Челюскине». Да... он много чего рассказывал... Как тонул корабль, как жили на льдине, как спасали их. Всех спасли. Только один погиб. Когда высаживались на лёд, помощник механика замешкался. Ему кричат: «Прыгай, прыгай!» А он не прыгает. Так и ушёл под воду...

— Конечно, нам крутили в госпитале разные картины. Больше про Чапаева, про броненосец «Потёмкин». Но мы ждали трофейные фильмы. Они были американские, а нам говорили трофейные, взяли здесь же, под Сталинградом. Один мне больше всего понравился — «Сестра его двоюродного». Играет там Дина Дурбин. По виду она не похожа на американку, смахивает на русскую. Нам говорили, что у неё русские корни. Я его три раза смотрел. Наши-то всё про борьбу, про борьбу. А американские — про людей. А ещё я задумался, сынок, до чего же трудная у актёров работа. Это ж надо так переиначиться, чтобы совершенно чужого человека изображать! Какой дар Божий для этого надо иметь...

Снова невнятное бормотание, снова ясная речь, только она обращена ко мне — студенту.

— А где же я буду, Толя, ночевать? Там же, в твоём общежитии? А кровать-то свободна? Ну, тогда ладно. Но неловко как-то поздно приходить. Зато какой вечер был! Буду матери рассказывать, что за штуки проделывал этот Карандаш со своей маленькой собачкой, не поверит! А уж Ирина Бугримова! Как командует львами! И не страшно ей. Любому такому её только на перекус хватит. И акробаты Кадыр-Гуляма черт-те что выделявали. Хорошо, что ты сводил меня в цирк, Толя. Запомню: циркшапито. В Первомайском сквере...

Большая пауза. А через минут десять отец начинает беседовать со мной, уже теперешним, только невидимым.

— Тебе уже, Толя, говорили, что учитель я был вроде неплохой. Детей любил, старался вложить им в головы, что знал. Да что я знал-то? Ну, книги там нужные прочитал, конечно, не сколько ты. А когда мне было этим заниматься? В войну и после войны на учительскую зарплату и нечего думать было прожить. Держали корову, овец, поросёнка. При-

дешь из школы, пообедаешь и тут же их обихаживать. А там надо готовиться к завтрашним урокам. Помню, что «Войну и мир» только за два года одолел... А когда строиться начали в Мосоловке, стало хоть караул кричи. Скот продали, а денег всё нет. И материал закончился. Я всячески выворачивался, исхудал весь. Веришь, штаны с поясницы спадали. Мать какие-то лямки сгондобила, на манер детских помочей. Стыдно, а носить приходилось. А кроме книг я ничего и не знаю. Видел трофейные фильмы в госпитале, один раз с тобой в цирке был. И всё! И вот такие деревенские учителя, мои сверстники, были все до единого бедолаги дремучие. Ну, в райцентрах и городах иное дело. Там полегче было. Хотя и там всякие были учителя...

— А ты, Толя, не забыл, как говорил ты, устроить мне свидание с искусством — сводить в театр? Спектакли по телевизору я, конечно, видел, но это другое дело. Тут перед тобой актёры — живые люди. А может, и в филармонию попадём? Интересно мне: не зря, я думаю, люди там два часа сидят и всё слушают, слушают. Не забудь, Толя!

Я ничего не забыл. Но свидание с искусством не состоялось. На пятый день отец в больнице умер.

ДИГАРКА

Сестра отца — тётя Дуня — умирала. Она была без сознания, но говорила, говорила, говорила. По её несвязным словам угадывалось: в её голове ожидают какие-то события, которые движутся необычно — от настоящего к истокам жизни. Пробормотав наконец несколько загадочных слов «Дига-дыга, дига-дыга», она навсегда ушла из этого мира.

Всё разъяснилось на поминках. Проститься с покойницей пришли немногие, зато среди них оказались две её деревенские сверстницы. Они-то мне рассказали, что ещё в люльке Дуня смешно сучила ножками и радостно приговаривала: «Дига-дыга, дига-дыга». За это сельчане на всю жизнь присвоили ей прозвище — Дигарка.

Выросла Дигарка в мать малявочкою, но зато была шустрая, работящая и — главное — красивая. Её рано, в восемнадцать лет, выдали замуж. Через год мужа призвали в армию — началась Первая мировая война. На фронте муж погиб, оставив её с дочуркой Парашей на руках. Работала так, что из глаз искры сыпались: сама пахала, сеяла, жала, вязала снопы, молотила. А ещё ухаживала за скотом. И поэтому не обнищала. Себя держала в строгости. И однажды к ней пришёл Захар, сын справного мужика, влюбившийся в Дигарку ещё до её замужества. Без шутки сказал:

— А не пора ли, Дуня, тебе переезжать ко мне?

Сыграли свадьбу. И хотя родители Захара вскорее умерли, семья была немаленькою: двое супругов, трое детей и приёмш — сын покойных соседей. У него были, как говорят, не все дома, но он был ласков, послушен, работящ.

Дожили в трудах и заботах до 1929 года, когда крестьян начали сгонять в колхозы. Власти прице-

пились к Захару: «Держишь батрака!» Раскулачили, отобрали избу, скот, а самого посадили в тюрьму. Дигарка переселилась с детьми в опустевшую после коллективизацию конюшню соседа. Как они там жили, один бог ведает, но регулярно навещала мужа и носила ему передачи. Через полгода разобрались: приемыш никакой не батрак, а полноправный член семьи. Захара выпустили, но имущество не вернули: дом сломали, скотину порезали, а весь скарб и хозяйственный инвентарь разворовали. Захар занял денег, купил семье билеты на поезд и поехал в Воронеж.

Новую жизнь пришлось начинать с нуля. Захар поступил маляром на завод, а Дигарка уборщицей в какую-то контору. Жили восемь лет в бараке. Перетерпели войну: муж с сыном на фронте, Дигарка с дочерьми в деревне у отца. После войны пришлось снова поселиться на целых двадцать лет в бараке на Кольцовской: их жилой дом, где они перед войной получили квартиру, разбомбили немцы. Потом постепенно всё стало налаживаться, хотя у детей постоянно случались какие-то семейные нестыковки и даже скандалы. И вот в свои 73 года тётя Дуня умерла. Её семья, словно лишившись главной опоры, просто перестала существовать: поочередно умерли Захар и все трое детей. Внуки разъехались кто куда. И следов Дигарки в городе совершенно не осталось, а в родной Мосоловке её поминают только древние-древние старики.

УРОК В КУРИЛКЕ

Он закурил и неожиданно обратился ко мне:

— Как вы думаете, красива ли Мона Лиза у Леонардо да Винчи?

Я удивился (он был мне незнаком), но тут же догадался, что мы с ним, вероятно, были вместе на банкете, устроенном после ретроспективной выставки моего приятеля-художника, и спустились оба в курилку, где и оказались в одиночестве. Потом, помимо моей воли, в памяти у меня всплыло женское лицо со знаменитой картины итальянского мастера, и я ответил:

— Вроде, нет.

— Вот-вот. Но почему же тогда столько копий сломано, когда спорят об этом портрете?

Я неопределённо пожал плечами: у всех ведь на слуху десятки гипотез — незамысловатых и изощрённых — по этому поводу, и кто знает, какая из них реальна.

А он, словно отвечая на свой вопрос, продолжал:

— А между тем этот ларчик, как и все ларчики, открывается просто. Леонардо учился когда-то у известного художника и скульптора Андреа Верроккьо. Был такой представитель Тосканской школы живописи. Так вот, у того есть изваяние «Давид над поверженным Голиафом». И на лице Давида, представьте себе, играет полуулыбка! Эта полуулыбка осталась незамеченной. А у его ученика её заметили и оценили: перенесённая на женское

лицо, она заиграла и придала этому лицу прелесть и загадочность. Хотя и осталось это лицо не особенно красивым.

Пока я раздумывал над его словами, он задал очередной вопрос: у кого из русских живописцев есть всё та же полуулыбка?

Я пробормотал:

— Ну, так вот сразу и не скажешь.

— А может быть, вам помогут вот эти строки?

И он начал:

— Её глаза — как два тумана...

— Стойте, стойте! — не удержавшись, перебил его я. И, словно сами собой, полились строки любимого мной Н. Заболоцкого:

Ее глаза — как два тумана,

Полуулыбка, полуплач,

Её глаза — как два обмана,

Покрытых мглою неудач.

Соединенье двух загадок,

Полувосторг, полуйспуг,

Безумной нежности припадок,

Предвосхищенье смертных мук.

И я облегчённо заключил:

— Ну, конечно, конечно же: Рокотов, портрет Струйской.

Собеседник удовлетворённо улыбнулся. А я сбивчиво продолжал:

— Так что же получается? Рокотов, Леонардо, Верроккьо и... кто-то ещё? Может, какой-нибудь древнегреческий скульптор. Ну, там, в начале?..

— Не трудитесь напрасно, — возразил мой собеседник. — Один умный человек заметил: картины Рубенса создавала не только Рубенсова кисть. Рукой его водили многие-многие его предшественники, которым не удалось дорасти до Рубенса, но они были, были, и труды их не пропали даром.

Потом он замолчал, закурил новую сигарету и продолжил:

— И это всего лишь один пример. А вот вам другой. Вспомните: на иконах византийских мастеров голова Божьей матери наклонена так, что верхняя часть иконы оказывается заключена в некий полукруг. И вот у А. Рублёва в его «Троице» головы сидящих ангелов образуют всё тот же полукруг! Такие примеры замечены давным-давно, но из них часто делают неверный вывод. Многим представляется, что история живописи — прямая линия, ведущая из прошлого в настоящее. А ведь эта линия не прямая.

Опять молчание. Опять продолжение:

— Искусство, как признано, является не отображением, но изображением жизни. И каждый крупный художник нечто принимает в традиции, нечто отвергает и создает нечто принципиально новое. Вот, скажем, позаимствовал Леонардо у своего учителя полуулыбку, но... У Верроккьо она объяснена: Давид стоит над трупом Голиафа, который был уверен в победе. А у Моны Лизы объяснение полуулыбки отсутствует, и эта полуулыбка становится загадочной. А Рокотов наложил на полуулыбку Струйской, как заметил Н. Заболоцкий, ещё и по-

луплач, полувосторг, полуйспуг. То же самое у Андрея Рублёва. Он сохраняет полукруг византийцев, но заключённые в этом полукруге лица ангелов излучают какую-то неизбывную печаль. И потому-то, глядя на наскальные изображения наших далёких предков, картины Рафаэля, Веласкеса, передвижников (перечисляю, что называется, навскидку), замечаешь, что стоишь под мощным деревом. У него единый ствол, причудливо изогнутые ветви и необыкновенные листья — дубовые, кленовые, эвкалиптовые и всякие другие — такие, какими виделись они художникам разных поколений и разных направлений. И смотреть на это дерево — истинное наслаждение.

— Ну, а если вне дерева? — спросил я.

К счастью, он понял мой невразумительный вопрос:

— Вы хотите сказать, можно ли оказаться вне пределов этого дерева и, стало быть, вне пределов живописи, даже если живописью профессионально занимаешься? Можно. И оттуда ведут две дороги.

Первая дорога открывается тем, кто на чужих хлебах — хлебах традиции живёт. Ну, то есть художник примыкает к тому или иному авторитетному направлению и не привносит ничего нового. Такие художники различаются тем, что они отображают, а не тем, как они изображают. Практически это хорошие фотографии. Рано или поздно их забудут, а картины, которые они написали, будут пылиться на чердаках и в подвалах. Примеров тут не надо. Такая судьба ожидает многих и многих ныне живущих живописцев. Но от них какая-никакая польза есть. Эпигоны хороши тем, что они чётко очерчивают круг возможностей того или иного направления. Их, с позволения сказать, творчество является сигналом того, что это направление надо менять. Они как будто напоминают людям наблюдение Роберта Бёрнса: «Пирог, какой ты испекла вчера, хорош был лишь вчера».

А вот другая дорога... По ней идут те, кто вообще отвергает все доставшееся ему наследие — изобразительные приёмы, способы и прочее, что выработала живопись на своём трудном пути изображения жизни. Здесь без примера не обойтись. И он — перед вами: «Чёрный квадрат» Казимира Малевича. Я дорого бы дал, чтобы узнать, за какие грехи этого агронома по образованию, художника-любителя зачислили в великие. Впрочем, вру. Такие объяснения есть, но они напоминают ситуацию мультика «Бобик в гостях у Барбоса». Барбос поясняет ошарашенному бродячему псу Бобику, что такое часы, хотя сам этого не понимает: «Часы это... часы. Они бьют... Нужная, понимаешь, вещь». А между тем... Мне становится жалко апологетов Малевича. За что, им, спрашивается, зацепиться? За композицию, за цветовую игру? Их нет. Есть просто монохромное полотно квадратной формы. Не могут они сослаться на какие-то находки в передаче пейзажа, в портретном искусстве. Одна ужасающая простота. Проще детского рисунка на снегу. И она словно говорит впервые взявшему в руки

кисть: «В живописи таланта не надо. И учиться не надо».

— Так почему же такой ажиотаж вокруг Малевича, скажите мне на милость? — спросил я?

Собеседник сурово ответил словами французского историка М. Блока:

— Обман по своей природе обман же и рождает. Об этом обмане свидетельствует и всё остальное наследие Малевича: заурядный автопортрет, несколько десятков повторений квадрата и прочее, что он обозначил словом «супрематизм».

На прощанье, словно подводя итог сказанному, он добавил:

— Конечно же, мы говорили с вами о хорошо известных вещах. Но беда в том, что эти вещи известны только на уровне общих констатаций. А стоит лишь зайти разговору о фактах — конкретных произведениях, тут же эти общие констатации забываются, они сменяются другими, другие — третьими, и разговор превращается в шумный многоголосый базар. Прав, ох прав Чехов, когда писал, что у нас страшная бедность по части фактов и обилие всякого рода общих рассуждений. Но Антон Павлович это заметил ещё в конце XIX века, а вот и ныне там. Видно, это наша непреходящая национальная беда. А может, даже общечеловеческая.

Он грустно улыбнулся, погасил последнюю выкуренную сигарету и встал. Мне ничего не оставалось делать, как поблагодарить его за прекрасный урок и попрощаться.

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ НИКОЛАШИ

Мария Сергеевна ушла на пенсию и от нечего делать стала заниматься английским языком с шестилетним Николашей, жившим на одном этаже с ней. При каждой встрече мальчик придирчиво осматривал одежду и причёску своей учительницы и удовлетворённо констатировал:

— Красивенькая!

Но эта ритуальная сценка приказала долго жить после неожиданного открытия Николаши. Как-то однажды, когда они уже начали урок, позвонила подруга Марии Сергеевны, и та в ответ на какое-то предложение подруги сказала:

— Ну, мне в мои семьдесят лет поздно этим заниматься.

Закончив разговор, она посмотрела на Николашу. Тот сидел, закрыв лицо руками. Мария Сергеевна встревоженно спросила:

— Что с тобой, Николаша?

Он медленно отвёл руки и потрясённо вымолвил:

— Ох, какая же ты старая. Моя бабушка тоже старая. Но ты очень... очень старая!

В ОЖИДАНИИ РАДОСТИ

Я и Володя Дьяков после десятого класса поехали в Москву — поступать в Бауманку. Меня как золотого медалиста зачислили сразу, назначили сти-

пендию — намного большую, чем в других вузах, дали место в общежитии — в комнате на двоих. А Володе предстояли приёмные экзамены.

Когда я выходил из здания училища, то разговаривал со случившимся рядом студентом второго курса.

— Скажи, пожалуйста, что это за факультет такой — котлостроения, на который приняли меня?

— Котлы — это видимость одна. После первого курса двоечников и круглых троечников пустят на распыл — отчислят, значит, а хороших студентов распределят по семи номерным факультетам. Закончишь один из них, пошлют тебя за колючую проволоку.

Я недоуменно посмотрел на него:

— А почему же это за колючую проволоку?

— Ну, это так говорится. А на самом деле — в закрытые города, в которых занимаются секретными исследованиями по оборонке. Их даже и на карте нет.

Разговор страшно разволновал меня: ну на кой мне ляд всякая там колючая проволока, зачем мне эти закрытые города? И я твёрдо решил: забирать документы из училища, сегодня же еду в Воронеж и поступаю на филологический факультет местного университета. Такая вот резкая смена интересов.

Услышав о моём решении, Володя только хмыкнул и остался в Москве готовиться к экзаменам. А я, сидя ночью в вагоне, долго размышлял о Володе, пути-дороги с которым теперь у нас окончательно разошлись.

...Этот невысокий коренастый паренёк приглянулся мне с первых дней учёбы в восьмом классе. Оказалось, что Володя Дьяков живёт на одной улице со мной — прямо напротив квартиры, которую нашёл мне в Анне отец. Я уже строил планы, как мы будем вместе готовить уроки, гулять по огромному барскому парку. Да мало ли чем могут заниматься друзья, когда вернутся из школы? Но, как говорят гадалки на картах, эти хлопоты оказались пустыми. В школу и из школы мы ходили вместе, изредка перебрасывались ничего не значащими репликами. И всё! Вначале мне думалось, что я чем-то не устраиваю его. Но нет: ни с кем дружбы Володя не водил.

Так прошло три года. На прощание директор школы устроил нам роскошный выпускной бал и даже разрешил «оскоромиться»: на столах были выставлены бутылки красного вина, из которых каждому перепали рюмка-две. И вот тут-то молчун Володя удивил нас. Он развеселился и постоянно что-то говорил, говорил, говорил. Ребята над ним посмеивались, а я уловил в его словах страстное ожидание радости, которая где-то рядом, за порогом школы...

Вскоре в Воронеже до меня (уже студента!) дошло известие. Бауманку Володе пришлось покинуть сразу после первого письменного экзамена по математике. У него совершенно неожиданно испортилось перо. Надо было попросить другую руч-

ку, но он застеснялся и решил, что на худой конец сойдёт и карандаш. И вот итог: экзаменаторы перечеркнули работу Володи и вывели жирную двойку. Тот вышел на улицу, добрёл до какого-то сквера и опустился на скамейку. Сколько просидел там, не помнит. Пришёл в себя от вопроса:

— Чего пригорюнился, молодой человек?

Рядом стоял старик не старик, но пожилой уже. В другое время Володя оставил бы вопрос без ответа. Но тут... И он рассказал всё. Даже больше того. Что отца у него убили на фронте, что мать работает уборщицей и содержать сына не может. Потом спохватился: для чего он всё это говорит?

Незнакомец, словно уловив немой вопрос, сказал:

— Начну с того, что представлюсь. Генерал-майор Касьянов, директор конно-балетной академии, как шутят у нас студенты. Готов зачислить тебя на первый курс моей академии.

— Да на что мне сдались лошади? — с обидой ответил Володя.

— Не отбрыкивайся! — строго приказал генерал. — У тебя будут стипендия и общежитие. Год перекантуетесь, а потом поступай в свою Бауманку. Шепну кое-кому, и проблем не возникнет...

Через три-четыре года мне стало известно и другое. Генерал сдержал слово, и Володю зачислили в Бауманку. Учёба там заладилась с первых дней. Володю заметили и возлагали на него большие надежды. Казалось, вот она радость, протяни только руку. Но тут случилось непредвиденное. На практике, куда он поехал после второго курса, что-то пошло не так: хлебнул излишнюю дозу облучения и... перестал быть мужчиной. Не знаю уж, о чём думал Володя, но подал заявление об отчислении из училища. В Анну он не вернулся, и следы его затерялись...

А моя жизнь тем временем катилась по накатанной колее. Я окончил университет и стал работать в редакции газеты Верхнекарачанского района. Прошёл там все ступени от литсотрудника до редактора. Карачан был в двухстах километрах от Мосоловки, где жили мои старики, и я по выходным (не сказать, чтобы уж часто) навещался к ним. И вот однажды из автобуса меня высадили, как обычно, в Анне у церкви, где мне предстояло искать попутный транспорт, чтобы одолеть последние девять километров до Мосоловки. Оглядываясь и вижу: Зоя — сестра Володи. Я забыл о транспорте и принялся расспрашивать её о Володе. Она помрачнела:

— Плохо у него. После училища уехал в Донбасс. Устроился на шахту. Платили хорошо. Но раз в забое Володю и его трёх товарищей завалило. Спасли. У Володи оказались сильно повреждёнными ноги. Пошёл на пенсию по инвалидности. Шахта выделила ему «Москвича» с ручным управлением. Женился. Наверное, пить одному стало скучно. Иногда навещает нас.

...Вот и закончилась моя четырёхлетняя журналистская эпопея, и приятель на своей машине

повёз меня в Воронеж, где мне предстояло учиться в аспирантуре. Через Анну мы ехали до боли знакомой мне Подлесной улицей. Случайно бросил взгляд на дом Володи и заметил стоящую рядом легковую машину. Закричал, как сумасшедший, приятелю:

— Стой, стой!

Постучался в дверь. Вышла мать. Не здороваясь, спросил у неё:

— Володя приехал?

Она молча кивнула. Потом сказала:

— Сейчас выйдет.

Через минуту в дверном проёме показался Володя. Он ступал тяжело и неуверенно, опираясь на пару костылей. Волосы у него были всклокоченные, лицо с недельной щетиной — опухшее. Володя скользнул взглядом в мою сторону. Узнал. И спросил:

— Ну, повидал приятеля?

И добавил:

— А теперь уходи.

Заметив, что я собираюсь что-то сказать, решительно прервал меня.

— Иди-иди. Дверь открыта.

И я ушёл.

СЛАДКОЕ ЧУВСТВО МСТИ

Мой некрупный чёрный Дик был самым обычным беспородным псом, но с аристократической разборчивостью в знакомствах. Только редких-редких людей он одаривал снисходительным вниманием, а уж особей собачьего племени почти сплошь отвергал, даже привязчивых сучек.

И вот он вскоре после нашего переезда в новый дом столкнулся с большим, необыкновенно шерстистым чау-чау. Я никогда не видел, чтобы Дик кому-либо испытывал такое почтение: он беспрерывно размахивал своим пушистым хвостом, смотрел — более чем приязненно — тому в глаза и всем своим видом говорил, что он рад, ну необыкновенно рад знакомству. Но эта попытка сблизиться, равно как и две-три другие, чау-чау была проигнорирована. С высоты своего роста он пустым взглядом взирал на суесящегося перед ним малявку и равнодушно проходил мимо него по каким-то своим собачьим делам.

Волей-неволей Дик оставил ненужные попытки и, видимо, совершенно успокоился. Но я заметил, как он, оказавшись неподалёку от чау-чау, о чём-то напряжённо размышляет. О чём — мне было неизвестно. Но через некоторое время я понял: мой, до глубины души уязвлённый, псина думает о мести. Понятно, что Дик не мог вот так прямо вступить в схватку, чтобы наказать обидчика. Весовые категории были не те, явно не те. Но Дик придумал. Однажды, когда они вместе с чау-чау входили в подъезд, мой пёс пропустил его вперёд и с наслаждением вцепился ему в зад, пониже хвоста. Густая шерсть надёжно защищала чау-чау со всех сторон, и он вряд ли почувствовал боль. Толь-

ко недоуменно взглянул на помеху и важно прошествовал вперёд за хозяйкой. А мой Дик, испытыв сладкое чувство мести, ощутив прилив возросшего уважения к себе, самодовольно посмотрел на меня и бодро пошёл к лифту.

Больше надменного чау-чау он и в упор не замечал.

НЕ ДЛЯ ЧУЖОГО УХА

Чужих ушей в Мосоловке было немного, и их все знали. Этих трёх хмурых мужиков время от времени вызывали в Анну. Звонили председателю колхоза, тот выделял подводу, и очередной хмурый мужик отправлялся по казённой надобности.

— Отчитываться поехал, — говорили с явной насмешкой и такой же опаской сельчане.

А в обычное время, не таясь, эти же сельчане говорили о чём придётся, даже о том, о чём и думать-то было запрещено, только внимательно приглядывались, не покажется ли где длинное чужое ухо. При этом, понятно, присутствовали вездесущие мальчишки восьми-десяти лет. Их не опасались: малы ещё, многое не поймут, а что поймут — быстро забудут. Но вот ведь какая штука. Семьдесят лет прошло с той поры. Все до одного участники разговоров не для чужого уха давно уже переселились на сельское кладбище, а их голоса у меня в памяти звучат явственно, я различаю каждое их слово и даже интонации улавливаю.

... — Ты вот что скажи мне, сосед, — говорил дед Воробей моему дедушке Гаврилу. — С чего это вдруг везде пишут и поют про стопудовый урожай? Эка невидаль! До колхоза я выделял в своём наделе делянку, засеивал её рожью и даже в самый неурожайный год снимал по сто пудов с десятины. А так — сто пятьдесят пудов было обычным делом.

— Да что тебе сказать-то, — отвечал мой дедушка. — Ничьё ведь. Пашут кое-как, убирают с потерями. Откуда тут урожаю взяться?

И они замолкали, погружаясь, каждый в свои, невесёлые раздумья.

... — Опять ты, Козьма, что-то ломаешь?

— Доламываю жизнь свою. Сначала пустил на топку ригу, потом конюшню, потом омшаник. Дошла теперь очередь до овчарни. Пары распахали, и овечки перевелись: пасти стало их негде. Так что овчарня не нужна стала.

— С таким размахом, глядишь, у тебя скоро и ломать будет нечего.

— Э, нет. Шалишь, — криво усмехнулся Кузьма. — Хозяйство-то у нас плановое. Вот я и планирую добраться с топором до птичника. Раньше там моя хозяйка держала гусей, уток. А сейчас десяток кур осталось. Перебьются в мазанке, где раньше инструмент всякий хранили. А дальше... Переведу остальной скот — корову, свинью, и снова мне будет где разгуляться.

Кузьма умолк и опять принялся крушить свою жизнь.

... — Здорово, Ефимыч! В отпуск, поди, в родное село пожаловал?

— В отпуск.

— И сколько же свободных дён у тебя?

— Четырнадцать.

— Маловато.

— У нас на собрании говорили, что до революции и такого не было. Правда, один старик наш сказывал, что тогда по две недели не работали на Рождество и на Пасху. Получается, отпуск был четырёхнедельный.

— Ну, будь доволен и двухнедельным. У нас в колхозе отпуск вообще не положен. Отдохнёшь, говорят, зимой. А зима пришла — дров наруби, снег почисти, скот обиходи. Присесть мужику и то некогда. А о бабах уж и говорить не приходится.

Они попрощались и разошлись — каждый по своим делам.

...Я заглянул к знакомому отцу на Комаровку — попросить лодку. Захотелось на вечерней зорьке порыбалить. У него я застал пир горой. Две бутылки, какая-то снедь. И споры, споры...

— Ты вот говоришь, Митрич, после войны, может, колхозы распустят. А мне на что это? — сказал хозяин. — Только-только колхозная жизнь закончится, отстроишься, обзаведёшься хозяйством, а тут что-нибудь другое. И начинай, кума, всё сначала!

— Но ведь, Сидорыч, жить-то как-то надо: в колхозе или без колхоза.

— А это уж не моя забота! Вон приглашают переселяться в Крым и в Калининградскую область. Обещают оставшиеся от высланных татар и немцев дома, всякие там постройки отдать. И скот выделят. Уеду я. Пущай тут суслики горбатятся сколько им влезет...

Вскоре после этого разговора изба знакомого опустела, потом настала очередь других. И процесс пошёл. А конец этого процесса я наблюдал, правда, в другом селе, через лет сорок. Тогда я купил в Горках под Новой Усманью саманный домик под дачу. И как-то мне пришлось возвращаться оттуда в Воронеж на автобусе. Сидящий со мной на одном сиденье попутчик оказался разговорчивым. И он-то, уже не опасаясь чужого уха, сказал мне, совершенно незнакомому человеку:

— Вы и представить себе не можете, какое тут было большое село. После войны я помогал матери, она была письмоношцем. Сумка у неё была страшно тяжёлая: одних пятьсот «Правд» на 550 дворов. 550! А сейчас осталось десяток-полтора домов, где доживают свой век старики. И пять-шесть пропойц, каких свет божий не видывал. Детей — никого.

Автобус подъезжал к Воронежу, и мой собеседник на прощание заключил:

— Я однажды читал какого-то писателя. Фамилию не помню. Так вот он с уверенностью предрекал: если останется хоть один русский уезд, Россия обязательно воскреснет. А я сомневаюсь. Какое тут может быть воскресение с такими вот сёлами...

ВУЛИ-БУЛИ

Под вечер мои знакомые из соседнего подъезда пошли, как обычно, на прогулку со своей некрупной черненькой собакой. Фонари ещё не зажгли, и быстро темнело. Собака замешкалась где-то сзади, и хозяйка озабоченно позвала её:

— Вули, Вули, где же ты там шастаешь? Иди сюда!

Неожиданно шедший впереди африканец обернулся. Лицо у него было напряжённым и даже гневным. Но тут собака выступила из тени, и хозяйка укоризненно сказала ей:

— Нельзя же так, Вули! Потеряешься в такой темноте.

Лицо африканца вдруг просветлело, и он радостно повторил несколько раз:

— Вули-були, Вули-були, Вули-були!

Хозяйка, вспомнив популярный то ли в конце 60-х, то ли в начале 70-х годов шлягер, удивлённо спросила его:

— Вы, что же, знаете эту песню?

Африканец улыбнулся:

— А как же!

И, напевая её, неторопливо двинулся в сторону университетского общежития.

За ужином супруги обсуждали причину столь необычного поведения африканца. Решили: дело тут в кличке собаки, которую они когда-то ей vybrали, не заботясь о том, что же она точно значит. Обратились за помощью к словарям. И не то в третьем, не то в четвёртом англо-русском словаре нашли искомое. Соответствующая словарная статья сообщала: «Чёрные курчавые волосы. В американском сленге устаревшее презрительное наименование негров». Супруги понимающе переглянулись. А вот что обозначает слово «були», им установить точно не удалось. Оно вполне могло называть громилу, опасного типа. А могло быть ничего не значащей песенной добавкой в ритмических целях.

На следующий день муж и жена заметили на месте вчерашнего происшествия уже двух африканцев — знакомого им парня и девушку. Похоже, они ждали кого-то. Увидев собаку, африканец ещё издали крикнул:

— Вот, вот он, Вули-були! Это мой друг! И он такой же красивый, как и я!

ЗАВЕЩАНИЕ

С Сергеем мы были одноклассниками, вместе пошли в школу и сидели за одной партой. Но уже во втором классе нам пришлось расстаться: с фронта вернулся мой раненый отец, его назначили директором школы в Николаевку, и наша семья переехала за двенадцать километров в это нищее село. Правда, я продолжал бывать в Мосоловке у дедушки с бабушкой и с Сергеем иногда виделся. А когда мои старики через пять лет возвратились в Мосоловку, наши встречи стали чаще. Но они были мимолетными: в селе я бывал только наездами, поскольку учился сначала в Анне, а потом в Воронеже.

Из писем стариков я узнавал новости о Сергее. После окончания семилетки остался в колхозе, окончил через год курсы шоферов. Попал в аварию и лишился правой ноги. Ему сделали протез, и через некоторое время он научился на нём довольно бойко ходить. Поступил на какие-то курсы обувщиков и переехал в Анну. На этом информация обрывалась.

Но шли годы. Я окончил университет, и меня направили работать в редакцию районной газеты в Верхнем Карачане. Это село было сравнительно недалеко (в двухстах километрах) от Мосоловки, и я иногда на перекладных наезжал к моим старикам.

Как-то раз я выхожу в одной из таких поездок из автобуса в Анне и нос к носу сталкиваюсь с Сергеем. Он был в добротном сером костюме, белой рубашке и — невиданное дело! — при галстуке. Рядом с ним стояла молодая миловидная женщина. Он представил её:

— Моя жена Нина. Она у меня учёная: десять классов, кулинарный техникум. Сейчас заведует овощным магазином.

После того как Сергей объяснил ей, кто я, она улыбнулась и поинтересовалась:

— А куда это вы путь держите?

— В Мосоловку.

— Знакомое село. А на чём?

— На чём бог пошлёт.

Она неожиданно предложила:

— Знаете что? Пойдёмте к нам. Мы тут недалеко живём. А к вечеру я помогу вам добраться до Мосоловки.

Жили супруги в казённой квартире, хорошо обставленной. На стол Нина выставила не роскошный напиток — водку, а коньяк и пару бутылок вина. На закуску были предложены твёрдая колбаса, сыр, овощи, фрукты. В общем, чувствовались плоды «учёности» жены, как сказал Сергей. Я рискнул облечь эту мысль в форму комплимента. Он был воспринят благосклонно. Сергей, лучась от удовольствия, сказал:

— Спасибо, конечно. Но и то надо учитывать: достаток у нас есть. Зарабатываю я хорошо.

Незаметно для Сергея Нина после этих его слов иронически усмехнулась. Причину иронии я понял чуть позже. Когда мы выпили несколько рюмок и порядком захмелели, Нина раскрыла её сама:

— Овощные магазины сейчас самое доходное место. Овощи-фрукты всегда можно списать как испортившиеся, а продавать как свежие. А ещё продукцию легко приобрести — за небольшую мзду, конечно, — напрямую в колхозах, у сторожей. Но уж если ты наладил отношения с базой, почувствуешь себя счастливчиком.

Вечером Нина позвонила по телефону (у них на квартире был телефон) какому-то Николаю Ивановичу, он прислал легковой автомобиль, и я через полчаса уже стоял перед домом моих стариков.

В следующий мосоловский мой приезд (а он случился через год) я встретил мать Сергея и стал расспрашивать её о сыне. Она пригорюнилась:

— Дело к беде идёт. Нинка попивать стала, по рукам пошла.

— А Сергей что? — спросил я.

— Сергей молчит.

А ещё через год я узнал: в Анне был громкий процесс. Судили торговых работников, среди которых была Нина. Ей дали пять лет. После суда Сергей так и остался жить в Анне. Выселять его из казённой квартиры не рискнули: всё-таки инвалид. Он регулярно отправлял жене посылки, а раз в году ездил на свидание с ней в Семипалатинск, где была Нинина колония. Накануне освобождения он накупил разных разностей, набил ими холодильник и стал ждать. Но настал урочный час, а Нина в Анне так и не появилась. Вместо неё пришло письмо. В нём были только две строчки без подписи: «Презирую тебя за доброту и за глупость. Не вздумай разыскивать меня».

Получив это письмо, Сергей собрал свой немудрёный скарб и переселился в старый дом своих покойных родителей. К вещам Нины даже не прикоснулся: сообщил её сестре, и та забрала их. Квартиру сдал государству.

Жил он в Мосоловке на маленькую пенсию по инвалидности и на то, что зарабатывал, ремонтируя обувь сельчанам. Жениться не собирался, хотя одинокие женщины были готовы скрасить его жизнь.

— Не скучно одному, Сергей? — спрашивали его.

— А на что кот и собака? Всё-всё они понимают.

И действительно, его животные были какие-то не такие, как у всех. Они не отходили от Сергея и даже сопровождали его, когда он ковылял по улице на своём протезе.

В 75 лет Сергей умер. После его смерти нашли завещание, в котором он оставлял дом и всё имущество состоящей с ним в законном браке супруге Нине. Но та так и не отозвалась: то ли ничего не знала о завещании Сергея, то ли уже умерла. И в дом Сергея въехал его внучатый племянник.

ПОСЛЕДНИЙ МАСТЕР

В небольшой уютной Мосоловке (триста дворов всего-то) до самой войны сохранялись многочисленные омшаники. В коллективизацию они все опустели, кроме одного. У деда Макара он всё ещё действовал: каждую осень дед водворял в него четыре-пять ульев.

Война застала Макара уже старым: ему стукнуло семьдесят. Он жил один: жена его умерла, а девятнадцатилетний приёмный сын сгинул в первые дни войны. Сил у деда оставалось чуть на донышке, и их хватало лишь на то, чтобы возделывать крошечный огород, половину которого занимал турецкий табак: самокрутку изо рта Макара выпускал разве что во время сна. Скот и птицу он не держал, а пчеловодством занимался без каких-либо видов на доход. Просто ему нравилось это занятие. Ульи располагались тут же — рядом с избой, стоявшей на краю Комаровки. Поблизости находился никог-

да не распахивавшийся бугор с его разнотравьем и лес, так что для медосбора его пчёлкам летать далеко не приходилось. Дед Макар восхищался трудолюбием этих удивительных созданий и уважительно относился к прекрасно организованной жизни роя. И пчёлы, казалось, понимали это. Они ползали по обнажённой коже лица и рук деда и никогда не жалили его.

Нежданно-негаданно пчёлы стали обеспечивать какой-никакой приварок к его скудному рациону. В войну днём с огнём было не найти ни сахара, ни конфет. И хозяйки, выпросившие у деда баночку мёда, чтобы потешить своих детишек, расплачивались с ним десятком яиц, а то и зарезанным курчонком.

Вдобавок к этому Макар подрабатывал, занимаясь чем придётся. В довоенные года нужды сельчан удовлетворяли разные мастера: бочарники, горшечники, вальщики, портные, сапожники, плотники, кузнецы. Теперь они все уже поумирали или ушли на фронт. Даже крайне важная кузница стояла на запоре. И дед Макар остался в Мосоловке единственным мастером, зато мастером на все руки. Женщины, оказавшиеся без мужей, приглашали его кто зачем: наточить ножи и топоры, запаять прохудившиеся вёдра, сплести из лозняка корзину, поставить на место упавший плетень.

А ещё дед Макар делал отличные складные ножи — заветную мечту каждого мальчишки военных лет. Они были наподобие перочинных, только побольше. Ручки к ним (необыкновенно изящные) дед изготавливал либо из дуба, либо из липы. Дубовые были крепче, но я предпочитал липовые: они словно ласкали кожу рук. Мы с моим приятелем Колькой завистливо вздыхали: «Вот бы нам такие!», но понимали несбыточность своей мечты: дед мастерил ножи только из материала заказчиков. А где его взять-то?

Но однажды Колька с таинственным видом поманил меня в свой сарай. Отодвинув горы мусора, он показал мне два стоящих у стены обломка оборванной невесты когда косы. Прихватив один такой обломок и понадежнее спрятав другой (авось пригодится), мы помчались, радостные, к деду Макару. Об оплате мы не заботились: знали, что дед Макар в качестве платы оставляет себе половину принесённого материала.

Посмотрев на нашу находку, дед Макар вымолвил:

— Два ножа.

Я нерешительно вымолвил:

— Дедушка, а нельзя ли мне из липы? Ручку-то?

Дед Макар промолчал. А через три дня мой дед Гаврил, как всегда, без улыбки, сказал мне:

— Зайди к Макару. Что ты заказывал, готово.

И вот у нас в руках два прекрасных ножа: Колькин — с дубовой ручкой, мой — с липовой. Мы их берегли, буквально не выпускали из рук. Но ничто не вечно под Луной. К концу года Колькин нож куда-то запропастился, а у моего сломалось лезвие: коса-то была старая престарая.

Колька мигом достал из-под завалов вторую половинку косы, и вот мы протягиваем её деду Макару, говорим:

— А можно...?

Немногословный дед Макар прервал нас:

— Приходите через неделю.

В назначенный срок мы были на Комаровке. Толкнув дверь, вошли в избу. Дед Макар неподвижно сидел за столом. У последнего мастера военной Мосоловки остановилось сердце. А перед ним лежали два складных ножа: один — с дубовой, другой — с липовой ручкой.

НА ВЫЕМКЕ ДОМОДЕЛЬНОГО ВИНА

Время от времени в Стране Советов случались вспышки борьбы с самогонотварением. Инициированная кем-то из кремлёвских сидельцев очередная кампания выплывала за пределы Москвы и распространялась по городам и весям нашего богоспасаемого отечества со скоростью чумы. Но она была какая-то странная. Сначала всё бурлило и клекотало, потом неожиданно смолкло до следующего раза. А мужики так и не переставали потреблять гранёными стаканами мутное и вонючее зелье — для сугреву, для настроения и просто от нечего делать.

Я был свидетелем нескольких таких кампаний, но особенно запомнилась мне одна. Тогда я работал редактором районной газеты, знал всё и вся, был знаком со всеми, и меня знали все. И вот однажды звонит мне начальник милиции, человек с виду болтливый, но в действительности себе на уме и добрый:

— Михалыч, составь компанию. Вечером еду по плану борьбы с самогонотварением в Нижний Карачан. Хорошо бы ты тоже поехал.

— Тимофеевич, — говорю я. — Ну, с какой это стати? Мне нечего делать, что ли? Или самогон без меня не найдётся?

— Найду, конечно. Но для авторитета, так сказать. Ведь ты редактор, да ещё член партбюро райкома. И тебе это выгодно. Где надо галочку поставишь: дескать, принимал участие в борьбе с нарушением норм социалистической законности.

В конце концов Василий Тимофеевич уговорил меня, и мы вечером на двух машинах отправились в Нижний Карачан, где к нам присоединились два местных милиционера. По наводке этих местных машины остановились у одной избы, потом у другой, третьей... Сценарий наших дальнейших действий был один и тот же. Члены комиссии усаживались на лавку в избе, а два милиционера (меняясь попеременно) проходили за занавеску, скрывавшую крохотное пространство у печки, в котором теснились маленький стол, судная лавка, ведро с водой и лоханка для помоев. Отсутствовали они минут пятнадцать-двадцать, потом выходили из-за занавески, делали какой-то знак Василию Тимофеевичу, и мы отправлялись в следующую избу.

Когда таким манером мы обследовали шесть изб, Василий Тимофеевич сказал мне:

— Ну, пожалуй, хватит на этот раз. А то уж мои молодцы едва на ногах держатся: самогон плохой, да и закусить некогда.

По молодости лет я ничего не понял.

— А о результатах мы что писать будем в отчёте? Василий Тимофеевич махнул рукой.

— Да какие там результаты! В этих избах, да и в других тоже, самогону немерено. Но видишь ли, в чём дело — у одних свадьба на носу, у других — поминки, третьи собираются перестраивать дом. Да мало ли какая надобность возникнет у мужика? Куда уж тут без самогона! А водку купить не на что. В общем, мы ничего не нашли. Ты не будешь возражать, если в бумаге, которую требует райком, мы так и отпишем?

Я не возражал...

Осенью закончилось моё четырёхлетнее сидение в районе, а дальше меня ожидало обучение в аспирантуре, которая решительно никакого отношения к антисамогонным кампаниям не имела. Но они неожиданно напомнили мне о себе.

Когда я в очередной раз пришёл в архив порыться в бумагах, относящихся ко второй половине XVII века, мне попала на глаза пухлая стопка донесений сразу от двух лиц. Они были посланы воеводой на выемку домашнего вина в Семилуки. Производство этого вина находилось явно не в ладах с государственной монополией на водку. Воевода был не дурак и распределил своих посланцев грамотно: первый начинал с одного конца селения, второй — с другого, и они шли навстречу друг другу. По ходу обследования посланцы должны были письменно отчитываться о результатах розыскных мероприятий. Я прочитал их отчёты и восхитился: как же стойко держатся в России добрые традиции! Может быть, мы и выжили в кошмарных условиях благодаря им?

Все донесения (от того и другого) были написаны словно под копирку, хотя в те давние времена о ней и слыхом не слыхивали: «У... (имя рек) найдено (150, 200 и даже 300!) ведер домашнего вина. Но всё для себя, не на продажу». Внизу этой стопки было сообщение от какого-то третьего лица. Он информировал воеводу, что два его посланца закончили работу и встретились в центре Семилуки. Между ними возник конфликт, в результате которого у одного из посланцев сломана рука, а у другого — нога.

ПРИВЫЧНЫЕ ВЕЩИ

В молодости по понятным причинам я не придавал особого значения словам Арсения Тарковского: «Жизнь хороша, особенно в конце». Но когда прошли годы и череда (большая череда!) нужных дел осталась лишь в моих воспоминаниях, эти слова стали для меня чем-то вроде девиза, и я научился ценить привычные вещи, которые повторяются раз за разом, которые заполняют каждый мой день

без остатка и которые (все до единого) я принимаю с грустью и благодарностью.

Вот я встаю с постели в 6.15. Умываюсь, прохожу на кухню. Первая чашка утреннего кофе, первые утренние ломтики сыра, первая утренняя сигарета, первая порция утренней воркотни жены (без особых оснований — токмо ради постановки голоса). Покончив со всем этим, я цепляю на поводок мою маленькую Жужу и выбредаю на плохо гнущихся ногах на улицу.

А там меня тоже ожидают привычные вещи. Только другие. Около близлежащего дома из кустов выбегает ослепительно белая китайская хохлатка. Она бурно приветствует мою Жужу, некоторое время играет с ней и тут же направляется вместе с хозяйкой по своим неотложным собачьим делам. Её сменяют суетливая такса и важный медлительный мопс. А потом в конце нашего маршрута, под громадным деревом, промелькивает озабоченная мордочка белки, роющей в земле вблизи от спасительного ствола.

Такой же привычной вещью для меня до недавнего времени были регулярные встречи с Петровичем, сухоньким старичком лет семидесяти, который после моего переселения на новую квартиру оказался со мной в одном подъезде. Точно в семь он присоединялся к нам с Жужу и начинал бесконечные свои рассказы. Говорил он всегда об одном и том же, и я, занятый собственными мыслями, по привычке не слушал его, не забывая, впрочем, поддакивать в нужных и ненужных местах. Но однажды он неожиданно предложил мне сходить после обеда на соседнее кладбище. Я удивился, но тем не менее пошёл: надо было навестить моих стариков, давно ушедших в мир иной.

После долгих блужданий по этому иному миру мы наконец нашли две искомые могилки, сильно заросшие травой. Пока шла моя мысленная беседа с покойными, Петрович стоял молча, а потом поманил меня в сторону — к свежим могилам.

— Вот, — сказал он и глазами показал на надгробный камень. Там была изображена молодая улыбающаяся женщина, хотя сообщение на камне говорило об ином: она умерла в преддверии своего семидесятилетия. В самом низу были высечены вполне стандартные слова: «Маше от безутешного мужа». А Петрович между тем продолжал:

— Семья у нас была, как и у других. Двое детей, вечная о них забота, крошечная «хрущёвка», безденежье. А потому постоянные ссоры. Один раз хотели даже развестись, но как-то не вышло. А теперь вот... дети выросли, у них своя жизнь, а мне одному, без неё, и жить больше не хочется.

Возвращались мы назад другой дорогой. По правой стороне её тянулась стенка, отделяющая окрестные дома от гаражного кооператива. Она была едва различима: со временем её заслонили высокие и не очень высокие деревья и какие-то колючие кусты. Отодвинув один такой куст, Петрович обнажил потемневший от времени кусок бетонной плиты. Там виднелась полустёртая над-

пись, начертанная неровными детскими буквами: «Машутку убю».

Улыбнувшись, Петрович пояснил:

— Мы только что закончили первый класс.

А потом через несколько шагов на той же стенке мне была продемонстрирована другая надпись, сделанная, видимо, уже грамотным юношей: «Машенька, я люблю тебя!!!» Петрович её прокомментировал так же кратко:

— Через четыре года мы поженились.

...Вскоре после похода на кладбище Петрович умер, пережив жену на один год. От него остались только эти три надписи — скупое и невнятное повествование о жизни обыкновенных людей, каких у нас много-много. Они всего лишь следовали привычному порядку вещей: родились, жили, как могли, и в своё время отпали, словно засохшие ветви, от зелёного дерева жизни. Впрочем, и оно тоже не вечно, как иногда думают. Даже звезды не бессмертны.

С ВЕРХНЕЙ ПАЛУБЫ

Когда я уходил на пенсию, то, каюсь, сильно приуныл. Быть в центре университетской жизни, которая ни дня не проходит без новостей — неважно, хороших или плохих, а тут оказаться в бессрочном отпуске, да ещё на ограниченной территории. Но мои опасения не оправдались. Неожиданно для себя я оказался на перекрёстке судеб, они толпились вокруг и делали меня словно бы участником нетривиальных жизненных ситуаций.

Рано утром я сталкиваюсь с профессором из соседнего подъезда, спешащим на работу. Ему шестьдесят, и он торопится как можно полнее использовать до прихода студентов и начала занятий свой «досуг одинокий». А дел у него немало. Он хороший журналист-исследователь и не менее хороший журналист-практик, неординарный поэт и оригинальный живописец. Потом, когда я вернусь в комнату, где обитаю, обязательно взгляну хоть одним глазком на три этюда, которые он подарил мне. Особенно на вон тот, там изображена избушка — ну точная копия избушки моих покойных стариков, хотя профессор её не видел.

Но это будет потом, а сейчас я продолжаю путь и на опушке дубравы встречаю пекинеса Тима с его хозяйкой. Та по обыкновению своему жизнерадостна, чему, надо думать, обязана жизнью в окрестностях Салехарда, где провела вместе с семьёй чуть меньше десяти лет. Когда я осторожно говорю, что вот в середине ноября уже минус пять, подразумевая, что холодно, она решительно заявляет:

— А в Салехарде 31 мороза!

Мою жалобу на то, что солнце сейчас встаёт поздно, она парирует замечанием:

— А в Салехарде оно теперь показывается только на три часа.

У неё муж, трое детей, две кошки, собака. И она задумчиво говорит:

— Всё-таки женщина — это трудная профессия: сделай то, приготовь сё, подай это.

И тут же сама себе задаёт вопрос и сама отвечает:

— А может, это и хорошо? Всем нужна, всегда при деле...

Иногда мой путь пересекается с пенсионером из соседнего дома. Ещё утро, а он по-своему обыкновенно навеселе и не скрывает этой своей слабости:

— А что тут поделаешь? — говорит он. — Вся жизнь моя с самого рождения пошла кувырком. Мать родила меня в 46 лет уже без отца, который погиб на фронте. Претензий к её возрасту я не имел, но он начал сказываться, когда я поступил в университет. Помощи от мамы — одинокой крестьянки 65 лет — ожидать не приходилось. Жил на одну стипендию. Ходил в старенькой одежде, голодал.

Мой собеседник сделал передышку, потом продолжал:

— Отшел я только после университета, когда меня послали на работу в Среднюю Азию. Купил костюм, пальто. Но тут хлоп — новый зигзаг судьбы. Встретил девушку, полюбил. Мы поженились и переехали в наш город к её матери. Та жила в старом-престаром доме, готовом при первом прикосновении рассыпаться. Мы приглашали какие-то комиссии, они соглашались, что жить здесь нельзя, но обещали переселить не раньше будущей пятилетки. А однажды из домоуправления к нам пришла Комиссарша в кожаной куртке (так её звали), отозвала меня в сторонку и шепнула: «Три тысячи рублей — и вы в новой квартире». Я поверил, поехал со стройотрядом на Камчатку, заработал нужные три тысячи и выложил их перед Комиссаршей. И как по мановению волшебной палочки нам дали квартиру. Трёхкомнатную. Одну комнату — матери с сестрой, вторую — нам с женой, третью — народившейся дочке. Всё вроде бы хорошо, но как обставить эту квартиру? На сто с чем-то рублей, которые платили неостепенённому университетскому преподавателю, не больно-то разбежишься. Приходилось подрабатывать. Понятно, забросил кандидатскую и... запил. Из университета турнули. Перебивался кое-как до пенсии. Но ничего, скоро полегчает. Умру я. Рак.

Поутру я встречаю и многих других знакомых. Они рассказывают мне разное: у одних — радость, у других — печаль. А ночью, перед отходом ко сну, я радостно говорю себе:

— Ну, завтра будет новый день и будут новые встречи!

Я (мне восемьдесят два, легка — гм — ещё походка)... я в это верю не вполне. Но радостное настроение не покидает меня: моё плавание по бурному житейскому морю продолжается. Правда, за событиями, из непосредственных участников которых жизнь меня исключила, я наблюдаю с верхней палубы. Но я не печалюсь, так как твёрдо знаю: где что-то потеряешь, там что-то другое найдёшь.

С верхней палубы мне хорошо видна ложь, для маскировки закопанная глубоко под чистой прав-

дой. Для меня стала очевидной истинная ценность приобретений, кажущихся большими-пребольшими, а на деле представляющих всего лишь маленькие песчинки. Мною овладело чувство безграничного оптимизма: что бы ни... как бы ни... сколько бы ни, а жизнь всё-таки зеленеет, хотя на уровне отдельных личностей всё бывает иначе. В самом деле, деньги идут к деньгам, удача к удаче, а несчастье — к несчастьям. Но тут уж ничего нельзя поделать.

ЛЮТЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Как-то ночью мне не спалось, и память услужливо перенесла меня прямёхонько в детство. Оно, это детство, очень было странное: целостной картины нет, а какие-то в беспорядке разбросанные осколки. Но я всё равно отдался на волю волн прихлынувших воспоминаний.

...Солдаты возвращались в родную Николаевку с трофеями. Один привёз трубку от немецкого военного телефона, другой — полрюкзак «деревянного» плиточного клея, третий — две толстые тетради и десяток цветных рождественских открыток.

Тетради — моя слабость — запали мне в душу. И как-то раз, придя к Кольке Федосову домой, я незаметно стащил одну из них. Но когда вышел из дверей, задумался: а куда я с ворованным денусь? В школу нельзя — там знают, чья она. Домой тоже нельзя — начнутся расспросы. И я положил её на крыльцо соседнего дома. Вскоре разразился скандал. Ванька Приселков, ничего не подозревая, принёс находку в школу. Ему закричали: «Вор! Вор!» Ваня плакал и клялся, что тетрадь он нашёл. Никто ему, понятно, не поверил.

А я, как вспомню, что украл-то я и что не вступился и не оправдал Ваню, всё внутри меня переворачивается.

...Когда я был во втором классе, отец заплатил приехавшему в село фотографу за два снимка и обрattился ко мне:

— Скажешь этому дяде, кого бы ты хотел видеть рядом с собой на фотографиях.

Для первого снимка я попросил фотографа усадить меня, Ваньку Лобана, Саньку Толкача, Толика Кузнецова и Володьку Дворникова. Многих из них уже нет, но вот они, передо мной, как живые. Потом фотограф сказал:

— А теперь парный снимок. Пригласи-ка своего лучшего друга.

Я задумался. Мог бы сняться или с Ванькой, или с Санькой. Но, к удивлению присутствующих, я показал пальцем на проходившего мимо Федьку Бухана и сказал:

— Вот его.

Бухан был на четыре-пять лет старше нас — по нашим понятиям, «большой», и мы относились к нему с робким почтением. Правда, у меня в голове мелькнуло предостережение нашего религиоз-

ного соседа Ивана Осыпича. Когда я восхитился по какому-то поводу Буханом и заметил, что он смелый, сосед покачал головой:

— Никакой он не смелый. Бухан не знает границы между добром и злом. Не водись с ним, Толик.

Этому предостережению я не внял. А зря. Вскоре Бухан переехал в Воронеж и стал форменным бандитом. Года через два он убил человека. Следствие установило, что жертве он выколол глаза, отрезал нос и уши. На зоне Бухан остался верен себе. Он не признавал даже воровских установлений, и его убили свои же.

Услышав эту весть, мама отрезала часть фотографии с изображением скалящегося перед объективом Бухана. Но след его остался на сохранившейся части — во взгляде мальчика, обожающе взиравшего на убийцу. Ох!

...К нам заходит Тихон Васильевич и, как всегда, приглашает меня на рыбалку. Он совсем старей, и крыша у него давно уже поехала.

По дороге Тихон Васильевич, до войны закончивший три курса истфака университета, без конца повторяет:

— Ах, как сладко умирать. Лестницу дайте, лестницу!

И не забывает добавлять, что это слова почтаемого им Николая Васильевича Гоголя.

Потом он закичивается на прибаутке «Поздно, Клара, пить боржом: печень отвалилась» и наконец переходит к чему-то иному. Я по привычке не слушаю его.

У меня в тот раз клевало отменно, и я поймал штук пятнадцать крупных плотвиц. А у Тихона Васильевича — ни одной. Это было неудивительно: леска толстая, поплавков тяжёлый, крючок крупный. Рыба что — дура?

На обратном пути Тихон Васильевич обращается ко мне, чуть не плача:

— Толь, дай-ка мне десяток плотвиц. А то скажут: малец старика обставил. Стыдно мне будет!

Просил он просил, а я так и не дал. Господи, какая же я жадина-говядина! А ведь Тихон Васильевич по разуму-то моложе меня был.

Когда я досмотрел последний кадр этого моего «фильма», меня охватило то радостное чувство, какое обычно посещает человека при нежданной встрече с уже давно минувшим детством. Но оно было с изрядной примесью тревоги. Я задумался, почему это так, и мне неожиданно пришла на ум утренняя молитва моего далёкого предка, обращённая к Богородице: он просил избавить его от многих и лютых воспоминаний. Каких таких лютых? Я прокрутил в памяти все припомнившиеся только что случаи. И они отозвались во мне не радостью, а, напротив, пробудили обжигающее душу чувство стыда. Эти воспоминания я старательно прятал где-то в закоулках моей памяти, а теперь вот они, перед глазами.

Правда, я тут же утешил себя. Эти лютые воспоминания всё-таки относятся к детству: хоть как-то можно оправдать их. И вдруг... В моей голове

внезапно ожили новые воспоминания — такие же лютые, ещё лютей... Только они о каких-то случаях, происшедших в отрочестве, юности, зрелом возрасте и даже в старости. Эти лютые воспоминания множатся, сбиваются в плотный рой. И я знаю, этот рой будет кружить надо мной завтра, послезавтра. И так останется до конца положенных мне дней.

КОТЁНОК И Я

Котёнок был маленький и дрожал от зимней стужи. Кто-то, наверное, выбросил его. Я беру малыша на руки, приношу в дом, пою тёплым молоком и укладываю спать с собой. С тех пор он не отходит от меня. Был он ласков и необыкновенно чистоплотен. Когда его ночью приспичивало, он садился у двери, но не мяукал, прося выпустить его на улицу, а терпеливо ждал, когда кто-нибудь поднимется по нужде и долгожданная дверь откроется. Но один раз, как на грех, ночью встала полуслепая тётя Дуня, жившая вместе с нами в тесной избушке дедушки. Не разглядев котёнка, она захлопнула двери и придавила ему задние лапки. Мама и я вскочили с постели, услышав его жалобный крик. Мы перевязали его, предварительно вставив под повязку вдоль сломанных ножек две палочки — вроде шин, и водворили на печку. Но котёнок выдержал моё отсутствие только ночь. С трудом он подполз к краю печки и, зажмурив глаза, рухнул на нашу с мамой кровать, стоявшую, к счастью, вплотную к печке. Я перепугался, поправил повязку и уложил его у себя под боком. Регулярно я доставлял котёнку еду и питье, относил в сени, где он справлял нужду.

Удивительно, как быстро стали заживать его раны. К весне он мог уже спрыгивать с постели, но ходил как-то неловко и медленно. Когда меня не было, он стонал и плакал. Усевшись на подоконнике, он ожидал, когда я приду домой.

И вот... В один из дней мы играем в футбол на площадке, примыкающей к нашему дому. Я стою на воротах и выжидательно смотрю на форварда другой команды, который готовится пробить по моим воротам мяч. Вдруг мама кричит:

— Толя! Котёнок пошёл к тебе. А там собаки!

Я не обращаю на крик внимания: слишком занят ожиданием броска. А собаки разорвали моего котика. От него осталась только полоска крови.

Ну, почему, почему я промедлил?!!

ПЕРВАЯ РЫБАЛКА

Я и мой отец, только что возвратившийся с фронта после ранения, идём на мою первую в жизни рыбалку. На плече у меня две удочки — своя и отцова. Сделать их было непросто. Сначала отец сходил в Затон (лес такой) и срубил две длинные и прямые орешины — на удилица. Потом выпросил у мамы катушку белых ниток (большая по военным временам ценность!), ссучил четверо нитки, и вот вам пожалуйста — две лески. Затем мы с ним пошли на Битюг, нашли сухую кугу: она

пошла на поплавки. С грузилом было проще: у дедушки чудом сохранилось несколько дробинок. А вот у кого отец взял крючки, это осталось для меня тайной.

Мы приходим на Крутину около Яруги и забрасываем удочки. Но что за притча: у отца клюёт, а у меня нет. Я меняю место, и мне начинает везти: один за другим я выбрасываю на траву небольших окушков. Вдвоём мы их поймали штук тридцать.

Мама зажаривает наш улов и раскладывает поровну на три тарелки. Я смотрю на исхудавшего после ранения отца, вспоминаю слова бабушки «Уж как любит мой Миша рыбу, страсть божья!» и решительно сгребаю свою рыбу на тарелку отца. С деланным равнодушием говорю:

— Не переносу рыбу. Дай-ка мне, мама, лучше кусочек мяса.

Сидящие за столом почему-то смеются.

ЗАХМЕЛЕВШИЙ КОТ

У нас были гости. Пришли шесть человек, выпили всю водку, которую купил отец, слопали всё жареное мясо и целый таз винегрета, над которым почти что день корпела мама, и два часа горланили песни. Я истомился весь. Ни заснуть, ни почитать: комната-то одна. Наконец-то гостечки стали собираться. Мои старики вышли их провожать. У меня сна ни в одном глазу. Я встал с постели, побрёл к столу. Есть мне не хотелось, а вот водку пробовать мне не доводилось. Фу, гадость какая! На колени мне вспрыгнул кот, которого гости тоже утомили. И мне пришлось в голову узнать мнение Васьки о водке. Я обмакнул кусочек хлеба в водку и обильно намазал ему морду, а поскольку он вырывался, какое-то количество водки попало ему на грудь и лапы. Кот вознегодовал, фыркнул и принялся тут же обихаживать себя, тщательно вылизывая шёрстку.

Родители возвращаются, а тут захмелевший кот развлекается вовсю. Он взбирается на мамину гордость — шторы, раскачивается и перелетает с одной шторы на другую. И до тех пор, пока шторы со стоном не рушатся на пол. Кот махом перемещается на супружескую кровать. Какой-то замысловатый кульбит — и обе подушки в белоснежных наволочках слетают на грязный пол. Заключительная пробежка по столу, после которой остаются перевернутыми тарелки, стаканы. И вот финал: Вася пулей вылетает в неприкрытую дверь, перенося свои забавы во двор.

Мать ошолбеневает и, запинаясь, спрашивает нас:

— Чего это он вытворяет, ребята?

— Твой любимец сошёл с ума, — невозмутимо отвечает отец.

— Ах, ах, — стонет мама. — Такой умный котик, а вот поди ж ты. Что дальше-то будет?

Дальше ничего необычного не происходит. Утром кот будит нас громким мяуканьем, требуя, чтобы его впустили в дом. Ему открывают дверь. Протрезвевший Васька как ни в чём не бывало входит в комнату, ставит хвост трубой, улыбается нам во всю кошачью морду и бросает своё радостное «Мурр!», что, вероятно, означает: «Всем доброе утро!» Потом лакает не выпитое вечером молоко, идёт на своё место и спокойно засыпает. Никаких — ну, решительно никаких! — хулиганских выходок он себе в дальнейшем не позволяет. Обрадованная мама не пеняет ему за вчерашнее. Только иногда скорбно рассказывает соседкам о временном помрачении рассудка у своего умницы-кота. Я коту благодарен. Он так и не выдал матери, кто истинный виновник происшествия. И даже не обиделся на меня.

ЛИШНЯЯ ТЕТРАДЬ

В предпоследний военный год у нас необыкновенно туго с бумагой. И мы, дети, пишем на газетах. Однажды я аккуратно выполнил домашние задания — одно, другое — и переписал на газету. Написанное тут же расплылось. Когда я представил себе, каково это будет читать нашей старенькой Анастасии Петровне, то неожиданно расплакался. Отец расспросил меня о причине слёз и... задумался. Наконец спросил:

— Ты можешь подождать три дня?

Я кивнул. И в воскресенье отец отправляется в Анну на рынок. Пешком, за 15 километров, зимой. Возвращается оттуда усталый к вечеру. Когда он пообедал и отдохнул, мы разбросуровываем принесённые им две общие тетради. Отсчитываем по двенадцати листов и складываем в стопки. Потом прилаживаем к этим стопочкам обложки старых тетрадей, заклеиваем написанное на них чистыми бумажками, и тетради готовы!

Я мысленно пересчитываю. Эта — по русскому языку, эта — по арифметике, эти — по иным предметам. Одна остаётся не у дел. Подумав, я пишу на обложке: «Для личных потребностей» (очень уж нравятся мне слова «личные потребности», где-то вычитанные мной). На первой странице вывожу: «Я люблю папу и маму». Потом добавляю: «Очень». За что — оставляю непояснённым. Как само собой разумеющееся.

EDITORIAL

Vladimir Tulupov

Media Education in the Post-Soviet Countries:

Experience, Problems and Perspectives 2

SCIENTIFIC SCHOOL: IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY

Mikhail Berendeyev

Youth and politics in the digital age of social media: online vs. offline 4

Abstract: The publication considers new forms of social activity in social networks. The great importance of new tools of network communication for full participation in social and political life is actualized. The use of social networks by young people is presented as a new form of socialization. It is emphasized that the development of the media space in the segment of the social networks segment creates a new field and the formats of public policy themselves. The problem of gap between generations living in formats online and offline is considered.

Keywords: Social media, Social networks, Web 2.0, User-generated content, political leadership, political participation.

Malvina Drucker

Actual problems of modern Russian social video advertising 8

Abstract: The article is devoted to the problems of the development of modern social video advertising in Russia. Major current issues of social video advertising include the development of high quality content, extension of the range of topics and creation of opportunities for providing information platforms.

Keywords: social advertising, media space, advertising effectiveness, communication channels.

Natalia Suvorova

The role of modern media in covering terrorist acts 11

Abstract: The article is devoted to the problems of media influence in reports on terrorist acts, different subject relations in communication about terrorist acts, and the problem of regulating journalistic activity in covering terrorism.

Key words: Media, terrorist act, coverage of terrorism, impact on society and terrorists, communication.

Galina Yanovskaya

The introduction of viral ideas under the pretext of reform of the

educational system 14

Abstract: the article deals with viral ideas, the order of their implementation on the levels of content, the system of management, the basic principles of academic and research activity and financing of an educational institution. The author reconstruct the aims of pseudo-reforms and preventing measures resulting in degrading scenario of the future in Russia.

Keywords: educational content, operational administrating, administrative and financial pressure, technocratic virus, stratification in the educational system.

Galina Yanovskaya, Olga Kochetkova, Anzhelika Ostapenko

Youth bloggers as vehicles of ideas and meanings in a teenage environment 17

Abstract: The article considers ideas and meanings introduced by popular youth bloggers into the teenage environment: the fashion for opposition, lack of education and degeneracy. The technology of media relations of a typical «opposition» blogger and his audience is revealed, based on mutual deception, which has a subjective, technical and financial dimension. The destructive ideas and meanings are being reconstructed, which form in the teenagers the flawed ideas about the country, its culture, the institution of the family, its own future. Defective models of everyday and speech behavior and interpersonal relations are presented.

Key words: opposition, subjective, technical, financial levels of media communication, education, conceptual and everyday levels of meanings, sphere of leisure and entertainment, interpersonal relations, speech behavior.

THEORY AND PRACTICE OF JOURNALISM

Ivan Astafurov

Transformation of communication processes and regional information policy 32

Sergey Strashnov

Hyperbole in modern journalism 35

Abstract: elementary lexical figure of speech is being studied in terms of historical poetics traditions as a particular, which allows revealing significant trends. In this particular case – recent massmedia development.

Keywords: poetics, hyperbola, publicism, information and analytical journalism.

MESSAGES 38

LITERATURE..... 39

DIGEST 42

WORKS OF OUR COLLEAGUES..... 44